
Министерство образования и науки
Российской Федерации
Омский государственный педагогический
университет

Ministry of Education and Science
of the Russian Federation

Omsk State Pedagogical University

**Вестник
Омского государственного
педагогического
университета**

**Newsletter
of Omsk State
Pedagogical
University**

**ГУМАНИТАРНЫЕ
ИССЛЕДОВАНИЯ**

**HUMANITARIAN
RESEARCH**

**Научный журнал
2015 • № 2 (6)**

**Scientific journal
2015 • № 2 (6)**

Омск
Издательство ОмГПУ
2015

Omsk
Publishing house OmSPU
2015

ISSN 2309-9380

**ВЕСТНИК
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ**

**Научный журнал
2015. № 2 (6)**

Редакционный совет

Волох О. В., доктор политических наук, профессор,
председатель редакционного совета
Федяев Д. М., доктор философских наук, профессор
Чекалёва Н. В., доктор педагогических наук, профессор
Шаров А. С., доктор психологических наук, профессор

Редколлегия журнала

Федяев Д. М., доктор философских наук, профессор,
главный редактор
Горнова Г. В., доктор философских наук, доцент,
заместитель главного редактора
Федяева Н. Д., доктор филологических наук, доцент,
заместитель главного редактора

Антилогова Л. Н., доктор психологических наук, профессор
Беренд Н., профессор (Маннгейм, Германия)
Буренкова С. В., доктор филологических наук, доцент
Коптева Э. И., доктор филологических наук, доцент
Красноярова Н. В., кандидат философских наук, доцент
Кротт И. И., кандидат исторических наук, доцент
Пекарская И. В., доктор филологических наук, профессор
(Абакан)
Пивоваров Д. В., доктор философских наук, профессор
(Екатеринбург)
Рагулина М. И., доктор педагогических наук, профессор
Родигина Н. Н., доктор исторических наук, профессор
(Новосибирск)
Смит П., профессор (Арлингтон, США)
Филатова А. Ф., доктор психологических наук, доцент
Чернявская Е. А., кандидат психологических наук
Чуркин М. К., доктор исторических наук, профессор
Чуркина Н. И., доктор педагогических наук, доцент
Шипилина Л. А., доктор педагогических наук, профессор

Свидетельство о регистрации ПИ № ФС77-59612
от 10 октября 2014 г.

Адрес редакции:

644099, Омск-99, Набережная Тухачевского, 14, ОмГПУ
ФГБОУ ВПО «ОмГПУ»: 644099, Омск-99, Набережная
Тухачевского, 14
Омск, Издательство ОмГПУ, 2015

© Федеральное государственное бюджетное образовательное
учреждение высшего профессионального образования «Омский
государственный педагогический университет», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Бельская Ю. В.

Концептуализация модели человека
в институциональной
и неинституциональной экономической
теории.....8

Гопко В. В.

Парадоксы рекламы.....11

Кордас О. М., Николаева Ю. А.

Феномен тайны в философском контексте.....15

Мартишина Н. И.

Конструктивистская исследовательская
программа в социально-гуманитарном
знании19

Подкатнова И. В.

Британские философы-утилитаристы XIX века
о ценностях23

Шубина М. П.

Наука и жизненный мир в феноменологии
Э. Гуссерля26

ФИЛОЛОГИЯ

Гейко Н. Р.

Особенности перевода атрибутивных
конструкций типа N+N32

Дронсейка Р. П.

Интернационализация лексики русского
литературного языка начала XXI века.....35

Троян С. В.

Фрейм «диагноз» в метафорическом
сценарии «Омск – больной организм»
(на материале омской рубрики «Диагноз
недели» сайта БК55)38

Устинова Т. В.

Трансформация ассоциативного потенциала
слова в процессе конструирования значения
поэтического контекста42

Шалацкая Т. П.

Тема детства в малой прозе А. И. Куприна:
аспекты психологизма46

ИСТОРИЯ

Войнаровская Ю. В., Войнаровский О. В.

Ликвидация безграмотности в годы становления советской власти (на материалах малых городов Поволжья).....50

Кротт И. И.

Представительные организации сельских предпринимателей Западной Сибири в годы Первой мировой войны и революционных потрясений53

Сүлейманов А. А.

Этнографическое изучение коренных народов арктических районов Якутии в 1951–1954 гг.56

Черкасов Д. Н.

«Мессенская республика» в политической жизни франко-германского пограничья (конец XIV – первая половина XV вв.).....60

ПСИХОЛОГИЯ

Галецкая И. И.

Общая характеристика психологического здоровья и его основных критериев.....66

Филатова А. Ф.

Медитация и личностное развитие.....70

КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бакулина С. Д.

Специфика и способы интеграции культурно-исторического наследия в жизнь современного региона76

Избушева А. М.

Бренд юбилейного города в современной российской культуре79

Матвеева С. И.

Коммуникационные проекты в библиотеках Кунгура82

Раубо К. В.

Бренды в социокультурной парадигме современного китайского общества85

Таранова Ю. В.

Коммуникативные тенденции формирования туристического имиджа городов и регионов в условиях сетевого общества88

ПЕДАГОГИКА

Викторов Д. В.

Здоровьесберегающая компетентность студенческой молодёжи.....92

Жукова О. Н.

Развитие одаренности школьников при решении изобретательских задач в информационно-коммуникационной образовательной среде96

Кошелев В. А.

Подготовка PR-специалистов в условиях конвергенции информационного пространства.....100

Лаздина Т. И.

Научно-исследовательская деятельность как фактор развития общекультурных компетенций студентов педагогического вуза103

Морозова М. А.

Возможности использования корпоративных ресурсов в социальной сети Facebook при обучении немецкому языку в вузе.....106

Мухтаров Т. С.

Проблемы интеграции образовательного пространства Республики Казахстан в условиях продолжающихся глобализационных процессов110

Навойчик Е. Ю.

Формирование профессиональной компетенции учителей истории и обществознания в пространстве образования как открытой системы114

Сафонова Л. А.

Современные онлайн-ресурсы и их дидактическое значение117

Щукин Д. В.

Метод проектов: педагогическая технология в образовательной среде высшей школы120

СЛОВО МОЛОДЫМ

Кузмичева И. В.

Философский аспект интертекстуальных связей в романе Б. Акунина «Ф. М.»124

Панасюк О. Г.

Мифологическая основа происхождения славянских фразеологизмов127

Свотина К. В.

Актуальность изучения ономастики

в школе130

Сведения об авторах132

Информация для авторов134

ISSN 2309-9380

**NEWSLETTER OF OMSK STATE
PEDAGOGICAL UNIVERSITY.
HUMANITARIAN RESEARCH**

**Scientific journal
2015. № 2 (6)**

Editorial Board

Volokh O. V., Doctor of Political Sciences, Professor,
Editorial Board Chairman
Fedyayev D. M., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
Chekaleva N. V., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Sharov A. S., Doctor of Psychological Sciences, Professor

Editorial Staff

Fedyayev D. M., Doctor of Philosophical Sciences,
Professor, Editor-in-chief
Gornova G. V., Doctor of Philosophical Sciences,
Associate Professor, Deputy Chief Editor
Fedyayeva N. D., Doctor of Philological Sciences,
Deputy Chief Editor
Antilogova L. N., Doctor of Psychological Sciences, Professor
Berend N., Professor Dr. (Mannheim, Deutschland)
Burenkova S. V., Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor
Kopteva E. I., Doctor of Philological Sciences, Associate
Professor
Krasnoyarova N. V., Phd in Philosophy, Associate Professor
Krott I. I., PhD in History, Associate Professor
Pekarskaya I. V., Doctor of Philological Sciences, Professor
(Abakan)
Pivovarov D. V., Doctor of Philosophical Sciences, Professor
(Yekaterinburg)
Ragulina M. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor
Rodigina N. N., Doctor of Historical Sciences, Professor
(Novosibirsk)
Smith P., Professor (Arlington, USA)
Filatova A. F., Doctor of Psychological Sciences, Associate
Professor
Chernyavskaya E. A., PhD in Psychology
Churkin M. K., Doctor of Historical Sciences, Professor
Churkina N. I., Doctor of Pedagogical Sciences, Associate
Professor
Shipilina L. A., Doctor of Pedagogical Sciences, Professor

Certificate of registration ПИ № ФС77-59612
от 10 октября 2014 г.

Editorial office address:

OSPU, 14, Naberezhnaya Tukhachevskogo,
644099, Omsk-99

FSBEI HPE «OSPU»:

14, Naberezhnaya Tukhachevskogo,
644099, Omsk-99

OSPU Press Omsk, 2015

© Federal State Budget Educational Institution of Higher Professional
Education «Omsk State Pedagogical University», 2015

CONTENTS

PHILOSOPHY

Belskaya Yu. V.

Conceptualizing a model of man in institutional
and neo-institutional economic theory.....8

Gopko V. V.

Paradoxes of advertising.....11

Kordas O. M., Nikolaeva J. A.

Phenomenon of mystery in philosophical
context.....15

Martishina N. I.

Constructivist research program in the social
and humanitarian knowledge.....19

Podkatnova I. V.

British philosophers-utilitarians
of the XIX century about values23

Shubina M. P.

Science and life-world in E. Husserl's
phenomenology.....26

PHILOLOGY

Geiko N. R.

Peculiarities of translation of attributive
constructions N+N32

Dronseika R. P.

Internationalization of lexis of the Russian
literary language of the beginning
of the XXI century35

Troyan S. V.

Frame "Diagnosis" in a metaphorical scenario
"Omsk is an ill organism" (based on
the material of the Omsk column "Diagnosis
of the week" of the website BK55)38

Ustinova T. V.

Transformation of the associative potential
of the word in the poetic context meaning
construction42

Shalatskaya T. P.

Child theme in A. Kuprin's short prose:
aspects of psychologism46

HISTORY

Voynarovskaya Yu. V., Voynarovskiy O. V.

Elimination of illiteracy during the years of the soviet government establishing (based on the materials of small towns of the Volga region).....50

Krott I. I.

Representative organizations of agricultural entrepreneurs in Western Siberia during The First world war and the revolutionary events53

Suleymanov A. A.

Ethnographic research on indigenous peoples of the arctic regions of Yakutia in the 1951–1954.....56

Cherkasov D. N.

“The Messenian republic” in the political life of the franco-german borderlands (the end of the XIV – the first half of the XV century)60

PSYCHOLOGY

Haletska I. I.

General characteristics of psychological health and its main criteria66

Filatova A .F.

Meditation and personality development.....70

CULTUROLOGY

Bakulina S. D.

Specifics and means of integration of cultural-historical heritage in the life of modern region76

Izbusheva A. M.

Brand of an anniversary city in the contemporary Russian culture79

Matveeva S. I.

Communicative projects of the libraries in Kungur82

Raubo K. V.

Brands in the socio-cultural paradigm of the modern Chinese society.....85

Taranova Yu. V.

Communication tendencies of tourist image construction of cities and regions in digital society88

PEDAGOGICS

Viktorov D. V.

The healthcare competence of the student youth92

Zhukova O. N.

Development of school student’s giftedness of inventive problem solving in the information and communication educational environment96

Koshelev V. A.

Training of PR-specialists in the convergence conditions of information space.....100

Lazdina T. I.

Research activities as a factor of the development of general cultural competences of students of pedagogical universities103

Morozova M. A.

Corporate Facebook resources as a tool for teaching german for specific purposes in higher education institutions.....106

Mukhtarov T. S.

Problems of integration of the educational environment of the Republic of Kazakhstan in the context of the ongoing globalization processes110

Navoychik E. Yu.

Formation of professional competence of teachers of history and social studies in education space as an open system114

Safonova L. A.

Modern online resourses and their didactic value117

Shchukin D. V.

Method of projects: pedagogical technology in the educational environment of the higher school120

LET THE YOUTH SAY

Kuzmicheva I. V.

Philosophical aspect of intertextual links in the novel “F. M.” by B. Akunin124

Panasiuk O. G.

Mythological basis of Slavic phraseologisms’ origin127

Svotina K. V.

Relevance of studying onomastics at school.....130

Information About the Authors132

Information For the Authors134

ФИЛОСОФИЯ

Бельская Ю. В.

Концептуализация модели человека в институциональной и неинституциональной экономической теории

Гопко В. В.

Парадоксы рекламы

Кордас О. М., Николаева Ю. А.

Феномен тайны в философском контексте

Мартишина Н. И.

Конструктивистская исследовательская программа в социально-гуманитарном знании

Подкатнова И. В.

Британские философы-утилитаристы XIX века о ценностях

Шубина М. П.

Наука и жизненный мир в феноменологии Э. Гуссерля

**КОНЦЕПТУАЛИЗАЦИЯ МОДЕЛИ
ЧЕЛОВЕКА В ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
И НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЙ
ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ**

В статье обосновывается тезис о том, что модель человека является важным познавательным инструментом экономической теории. Анализ сложной системы, которой является человек, невозможен без абстракций, упрощающих предпосылок, т.е. без построения модели человека. Модель человека является важным компонентом исследовательской программы. Особенность статуса такой модели в экономической теории состоит в том, что она, как правило, оказывается частью метафизического жесткого ядра исследовательской программы, которое уже не поддается проверке. История экономической мысли демонстрирует большое разнообразие концептуальных вариантов модели человека. В статье раскрыты особенности концептуализации поведения человека в рамках институционального и неинституционального подходов в экономической теории. Выделены гносеологические основания концептуализации экономического поведения человека и его основные поведенческие характеристики.

Ключевые слова: модель человека, институциональный подход, неинституциональный подход.

**CONCEPTUALIZING A MODEL
OF MAN IN INSTITUTIONAL
AND NEO-INSTITUTIONAL
ECONOMIC THEORY**

The article proves the thesis that the model of man is an important cognitive tool of economic theory. The analysis of the complex system of man is impossible without abstractions and simplifying assumptions, i.e., without constructing a model of man. Model of man is an important component of the research program. Special status of this model in economic theory is that it usually turns out to be a part of metaphysical hard core of the research program, which is not verifiable. History of economic thought demonstrates a wide variety of conceptual options of the model of man. The article reveals the features of conceptualizing human behavior within the institutional and neo-institutional approaches in economic theory. The epistemological grounds of conceptualizing human economic behavior and basic behavioral characteristics are highlighted.

Keywords: model of man, institutional approach, neo-institutional approach.

Последние двадцать лет в зарубежной и отечественной экономической литературе предпринималось множество попыток осмысления современного облика экономической науки [1; 2; 3; 4].

Изучение истории экономической мысли не может ограничиваться простым перечислением теорий в порядке их появления, а должно основываться на анализе того, как трансформировались базовые понятия этой науки.

Одним из ключевых теоретических концептов экономической теории, претерпевающих изменения, является представление о человеке как экономическом субъекте. Анализ сложной системы, которой является человек, невозможен без абстракций, упрощающих предпосылок, т.е. без построения модели человека. Концептуальная версия экономического человека – это не просто модель, созданная в рамках экономической теории, это феномен культуры и продукт культурно-исторического развития общества. Анализируя развитие человеческого общества, можно обнаружить версии экономического человека во всех социально-экономических формациях, начиная с феодализма. В XIX и XX веках обсуждение моделей человека в сфере экономики получило наибольшее развитие. Проблемам концептуализации поведения человека в сфере экономических отношений уделяли внимание представители классической политической экономии А. Смит, Р. Риккардо, К. Маркс; представители социаль-

но-экономической школы К. Менгер, Л. Вальрас, позднее – Л. Мизес, Ф. Хайек; представители исторической школы К. Книс, Г. Гильденбранд, Г. Шмоллер; американские институционалисты Т. Веблен, Дж. Коммонс и др.

Очевидно, что разнообразные теоретические концептуализации человека в сфере экономических отношений имеют свою эволюцию развития. Представляется, что способы такого теоретического конструирования детерминируются специфической научной деятельностью в связи с культурными универсалиями (ценностями, символами), мировоззрением, философскими основаниями научного поиска соответствующего исторического периода [5; 6].

На современном этапе вопросам построения моделей поведения экономического субъекта посвящено достаточное число работ. Среди западных исследователей можно выделить работы Г. Беккера, К. Бруннера, Ф. Найта, Д. Норта, Г. Саймона, О. Уильямсона, Ф. Хайека, Ю. Эльстера, Т. Эггертсона, П. Вайзе и др. Среди отечественных исследователей В. С. Автономов и А. Е. Шаститко являются наиболее известными авторами, предложившими комплексное исследование моделей человека в контексте развития экономической теории, а также взаимодействия с другими общественными дисциплинами.

Тем не менее можно высказать мнение о том, что в научной литературе до сих пор не сложилось после-

довательного системного социально-философского исследования гносеологических и ценностных оснований концепций человека, лежащих в основании отдельных экономических теорий. Такая постановка проблемы представляет собой интересную исследовательскую задачу, и попытки ее решения были предприняты в некоторых авторских работах [7; 8].

Настоящая статья посвящена вопросу концептуализации модели человека в рамках двух альтернативных подходов, сложившихся в экономической теории и связанных с определенным культурно-историческим периодом.

Одним из альтернативных подходов к объяснению экономического поведения является институциональный подход. Институционалисты по-новому определяют портрет экономического человека. В отличие практически от всех остальных направлений экономической теории они не исходят из человеческой природы как из данности, а пытаются изучить закономерности ее формирования и эволюции. Для институционалистов факторы, предопределяющие поведение человека в экономической жизни, берут начало в далеком прошлом не только самого человека, но и всего человечества. Традиционный институционализм объясняет поведение и интересы индивидов через характеристики институтов, предопределяющих взаимодействие индивидов, т. е. использует методологию холизма. В рамках институциональной экономической теории единицей анализа является институт, который определяется как результат общественной эволюции, как ряд правил, которые выполняют функцию ограничений поведения экономических субъектов и упорядочивают взаимодействие между ними. Институционалисты рассматривают человека как биосоциальное существо, находящееся под воздействием как биологической природы, так и общественных институтов [9, с. 84]. Эти воздействия объединил в своей категории «инстинктов» и «привычек» родоначальник направления, американский экономист и социолог Торстейн Веблен в своей «Теории праздного класса» (1899). Говоря об инстинктах, Т. Веблен имеет в виду не биологические, но психологические аспекты человеческой деятельности. К инстинктам Т. Веблен относит способы (обычаи) осознанного целенаправленного действия, формирующиеся в определенном культурном контексте и передающиеся из поколения в поколение, т. е. то, что чаще называют институтами [10].

«Цивилизационные народы Запада», с точки зрения Веблена, подвержены влиянию следующих основных «инстинктивных склонностей»: 1) инстинкта мастерства, предопределяющего стремление человека к созидательной деятельности и материальному благосостоянию; 2) праздного любопытства, выражающегося в стремлении к познанию окружающего мира и имеющего в своей основе более глубокий игровой инстинкт; 3) родительского инстинкта, обуславливающего продолжение рода, заботу о семье и дальнейшем развитии, об общественном благе; 4) склонность к приобретательству; 5) инстинкт к самоутверждению, стяжательству и себялюбию и 6) инстинкт привычки.

Эти инстинкты не существуют изолированно, они образуют коалиции, подчиняют себе друг друга. Так, большую силу представляет собой родительский инстинкт, праздное любопытство и инстинкт мастерства, когда они «заручаются поддержкой привычки» [10, с. 73]. Тогда праздное любопытство поставляет информацию и знания, служащие целям, которые ставят перед людьми инстинкт мастерства и родительский инстинкт. В результате мы имеем «поиск эффективных жизненных средств», ведущий к «росту технологического мастерства». Такое поведение Т. Веблен называл «промышленным» и явно выделял его в отличие от товарно-денежного соперничества, которое имеет место тогда, когда союз мастерства, любопытства и привычки попадает под власть эгоистических, приобретательских инстинктов [10, с. 73–78].

В «Теории праздного класса» Т. Веблен также раскрывает свою теорию демонстративного потребления, рассматривая в качестве цели приобретения вещи не столько удовлетворение естественных потребностей человека, сколько демонстрацию принадлежности индивида к тому или иному общественному классу. Т. Веблен показал, что в определенных условиях цена товара может служить для потребителя показателем его «престижности». Отсюда явление, противоречащее закону спроса и получившее название эффекта Веблена: когда цена товара падает, некоторые потребители считают, что это говорит о падении его качества или утере им «исключительности» в глазах общества, и спрос снижается, и наоборот, рост цены ведет к росту спроса. Общепринятой целью всякого действия становится денежный успех, демонстративное потребление, как и демонстративное расточительство, становится средством демонстрации «денежной силы» [10, с. 120]. Таким образом, «экономический человек», по мнению Т. Веблена, не является расчетливым рациональным агентом, соизмеряющим свои выигрыши и убытки. Такие иррациональные образцы поведения, как демонстративное поведение и демонстративное расточительство вызваны прежде всего склонностью к привычным действиям. Потребление – это не индивидуальный процесс, направленный на удовлетворение основных потребностей, а скорее способ заявить о своем социальном статусе (соотносительной позиции индивида, определяемой социальными, природными признаками, а также престижем и местом в структуре власти), подтвердить представления о своем положении в обществе [10, с. 343].

Представление Т. Веблена продолжили и развили два других институционалиста: Джон Р. Коммонс и Джон Кеннет Гэлбрейт. От этих авторов ведет свое происхождение неoinституционализм. Неoinституциональному направлению в отличие от традиционного институционализма удалось сформулировать и реализовать свою исследовательскую программу. Неoinституционализм оставляет неизменным «жесткое ядро» неоклассики. Включение нового элемента в предмет анализа институтов происходит за счет корректировки утверждений из «защитной оболочки» неоклассической теории. В рамках неoinституциональной экономической теории использу-

ется определение института, которое свидетельствует о неоклассических корнях неоинституционализма [11, с. 19]. Так, Д. Норт определяет институт как созданные человеком ограничения, которые структурируют политическое, экономическое и социальное взаимодействие [12, с. 17], а также как «формальные правила, неформальные ограничения и способы обеспечения действенности ограничений» [13, с. 307].

Важнейшим свойством институтов является их влияние на формирование интерсубъективных мыслительных конструкций, обеспечивающих взаимопонимание между людьми, что выражается в установлении равновесия, которое может быть названо «стабилизированным взаимодействием». Это взаимопонимание выражается в формировании согласованных ожиданий при минимальном обмене информацией, что позволяет сэкономить на рациональности. Модель, показывающая значение общих мыслительных конструкций как неотъемлемого элемента процесса обучения, а также обеспечения координации действий между людьми была предложена, в частности, А. Денцау и Д. Нортом.

Исследователи, разрабатывающие или использующие аналитический инструментарий, характерный для неоинституционального подхода, реализуют несколько основополагающих принципов исследования [13, с. 25]: 1) методологический индивидуализм; 2) максимизация полезности; 3) ограниченная рациональность экономических агентов; 4) оппортунистическое поведение. В соответствии с принципом методологического индивидуализма, только индивиды принимают решения. Государство, общество, фирма, а также семья не могут рассматриваться как коллективные образования, поведение которых по характеру подобно индивидуальному поведению.

Новая институциональная теория вводит в качестве ключевого понятия транзакционные издержки, которые складываются из затрат на поиск и приобретение информации, переговоры и принятие решений, проверку и обеспечение их выполнения. С измерениями этих издержек возникают немалые проблемы, но использование этой категории позволяет обратиться к анализу контрактных отношений, которые традиционная микроэкономика игнорировала. Основные компоненты экономической теории транзакционных издержек включают поведенческие предпосылки, свойства транзакций, частный порядок улаживания конфликтов, обмен залогами и достоверными обещаниями.

В теории транзакционных издержек предпринимается попытка изучить человека таким, каков он есть. Фактически это означает, что акцент делается на функциональный подход, в соответствии с которым реалистичность предпосылок имеет значение для адекватного описания и прогнозирования ситуаций (результатов) выбора и взаимодействия между экономическими агентами. В соответствии с концепцией, разработанной в исследованиях О. Уильямсона, важнейшими являются две поведенческие предпосылки: ограниченная рациональность и оппортунистическое поведение [14, с. 97–100].

Ограниченная рациональность – это стремление человека к максимальному удовлетворению потребностей

(полезности) с учетом не только внешних, но и внутренних ограничений. С помощью данного понятия расширяется предметное поле экономической теории, поскольку в число ограниченных ресурсов попадают интеллектуальные возможности человека, его внимание, способность воспринимать и обрабатывать информацию, а также принимать на ее основе решения. Ограниченная рациональность экономического субъекта в теории транзакционных издержек раскрывается также через такие понятия, как дискретность действий, неявное знание, зависимость от предшествующего развития, эффективность использования ресурсов. Под дискреционностью понимаются такие действия человека, которые основаны на обдумывании, состоящем в выявлении и сопоставлении в явной форме доступных альтернатив и принятии на основе такого сопоставления решения. Ограниченная рациональность в принципе сопряжена с отказом от абсолютной дискреционности действий, так как это слишком дорого, особенно с учетом временных ограничений на принятие решений и осуществление в соответствии с принятым решением действия. Вместо дискреционности используется правило. Если та или иная ситуация идентифицирована как подпадающая под действие того или иного правила, то дальнейшее обдумывание действий должно сводиться к выполнению правил [15, с. 97–100].

Автоматизм в области восприятия, мышления или действий не предполагает в качестве необходимого условия их отрефлексированность, осознанность. Более того, отрефлексированность в некоторых случаях может препятствовать автоматизму поведения. В то же время неотрефлексированность либо с самого начала, либо со временем создает предпосылки для существования информации в декодируемой или слабокодируемой форме. В этом смысле механизм действия, восприятия, мышления оказывается ограниченно кодифицируемым самим носителем восприятия, мышления и действия. Ограниченные возможности кодификации обуславливают либо невозможность, либо значительные трудности в передаче информации от одного субъекта к другому. Указанные обстоятельства имеют самое прямое отношение к неявному, или личностному знанию.

Опортунистическое поведение – вторая ключевая концепция, относящаяся к объяснению поведения человека. Ее суть выражается в стремлении человека реализовать собственные интересы, которое сопровождается проявлением коварства. Наряду с ограниченной рациональностью оппортунистическое поведение является основанием для воспроизводства проблемы координации и разрешения распределительных конфликтов. Различают множество форм оппортунистического поведения, среди которых можно выделить грубый оппортунизм, стратегический оппортунизм и естественный оппортунизм. Грубый оппортунизм состоит в преследовании собственных интересов, основанном на заранее подготовленном нарушении достигнутой договоренности, что означает отсутствие достоверных обязательств. Стратегический оппортунизм проявляется вследствие асимметричного распределения информации, позволяющего сделать часть действий не-

наблюдаемыми для партнера, а также манипулировать информацией в своих интересах и в ущерб контрагенту. Третья форма – это так называемый естественный оппортунизм, который связан с непреднамеренным отступлением от условий контракта ввиду изменившихся обстоятельств или неосведомленности.

В заключение следует отметить, что в работе принята попытка описания концептуальных моделей человека в институциональной и неинституциональной экономической теории. Сравнительный анализ оснований концептуализации моделей человека на различных этапах становления экономической теории представляется перспективным направлением дальнейших исследований.

1. Баумоль У. Чего не знал Альфред Маршалл: вклад XX столетия в экономическую теорию // Вопросы экономики. 2001. № 2. С. 73–107.

2. Блауг М. Методология экономической науки, или Как экономисты объясняют: пер. с англ. / науч. ред. и вступ. ст. В. С. Автономова. М.: НП «Журнал “Вопросы экономики”», 2004. 416 с.

3. Нестеренко А. О чем не сказал Уильям Баумоль: вклад XX столетия в философию экономической деятельности // Вопросы экономики. 2001. № 7. С. 4–17.

4. К вопросу о так называемом «кризисе» экономической науки: теоретический семинар ИМЭМО / рук. В. А. Мартынов. М.: ИМЭМО РАН, 2002. 71 с.

5. Бельская Ю. В. Философские основания понимания экономического поведения человека в пространстве экономической теории и образовании // Философия образования. 2010. № 3. С. 77–82.

6. Вальдман И. А., Каукунова Т. В. Образование как фактор генезиса и функционирования социального капитала сетевых структур // Философия образования. 2010. № 3(32). С. 16–22.

7. Бельская Ю. В. Концепция человека в макроэкономической теории Дж. М. Кейнса // Экономика, социология и право. 2014. № 4. С. 18–21.

8. Бельская Ю. В. Экономический человек А. Смита: интеграция номотетического и идиографического подходов // Вестник Челябинского государственного университета. 2014. № 25(354). С. 39–44.

9. Автономов В. С. Человек в зеркале экономической теории. М.: Наука, 1993. 176 с.

10. Веблен Т. Теория праздного класса: пер. с англ. / вступ. ст. С. Г. Сорокиной. М.: Прогресс, 1984. 367 с.

11. Эггертссон Т. Экономическое поведение и институты: пер. с англ. М.: Дело, 2001. 408 с.

12. Норт Д. С. Институты, институциональные изменения и функционирование экономики. М.: Фонд экономической книги «Начала», 1997. 112 с.

13. Норт Д. С. Институты, идеология и эффективность экономики // От плана к рынку. Будущее посткоммунистических республик / под ред. Л. И. Пияшевой, Дж. А. Дорна. М.: Catallaxy, Ин-т Катона, 1993, С. 307–319.

14. Уильямсон О. Экономические институты капитализма: пер. с англ. СПб.: Лениздат: SEV Press, 1996. 702 с.

15. Шаститко А. Е. Модели человека в экономической теории: учеб. пособие. М.: ИНФРА-М, 2006. 142 с.

© Бельская О. В., 2015

УДК 130.2

В. В. Гопко
V. V. Gopko

ПАРАДОКСЫ РЕКЛАМЫ

О негативном влиянии рекламы на общество в целом и на отдельную личность в частности написано большое количество монографий и статей. Представляется, что значительная часть разрушительных свойств, которые реклама якобы оказывает на сознание человека, порождая примитивные потребности и направляя его к низким целям, приписана ей без достаточных оснований. Статья является попыткой показать ошибочность ряда представлений о рекламе.

Ключевые слова: реклама, конструкты, свойства рекламы, качество рекламы.

PARADOXES OF ADVERTISING

A large number of monographs and articles about negative influence of advertising on the society in general and on the individual in particular is written. It is represented that a considerable part of destructive features which advertising allegedly renders on consciousness of the person, generating primitive requirements and directing them to the low purposes, is attributed to it without the sufficient bases. This article is an attempt to show inaccuracy of a number of advertising ideas.

Keywords: advertising, constructs, properties of advertising, quality of advertising.

Реклама давно стала специфическим элементом культуры, специфическим способом описания мира и, собственно, самим специфическим миром. Речь, естественно, не идёт о скрытой рекламе в форме интервью, «научных»

статей и т. п. и не об откровенно примитивной и пошлой рекламе или изготовленной непрофессионально.

Специфика политической рекламы также не будет затрагиваться в этой статье, поскольку она почти никогда

не предстаёт как собственно реклама, а камуфлируется под шоу, митинги в поддержку, опросы общественного мнения и т. п.

Речь пойдёт о современной, технически оснащённой рекламе, которая присутствует на улицах городов, экранах телевизоров, глянцевого обложках журналов, в Интернете, о рекламе, которая стремится быть заметной и которая этого добивается.

Реклама – это, безусловно, упрощённое (редукционистское) описание мира и человека (съел бургер и стал счастливым), но упрощённость эта неизбежна, поскольку реклама призвана за короткий срок оказать влияние на сознание человека, что возможно осуществить, лишь используя элементарные (базовые) биологические и социальные потребности человека, только слегка окультуривая их в образах и текстах. Обвинение рекламы в том, что она манипулирует сознанием личности, давно стало банальностью.

Многие беды современного общества ряд обществоведов объясняют как следствие влияния на социум негативных элементов, присущих ряду рекламных проектов: примитивизация личности, отчуждение людей друг от друга, возросшая подверженность человека манипулятивным технологиям и т. п.

Безусловно, реклама, которая способствует воспроизводству человеческих пороков, заслуживает осуждения. Но в работах многих критиков рекламы последняя предстаёт некой самовоспроизводящейся, самостоятельной силой, к рождению которой люди словно бы не имеют никакого отношения, и даже государственные структуры, призванные защищать общество своей страны от морального разложения, ничего не могут с ней поделать [1].

Принято считать, что влияние рекламы на сознание и подсознание определяется, среди прочего, следующими её свойствами и методами подачи рекламного сообщения:

- рефрентностью (многократной повторяемостью в течение определённого отрезка времени), что приводит к «заучиванию» реципиентом того, что требует от него реклама, и подталкивает его к определённым действиям;
- использованием привлекательных образов, вызывающих чувство симпатии к ним, а через них – и к рекламе (очаровательные дети, животные, популярные актёры и т. п.);
- стремлением воздействовать прежде всего на устойчивые психофизические свойства личности (половой инстинкт, стремление не допускать возникновения чувства голода, тягу к комфортному состоянию тела и т. п.).

Все перечисленные свойства, как полагают некоторые авторитетные философы, исследовавшие проблемы так называемого массового общества, порождают внерефлективное восприятие рекламной информации, о чем говорил еще Г. Маркузе. Такое восприятие обеспечивает, с одной стороны, беспрепятственное прохождение потока информации в подсознание индивида, без задержки его в сознании, а с другой – позволяет, меняя направление этого потока, оказывать влияние на разум и волю, «подталкивая» к каким-либо целям. В этом случае совершает-

ся осознанное действие, но мотивы, его побудившие, не осознаются. «По-видимому, нет оснований говорить, что реципиенты верят или вынуждены верить тому, что им говорят. Новизна магически-ритуального языка заключается скорее в том, что люди не верят или даже не придают этому значения, но при этом поступают в соответствии с ним» [2, с. 145].

И здесь мы встречаемся с первым парадоксом рекламы: трудно найти человека, который, всмотревшись в телевизионную рекламу, устремился бы в магазин выполнять её требование – покупать рекламируемый товар.

Любой читатель может спросить себя, часто ли он следовал требованиям рекламных сообщений, и какое влияние реклама оказала на формирование его мировоззрения? Представляется, что оба ответа на поставленные вопросы будут отрицательными.

Элементарные исследования пятнадцати семей, проведённые в форме наблюдения и опроса студентами Омского государственного педагогического университета (бакалавриат, направление «Сервис») в ноябре 2014 г., выявили полное отсутствие интереса к рекламе у всех членов семей, кроме одного мужчины, который не переключал телевизионный канал, если в рекламе использовались образы кошек, поскольку он относился к этим животным с симпатией. Но что рекламировалось при помощи этих образов, он точно сказать не мог. Аналогичный результат дал опрос сорока трёх студентов, проживающих в общежитии университета.

В связи с отмеченным фактом возникают вопросы: если основные послания рекламы проходят мимо предполагаемого реципиента, если нередко она не порождает никаких мыслей и чувств, кроме раздражения, то какова причина её дорогостоящей (в прямом смысле) устойчивости?

Возможно, могущество рекламы – миф, который усиленно культивируется рекламными агентствами?

Или реклама манипулирует сознанием только её создателей, внушая им мысли о том, что она способна что-то внушить потребителям?

Может быть, влиянию рекламы подвержен лишь тот самый «одномерный человек» [2], он же – «человек-масса» [3], постоянно «убегающий от свободы» [4]? Если, конечно, таковой существует в реальности.

По поводу трёх приведённых выше свойств рекламы можно также поставить ряд вопросов и сделать некоторые уточнения.

Во-первых, почему многократная повторяемость рекламного сообщения должна обязательно подталкивать реципиента к действию? Почему назойливое повторение какого-либо текста или многократная демонстрация какого-либо образа должны заставить человека откликнуться на призыв рекламы? Многократность быстро становится фоном, на который либо не обращают внимания, либо стремятся избавиться от него, что легко сделать, выключив телевизор или радиоприёмник или переключившись на другой канал.

Во-вторых, вызывающие чувство симпатии и умиления образы детей, животных, популярных актёров, при-

влекательных девушек, и мужественных небритых мужчин, безусловно, привлекают внимание людей, но данные образы нередко закрывают собой основной смысл рекламного сообщения. «Выкладывая большие деньги за участие в ролике знаменитостей не стоит: зрители запомнят этих людей, а не рекламируемый вами товар» [5, с. 46].

В-третьих, стремление воздействовать на психофизические свойства личности характерно в той или иной степени для всех видов искусства. Бездарное произведение воздействует на упомянутые свойства грубо и прямолинейно, талантливое – эти свойства сублимирует, и трудно объяснить, почему грубость и пошлость обязательно должны привести людей в магазин для покупки рекламируемых товаров и попутно разложить их морально.

Второй парадокс рекламы заключается в том, что, видимо, большая часть из того, что о ней написано – лишь конструкты, неverified гипотезы и постулаты, нередко по своей сути являющиеся художественными произведениями о рекламе, иногда талантливыми. Последние, как и всякие талантливые произведения, могут быть интересны. Популярность рекламы среди суровых критиков, выносящих в её адрес лишь обвинительный вердикт, можно объяснить её постоянной открытостью и масштабностью, как мишени, в которую попасть весьма легко. Позволим себе предположить, что в рекламе нет ничего демонического.

Представляется, что ряд авторов, анализировавших влияние рекламы на сознание личности, выстраивали свои аргументы, основываясь не на исследованиях, а на умозрительных заключениях, которые, в свою очередь, были сформированы благодаря влиянию, безусловно, талантливых, популярных, во многом справедливых, но в некоторой степени односторонних работ известных философов, исследовавших массовое общество и массовую культуру (Х. Ортеги-и-Гассета, Г. Маркузе, Э. Фромма и др.).

Говоря о целях, которые реклама реализует более или менее успешно, следует в числе первых назвать информирование потенциального потребителя о товаре или услуге, что, впрочем, совершенно очевидно и признано всеми.

Утверждение, что реклама формирует потребности, может быть признано верным лишь отчасти. Реклама, скорее, влияет на уже сформировавшиеся потребности, иногда усиливая их. Пожалуй, можно утверждать, что не реклама создаёт потребности большинства населения, но потребности большинства создают рекламу. Реклама лишь подсказывает человеку, где он может удовлетворить имеющиеся у него запросы.

Думается, что личность, размышляя о себе и оценивая себя, исключает возможность манипулирования своим сознанием при помощи такого примитивного средства, каковым, по мнению большинства людей, является реклама. С точки зрения собственного Я такому манипулированию может быть подвержен некий «другой», чужое Я, которое, в отличие от собственного Я, не достаточно умно и образовано. И здесь мы вновь встречаемся с этим

несчастливым «другим» («человеком-массой», «одномерным человеком» и т. д.), с которым постоянно случаются неприятности по причине названной выше недостаточности.

Предпримем попытку показать ряд свойств рекламы, которые обеспечивают ей вполне определённое место в современном мире.

Если вновь вернуться к перечисленным выше трём свойствам рекламы, то детализируя их некоторые составляющие, можно с известной долей гипотетичности предположить, почему всё же в ряде случаев реклама достигает цели:

– рефрентность – многократная повторяемость, нередко связывается в подсознании личности с аудио или визуальной информацией, вызывающей у неё (личности) неподдельный интерес (хоккейный матч, любимый фильм, любимая музыка и т. д.), и тогда раздражение, вызванное прерыванием восприятия того, что вызывает удовлетворение, оказывается слабее, чем последнее, и новая встреча с увиденной ранее рекламой вызывает на уровне подсознания позитивные чувства и, возможно, подталкивает к покупке;

– внешняя привлекательность используемых образов, которые, в свою очередь, также встроены в красоту, является составляющей мощного комплекса: реклама как неотъемлемая часть современности существует, действует и воздействует на сознание и подсознание совместно с асфальтированными улицами, высотными зданиями, сверкающими витринами, светом вечерних фонарей, обстановкой в квартирах и многим другим, вызывающим позитивные эмоции и чувство психологического комфорта (попутно заметим, что если какой-либо из элементов данного комплекса ущербен – разбитый асфальт дороги, обшарпанные стены здания, убогое жильё и т. п., – реципиент воспринимает рекламу как насмешку);

– постоянная встреча с рекламой в действительности порождает у человека, если можно так выразиться, умеренный эффект транквилизатора: присутствие на улицах, телеэкранах, в компьютерах привычного явления, каковым является реклама, способно успокоить и напомнить о том, что мирное течение жизни продолжается (война, голод, природные катаклизмы мгновенно отключают рекламу).

Представляется, что именно устойчивая встроенность рекламы в современное бытие в качестве неотъемлемого его элемента и обеспечивает постоянное развитие её видов и успешность множества исследований, в том числе и критических, ей посвящённых. Можно, конечно, поставить вопрос о причинах этой встроенности, но ответ на данный вопрос не представляется чрезмерно затруднительным. Функции рекламы, в первую очередь информационная и регулятивная, обусловлены массовым производством и массовым потреблением (кстати, не совсем понятно, почему современное общество называют обществом массового потребления, словно забывая, что такового не может быть без массового производства).

Бесспорно, значение рекламы в современном обществе весьма важно. Давно определены её многочислен-

ные функции. Кроме двух названных выше, это маркетинговая, стимулирующая, экономическая, управления спросом и ряд других функций.

Специфичность рекламы заключается в том, что она часто решает экономические задачи с помощью элементов художественной культуры. Это и приводит к появлению в рекламе так называемого «вторичного дискурса», позволяющего рекламе достигать целей, которые выйдут за рамки сугубо экономические, пропагандировать определенные ценности, стили поведения, образы жизни [6]. Вместе с тем использование художественных образов позволяет рекламе эффективно решать и свои прямые задачи.

Рекламные изделия различаются по уровню талантливости, как и фильмы, спектакли, романы и прочие произведения искусства. Рекламу, как и всю художественную массовую культуру, можно классифицировать, принимая за основу качество рекламных произведений. Данное качество, в свою очередь, может определяться отсутствием пошлости, уровнем художественности, мастерством исполнителей и многим другим, включая и соответствие требованиям, предъявляемым к собственно рекламе.

В соответствии с названными критериями, можно выделить три основных потока рекламных изделий:

- арт-рекламу (произведения высокого качества);
- мид-рекламу (произведения среднего качества);
- китч-рекламу (произведения низкого качества).

Каждый из потоков необходимо исследовать отдельно, что позволит избежать огульного осуждения рекламы как таковой, более точно определить её значение и показать роль, которую она играет в современном обществе.

В завершении попытаемся обратить внимание на некоторые аспекты рекламы как явления, содержащего в себе значительную часть как позитивных, так и негативных черт современного общества.

Полагать, что реклама способна самостоятельно влиять на потребителя, ошибочно. Реклама – часть системы, которая включает в себя рыночные отношения, рыночный менталитет, моду, конкуренцию не только между предприятиями, но между людьми, так называемый вещиизм, богатство как показатель жизненного успеха и многое другое. Вне данной системы реклама жить, действовать и влиять на людей не может.

Реклама, призванная привлекать внимание к товарам, сама является таковым, и, как и все товары, реклам-

ные изделия имеют разные уровни цены и качества, что, как представляется, совершенно неизбежно. Но нельзя не согласиться с утверждением, что «сворачивать рекламу, чтобы сберечь деньги, всё равно, что останавливать часы, чтобы сберечь время» [7, с. 696].

Изготовление рекламы требует серьёзных усилий, но сама она – явление, безусловно, совершенно несерьёзное, но в этом, среди прочего, и заключается её сила. В ней почти всегда присутствует элемент игры и преувеличения: животные в рекламных роликах разговаривают и улыбаются, а люди становятся счастливыми, удовлетворяя элементарные, примитивные потребности. Но игра и преувеличение почти всегда содержат в себе элементы весёлости, а последняя противоречит тяжеловесной многозначительности политики. Представляется, что на пылающие в ночном городе рекламные надписи и образы люди смотрят так же, как и на новогодний фейерверк, но не как на указание к действию. В рекламе никогда не присутствует трагизм. Реклама – это краткое высказывание с постоянным оптимистическим зарядом. Если же реклама содержит в себе сюжет, то она предстаёт художественным произведением с гарантированно счастливым концом.

1. Запесоцкий Ю. А. Современная реклама как институт социально-культурной динамики // Вопросы философии. 2013. № 3. С. 33–38.

2. Маркузе Г. Одномерный человек. М.: Ермак, 2003. 333 с.

3. Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс / Хосе Ортега-и-Гассет. Дегуманизация искусства и другие работы. М.: Радуга, 1991. С. 40–228.

4. Фромм Э. Бегство от свободы. М.: АСТ, 2004. 300 с.

5. Рафел М, Рафел Н. Как завоевать клиента. СПб.: Издат. дом «Питер», 2000. 352 с.

6. Барт Р. С чего начать? // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. М., 1989. С. 401–411.

7. Большая книга афоризмов / сост. К. В. Душенко. М.: Эксмо, 2009. 1056 с.

© Гопко В. В., 2015

ФЕНОМЕН ТАЙНЫ В ФИЛОСОФСКОМ КОНТЕКСТЕ

В статье рассматривается феномен тайны, его осмысление в религиозном и философском контексте. Раскрывается проблема тайного знания, соотношение тайны и непостижимого, сакрального в религиозном мировоззрении, соотношение проблемы и тайны в эпистемологическом аспекте.

Ключевые слова: тайна, проблема, непостижимое, сакральное, познание.

PHENOMENON OF MYSTERY IN PHILOSOPHICAL CONTEXT

The article deals with the phenomenon of mystery, its understanding of the religious and philosophical context. It reveals some secret knowledge, the ratio between mystery and incomprehensible, sacred in the religious worldview, the ratio between problem and mystery in respect of the epistemological aspect.

Keywords: mystery, problem, incomprehensible, sacred, knowledge.

В повседневной жизни мы часто сталкиваемся с феноменом тайны, секрета, тайного знания. Мы слышим «эта тайна еще не разгадана», «он выдал секрет», «раскрыта тайна»... Тайна может быть разгадана, а может быть не разгадана вообще. Тайна понимается как сокрытие важной и сакральной информации и как стимул для познания: человечество развивает науку и культуру благодаря желанию открыть тайны мира и своего собственного существования.

Где и когда начинается тайна? Что значит обладать тайным знанием? Мы можем предположить, что наличие тайны всегда сопряжено с природой человеческого познания, противоречивостью человеческого разума, ограниченного тайнами мира, но желающего их разгадать. Тайна мира – условие его новизны и источник гносеологических проблем.

В философской рефлексии проблема тайны не выходит на первый план, она всегда стоит в тени проблемы истины. Тайна, тайное знание – скорее тема эзотерических, религиозных, оккультных учений, нежели философии. Но путь к тайне истины и есть знание, мудрость и начало философии. Поэтому актуально рассмотреть понимание сущности тайны как в религиозном, так и в философском мировоззрении.

Для начала необходимо определить значение слова *тайна* в русском языке и то, как мы употребляем слово *тайна* в повседневной жизни на быденном уровне.

В «Словаре русского языка» С. И. Ожегова встречаем следующие определения *тайны*: «1. Нечто неразгаданное, еще не познанное. *Тайны природы*. 2. Нечто скрываемое от других, известное не всем, секрет. *Сберегательные банки соблюдают тайну вкладов. Хранить тайную информацию. Держать в тайне*» [1, с. 553].

В «Новом объяснительном словаре синонимов русского языка» тайна рассматривается наравне с такими существительными, как секрет, загадка. «Тайна, секрет, загадка нечто важное или интересное, чего человек не знает о каком-либо предмете, так как это от него скрыто и узнать это трудно. Однако чаще всего тайна обознача-

ет ситуацию, когда обладают данным знанием немногие и когда не предполагается его неконтролируемое распространение» [2, с. 1137]. Но необходимо разделять ситуации употребления слов-синонимов, их применение зависит строго от контекста: «Синоним секрет не используется в ситуации, когда знанием не обладает никто. Обычно имеется в виду, что информацию намеренно скрывает кто-то, кто, следовательно, ею обладает. Слово “секрет” предполагает скорее не труднодоступность информации или основательные причины ее скрывать, а произвольный запрет на ее разглашение»; «Загадка отличается от секрета прежде всего тем, что указывает на недостающую информацию, которой не обладает никто или который один человек не может заимствовать у другого. Загадкой, в отличие от тайны и особенно от секрета, может быть назван известный факт, если человек не может вписать его в свою картину мира, объяснить его себе» [2, с. 1138].

В языке мы видим образ тайны как спрятанного и даже охраняемого «объекта», имеющего форму какого-либо герметичного вместилища, которое необходимо открыть – «скрыто за семью печатями», «под покровом тайны». Узнать тайну – значит извлечь из вместилища. Тайну можно «раскрыть», «вытащить на свет», сделать явной. Причем, если посмотреть на фразеологизмы, с помощью которых описывается обнаружение тайны («выносить сор из избы», обнаружить «скелет в шкафу», «стирать свое грязное белье на людях», проболтаться, выдать секрет), раскрытие тайны не особо приветствуется. Тайна должна оставаться сокрытой [3].

Тайна – это то, что недоступно познанию, то, что скрывается от других: «в самом широком ее толковании тайна – это сфера объективной реальности, скрытая от нашего восприятия либо понимания» [4, с. 5]. Это что-то не познанное, не открытое, не совсем осознанное. На одном уровне с этим словом мы употребляем слова-синонимы: секрет, таинство, мистерия, загадка, подноготная. Но тайну отличает именно семантика, связанная с непознаваемостью, недоступностью для осознания. Причем

наблюдается двойственное отношение к тайне: с одной стороны, желание ее открыть, постичь, с другой стороны, недопустимость или опасность ее раскрытия.

Если рассматривать понятие тайны в аспекте религиозного мировоззрения, оно коррелирует с такими понятиями, как *непостижимое*, *сакральное*.

Русский философ С. Л. Франк в своей работе «Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии» ставит непостижимое в противоположность простому и необходимому, а также своему антониму – постижимому. «И как бы крепко мы ни вросли в строй нашей обычной будничной жизни, какими бы разумными, ответственными людьми мы ни считали самих себя, как бы мы ни срослись с нашим социальным положением, с «ролью», которую мы «играем» в социальной среде для других людей, как бы мы ни привыкли смотреть на себя извне, со стороны и видеть в себе лишь то, чем мы «объективно» являемся другим людям, – порой – хотя бы изредка – в нас шевелится и что-то совсем иное; и это иное есть что-то непостижимое и таинственное» [5].

Таинственное и непостижимое состоит в том, что мы не можем воспринимать себя «извне», и субъективная оценка себя самого не может отождествляться с объективной оценкой «извне» других окружающих нас людей. И в нас самих хоть редко, но проявляется что-то тайное и загадочное. «Позади всего предметного мира – того, что наше трезвое сознание называет «действительностью», – но и в самих его неведомых глубинах – мы чуем непостижимое, как некую реальность, которая, по-видимому, лежит в каком-то совсем ином измерении бытия, чем предметный, логически постижимый, сходный с нашим обычным окружением мир» [5].

В зависимости от нашего душевного состояния, душевных склонностей и предрасположений, мы можем либо трезво «регистрировать» данную действительность, либо испытывать ее как нечто непостижимое, таинственное и священное. Мы можем предполагать, что точно так же происходит со всем нами воспринимаемым: либо трезво «регистрируем», либо испытываем его как нечто непостижимое.

Франк различает «непостижимое» как «непостижимое для нас» и «само по себе непостижимое», когда мы не можем объяснить его и отдать логический отчет в его содержании. В первом случае недоступность постигающему познанию определялась бы фактической слабостью или ограниченностью нашей познавательной способности, во втором же – существом самой познаваемой реальности. Франк, говорит, что не исключено, что оба случая могли бы реально совпадать, так что мы были бы в состоянии сказать, что непостижимое для нас вместе с тем есть и «само по себе непостижимое» [5]. У Франка понятия «непостижимое», «таинственное» и «священное» стоят в одном ряду.

В мифологическом и религиозном мировоззрении тайна описывается в контексте священного опыта. «Тайна как форма духа, по-видимому, возникла на том уровне развития культуры, когда первобытный человек в своем сознании стал разделять мир на две качественно различающи-

еся области – профанную и сакральную, одновременно определявшие собой и как бы два образа бытия в мире, два способа существования первобытного человека», пишет В. Н. Найдых [6, с. 54]. Ценность тайны в ее сакрализации. «Представления о сакральном включают важнейшие характеристики сущего: онтологически оно отлично от обыденного бытия и относится к высшему уровню реальности; гносеологически – заключает истинное знание, в сути своей непостижимое; феноменологически сакральное – дивное, поразительное; аксиологически – абсолютное, императивное, глубоко чтимое» [7].

Р. Отто писал о священном как о тайне, перед которой человек испытывает благоговейный страх и трепет и которая вдохновляет, восхищает и влечет к себе. Отто обратился к исследованию религиозного опыта и обнаружил в «основании души» априорный источник категории святого и религиозности вообще – особую «настроенность духа» и интуицию святого. «Настроенность духа», из развития которой вырастает категория святого, выделив ее психологические составляющие: «чувство тварности»; чувство *misteriumtremendum* (чувство внушающей трепет тайны – «Совершенно Иного» (*GanzAndere*), повергающего в одном модусе восприятия в трепет, в другом – в ужас своей жуткой и величественной стороной, приводящей человека в экстатическое состояние); чувство *fascinans* (от лат. *fascino* – зачаровывать, завораживать), возникающее в момент соприкосновения с тайной, – позитивное переживание притяжения, очарования, восхищения [8].

Таким образом, священное коррелирует с истинным знанием, но знанием тайным, выходящим за пределы человеческого понимания.

В философском контексте тайна также понимается как что-то недоступное человеческому разуму, что относится к сфере трансцендентного. «Тайна не тождественна полному мраку, она внутренне безгранична (в отличие от проблем как ограниченных задач для разума), она постоянно присутствует в реальности, пребывает в средоточии бытия, и дух человека, если он открыт к реальности, открыт к таинственному. Тайна может частично открываться, оставаясь прикровенной, может призывать войти в себя, оставаясь в существе своем непостижимой. Будучи сверхразумной, она приоткрывается сердцу и ориентирует познание, она предлагает человеческой мысли и свободе достичь большей духовной глубины» [9].

Сама философия в ее первых формах представлялась как тайное знание, недоступное простым людям. К. Г. Исупов пишет: «Итогом ранней сакрализации тайны стало то, что всякое внебытовое знание было признано элитарным, опасным для профанов, а способ его наращивания (наука) стал прерогативой скрытой от непосвященных деятельности, которой покровительствуют верховные хранители последней тайны – боги» [10, с. 260]. Например, пифагорейский союз был закрытой организацией, а его учение – тайным. Пифагорейцы открыли явление несоизмеримости и особенно тщательно его скрывали. Пифагореец Гиппас выдал тайну несоизмеримости и был изгнан из союза пифагорейцев. Они прокляли его, соорудив живому могилу, и Гиппас вскоре утонул.

Против доступности тайной мудрости был и Гераклит, которого называли Темным, потому, что сохранившиеся фрагменты его трудов написаны иносказательно и завуалированы. Гераклит писал: «Тайная гармония лучше явной». Диоген Лаэртский указывает, что современники Гераклита были с ним солидарны в понимании закрытости истинного знания. Древнегреческий баснописец Эзоп советует «хранить тайну». А от Эзопа к нам передался эзопов язык – особый вид тайнописи, характеризующийся обращением к системе «обманных средств» – иносказательным приемам (аллюзия, аллегория, ирония, перифраз).

Ю. А. Разинов дает интерпретацию этому изречению Гераклита и анализирует греческое понятие истины, которое принадлежит к сфере сокрытого, таинственного. С одной стороны, истина выступает как *не*-сокрытость, *не*-потанность – алетейя (ἀλήθεια), а с другой – это то, что страдает от разуаивания, разоблачения. Все неистинное и ложное должно быть вынесено за границы алетейи. Но без отнесенности к сфере ложного истина остается без почвы [11, с. 30].

У Платона в диалоге «Пир» представлено необычное знание, выходящее за пределы разума и логики и не опирающееся на объяснение. Во время беседы по поводу природы знания между Сократом и Диотимой она говорит, что если знание не подкреплено объяснением, то это не есть знание, но это и не невежество, но что же это тогда? И дает вот какой ответ: «по-видимому, верное представление – это нечто среднее между пониманием и невежеством» [12, с. 111]. Здесь Платон явно указывает на существование иного знания – знания необъяснимого, сверхрационального. Оно, по словам Платона, соответствует «тому, что есть на самом деле» [12, с. 113], т. е. истине.

Таким образом, в самом начале развития философской мысли истинное знание должно было оставаться в тайне, открываться лишь избранным. Но уже в древнегреческой философии появилась необходимость раскрытия истины и тайны, само слово «алетейя» означает – делать ясным, выносить на поверхность. Тем не менее полная тайна мира остается сокрытой – к ней можно только стремиться, любить мудрость. Тот же, кто считает себя уже мудрым, открывшим все тайны мира, не может называться истинным философом.

Философия начинается как необходимость познания, прояснения, она проходит эволюцию от тайного знания к науке, но в отличие от науки, философия не претендует на окончательное овладение истиной, ее полное обнажение. Ю. А. Разинов пишет, что дело философии состоит в том, чтобы разгрести и раскопать «культурный слой» взглядов и мнений в поисках хранимой под ее покровом истины. И это самое дело выражено в крылатой фразе Демокрита: «Истина в глубине». Автор условно разделяет категории людей на копателей и хранителей: «Манящая в глубину тайна сокровенного делает всякого искателя истины – копателем, а нашедшего – хранителем» [13, с. 3]. Истина, подобно сокровищу, которое будучи найдено, сразу же может быть растрчено, поэтому нуждается в защите и охранении.

Французский экзистенциалист Габриэль Марсель установил многозначительное различие между проблемой, означающей объективную непонятность, которую можно проанализировать и преодолеть, и тайной, непонятность которой носит «всеобъемлющий» характер и является необъяснимой. Проблему мы определяем, а тайну предчувствуем. Это противостояние из того же ряда, что и противостояние необъясненного и необъяснимого.

Рассмотрим подробнее точку зрения Г. Марселя, так как именно в его работе этот феномен получает очень интересное объяснение с гносеологической точки зрения. В работе «Метафизический дневник» основными противопоставляемыми понятиями являются: таинственная экспрессия бытия, онтологическая тайна и проблема бытия, онтологическая проблема. Сначала мы определим различия, установленные автором между проблемой и тайной. «Проблема – это то, с чем мы сталкиваемся, что преграждает нам путь. Она вся передо мной. Напротив, тайна есть нечто, во что я вовлечен, сущность ее в том и состоит, чтобы не быть всецело передо мной. Это как если бы в этой зоне потеряло свое значение различие между “во мне” и “передо мной» [14, с. 66]. Отсюда мы видим, что для автора сущность тайны заключается в ее частичном выражении для человека. А сущность проблемы – в полном ее выражении и ясности. «Слово “тайна” нужно понимать как надпись “руками не трогать» [14, с. 66]. Следующее различие автор видит в аспекте конкретизации и детализации знания, он приходит к выводу, что сущность проблемного рассмотрения состоит в детализации. Тайна же, напротив, детализации не подлежит, это схватывание целого.

Всякое индивидуальное бытие Г. Марсель расценивает как законченный (хотя и бесконечный) символ или выражение онтологической тайны. Онтологическая тайна у него кроется во включенном внутрь бытия познании. Автор раскрывает прямую взаимопроницаемость тайны в проблему и проблемы в тайну. Проблема способна переходить в тайну, поскольку она содержит в себе тайну и имеет онтологическое звучание, как пример – проблема загробной жизни.

Переход от тайны к проблеме объясняется им следующим образом: «Чтобы понять нечто новое, нужно всегда обращаться к порядку проблем. Тайна – это метапроблематика. Тем самым мы проникаем в метапроблематику, т. е. в тайну. Тайна – это проблема, которая покушается на собственные исходные данные, захватывает их и тем самым перерастает самое себя как проблему» [14, с. 78].

Г. Марсель настаивает на познаваемости тайны, по своей сущности тайна бытия может признаваться и познаваться и нужно избегать смешения тайны с непознаваемым. Познание тайны есть всецело позитивный духовный акт. «Проблема бытия» относится к неадекватному языку тайны, а тайна доступна лишь только существу, способному к сосредоточению, существу, способному к концентрированию и конкретизации.

Г. Марсель также сопоставляет понятие «секрет» с понятием «тайна». «Сам по себе секрет есть нечто со-

противляющееся длительности; длительность на него не накладывается; но таков же и субъект, иначе секрет был бы нарушен в соприкосновении с ним. Очевидно, что секрет прямо уподобляется охраняемому объекту, скрываемому содержанию» [14, с.101].

Центральная деятельность человека – постоянное обнаружение присутствия тайны, в которой находятся корни человека и без которой он – ничто. Тайна – возможное знание, но знание, к которому еще не найден ключ, язык понимания.

Тайна – не секрет, который разгадывают, чтобы овладеть им для себя, она может приоткрываться только существу, способному к интеллектуальному и духовному напряжению.

Тайной невозможно овладеть через знание, но все-таки, не следует ее отождествлять с непознаваемым. Природа тайны состоит в возможности быть познанной, но не на рациональном уровне постижения. Онтологическая неисчерпаемость тайны делает сам процесс ее постижения самоценным и бесконечным.

1. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. 28-е изд., испр. М.: Мир и образование, 2012. 1376 с.

2. Левонтина И. Б. Тайна, секрет, загадка // Новый объяснительный словарь синонимов русского языка / под ред. Ю. А. Апресяна. 2-е изд., испр. и доп. М.: Школа «Языки славянской культуры», 2003. С. 1137–1139.

3. Кубединова Л. Ш. Фразеологическая микросистема «раскрытие тайны» в крымскотатарском, английском и русском языках // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». 2009. Т. 22(61). № 3. С. 62–66.

4. Фатьянова А. А. Тайна как социальное и правовое явление. Ее виды // Государство и право. 1998. № 6. С. 5–7

5. Франк С. Л. Непостижимое. Онтологическое введение в философию религии. М.: Правда, 1990. URL: <http://www.vehi.net/frank/nepost/index.html> (дата обращения 03.02.2015)

6. Найдыш В. М. Философия мифологии От античности до эпохи романтизма. М.: Гардарики, 2002. 554 с.

7. Философский словарь. URL: <http://www.onlinedics.ru/slovar/fil/t/tajna.html> (дата обращения 13.12.2014).

8. Отто Р. Священное. Об иррациональном в идее божественного и его соотношении с рациональным. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2008. URL: <http://www.predanie.ru/otto-rudolf-rudolf-otto/book/216242-svyaschennoe/> (дата обращения 03.02.2015).

9. Василенко Л. Краткий философско-религиозный словарь. М.: Истина и жизнь, 1996. URL: http://www.gumer.info/bogoslov_Buks/Philos/vasil/19.php (дата обращения 03.02.2015).

10. Исупов К. Г. Тайна (из авторского словаря «Космос русского самосознания» // Общество. Среда. Развитие (TerraHumana). 2011. № 4. С. 259–261.

11. Разинов Ю. А. Истина и тайна: четыре аспекта греческой алетей // Известия Саратовского университета. Т. 12. Серия «Философия. Психология. Педагогика». 2012. Вып. 2. С. 29–33.

12. Платон. Собр. соч. в 4 т. М.: Мысль, 1993. Т. 2. 539 с.

13. Разинов Ю. А. Образы служения истине: хранители и копатели // Вестник Самарской гуманитарной академии. Серия «Философия. Филология». 2011. № 1(9). С. 3–16.

14. Марсель Г. Быть и иметь. Новочеркасск: Сагуна, 1994. 160 с.

© Кордас О. М., Николаева Ю. А., 2015

КОНСТРУКТИВИСТСКАЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ПРОГРАММА В СОЦИАЛЬНО-ГУМАНИТАРНОМ ЗНАНИИ¹

В статье обосновывается тезис о том, что конструктивизм является в современном социально-гуманитарном знании исследовательской программой (а не парадигмой или умонастроением). Для этого определяется специфика исследовательской программы как методологического компонента знания, рассматривается логическая структура исследовательской программы, показано, что конструктивизм имеет ту же логическую структуру. Раскрыто содержание концепта «конструирование» как теоретического ядра конструктивизма. Показано отличие понятия «конструирование» от понятий «формирование» и «творчество». Сформулированы гносеологические ориентации исследований и требования к научным результатам, вытекающие из конструктивизма. Показано, что конструктивизм не обязательно должен противопоставляться реализму, а может функционировать как дополнительная исследовательская программа.

Ключевые слова: конструирование реальности, конструктивизм, исследовательская программа, методология социально-гуманитарного знания.

CONSTRUCTIVIST RESEARCH PROGRAM IN THE SOCIAL AND HUMANITARIAN KNOWLEDGE

The article explains the thesis that constructivism is a research program (but not a paradigm or frame of mind) in modern social and humanitarian knowledge. For the justification the specifics of the research program as a methodological component of knowledge is determined; the logical structure of the research program is considered; and the author shows that constructivism has the same logical structure. The content of the concept of "construction" as the theoretical basis of constructivism is reviewed in comparison with the concepts of "formation" and "creation". Epistemological orientations of research and the requirements to the scientific results arising from constructivism are formulated. It is shown that constructivism is not necessarily opposed to realism and may be used as an additional research program.

Keywords: construction of reality, constructivism, research program, methodology of the social and humanitarian knowledge.

Термин «конструирование» в настоящее время все более активно используется в качестве концепта социально-гуманитарного знания. В частности, в юридических науках выражение «конструирование правовой нормы» стало практически общепринятым (см., например, [1; 2; 3]). В социологии и социально-культурологических дисциплинах рассматривается конструирование различных феноменов социокультурного бытия, например гендерных отношений [4], политической или этнической идентичности [5; 6]. Категория конструирования признается адекватным инструментом современной психологии культуры [7, с. 74]. В философской антропологии и философии образования понятие «конструирование» все чаще используется при описании процессов формирования личности посредством образования и воспитания, совокупностью взаимодействий в макро- и микросреде. В Томске регулярно проходит Всероссийская научная конференция «Конструирование человека», где предметом обсуждения становятся такие темы, как «Педагогико-антропологические основания конструирования и самоконструирования человека» [8], «Конструирование человека в дискурсе психиатрии, психотерапии и психологии» [9], «Ценности образования и конструирование субъекта» [10]. Конструирование представлено как универсальный социальный процесс в обобщающей работе П. Бергера

и Т. Лукмана [11], которые считали основанием социально-культурного мира социальный порядок – совокупность норм, стабилизирующих социальную реальность. Социальное конструирование рассматривается ими как процесс создания структур, в которых опредмечивается в материальном и идеальном воплощении социальный порядок; универсальность этого социального основания определяет всеобщий характер присутствия конструирования в социальной реальности.

Вместе с тем сохраняется неопределенность не только в содержательной трактовке понятия «конструирование» и оценке его смысловой нагруженности. Например, И. А. Мелик-Гайказян видит в конструировании необходимый способ социализации личности в современном мире и форму ее адаптации к меняющимся условиям бытия [12], а Б. Г. Юдин рассматривает его прежде всего как совокупность технологий, в том числе биомедицинских, формирования индивида с заданными свойствами, соответственно оценивая его во многом критически, как процесс вмешательства в природу человека [13]. Остаются разногласия также в определении статуса конструктивизма как методологического ориентира гуманитарного знания. Что это такое: подход, методология, «осознаваемое умонастроение» [14] в различных областях познания (в последнем случае даже шире – в культуре в целом) или, возможно, всего лишь терминологическая мода?

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке РФФИ, проект № 14-18-02227.

Представляется, что наиболее точно конструктивизм можно определить как исследовательскую программу, что мы и постараемся показать далее.

В трактовке автора термина – И. Лакатоса – исследовательская программа представляет собой свод правил и установок, которые используются для построения конкретных научных концепций и в соответствии с которыми оцениваются уже готовые концепции [15, с. 204]. И. Лакатос пишет, что на каждом этапе развития науки группы теорий «характеризуются непрерывностью, связывающей их элементы в единое целое. Эта непрерывность есть не что иное, как развитие некоторой исследовательской программы, начало которой может быть положено самыми абстрактными утверждениями. Программа складывается из методологических правил» [16, с. 135]. Таким образом, исследовательская программа – это отправная идея и свод сформированных на ее основе правил, схем построения исследования, которые могут быть реализованы в конкретных дисциплинах. По сравнению с понятием парадигмы (с которым часто соотносят понятие исследовательской программы вплоть до их отождествления) здесь в несколько большей степени акцентирован операциональный аспект. Т. Кун рассматривал парадигмы прежде всего в содержательном ключе, в первоначальном варианте трактуя их как крупные научные достижения, «которые в течение некоторого времени признаются определенным научным сообществом как основа для его дальнейшей практической деятельности» [17, с. 28]; не случайно примерами парадигм служат теория Коперника и механика Ньютона. В дальнейшем, структурируя парадигму, он ставит на первое место дисциплинарную матрицу как набор содержательных компонентов (символические обобщения, законы, специфические модели), а образцы деятельности для исследователей составляют у него четвертую группу [17, с. 236–244]. Иными словами, в основе парадигмы лежит сильная теория, из которой вытекают определенные приложения. В отличие от этого, в исследовательской программе теория может быть сведена в предельном случае к одной отправной идее, а силу ее образуют предписания, правила, установки познавательной деятельности.

Создатель традиции использования терминологии, связанной с исследовательскими программами, в отечественной философии – М. А. Розов – рассматривает это понятие в контексте созданной им теории «социальных эстафет». Социальная эстафета – это передача определенной формы деятельности. Одни члены сообщества считают эту форму деятельности нормативной, другие, включаясь в деятельность и принимая правила, ее воспроизводят. Постепенно носители формы деятельности сменяют друг друга, но форма продолжает поддерживаться. Простейшим примером социальной эстафеты у М. А. Розова является очередь на автобус из центра Новосибирска в Академгородок (в автобусы других маршрутов люди садятся без соблюдения такого порядка). Люди меняются, и через несколько лет, возможно, никто из ездивших когда-то по этому маршруту уже не появляется на остановке. Но другие люди, усвоившие в свое вре-

мя действующий порядок, все так же дисциплинированно становятся в очередь. М. А. Розов пишет: «В составе эстафеты любой акт деятельности выступает попеременно то как реализация предыдущего образца, то как образец для последующих реализаций» [18, с. 41]. Научная деятельность, согласно его концепции, включает большое количество социальных эстафет: от способов терминологического обозначения объектов исследования до технологий лабораторной работы. По крайней мере некоторую часть из них мы поддерживаем, получая в начале своей научной деятельности определенные образцы действий и ориентируясь на них в дальнейшем: мы занимаемся этой тематикой, выбираем этот понятийный аппарат и эти источники, определенным способом набираем эмпирический материал и т. д. Именно наборы социальных эстафет и образуют исследовательские программы, в своей основе это образцы деятельности.

Конструктивизм имеет логическую структуру, соответствующую формату исследовательской программы: отправная теоретическая точка и развернутый набор предписаний и образцов исследовательской деятельности.

«Ядерной» идеей конструктивизма является сам концепт «конструирование»; для уточнения границ этой исследовательской программы необходимо прежде всего прояснить содержание концепта.

Изначально понятие «конструирование» использовалось, разумеется, в техническом знании и технической деятельности. Именно техническое значение слова приведено, например, в словаре С. И. Ожегова: «конструировать» означает «создавать конструкцию, строить что-либо», при этом конструкция определяется как «состав и взаимное расположение частей какого-либо строения, сооружения, механизма, а также само строение, сооружение, машина с таким устройством» [19, с. 250]. Но в то же время С. И. Ожегов фиксирует тенденцию к расширительному использованию термина, давая для «конструировать» значение «создавать в определенном составе, учреждать» (например, «конструировать президиум международного съезда») как книжное, а для «конструкции» отмечая значение «словесное построение» («синтаксическая конструкция») [19, с. 250]. Расширенная интерпретация основывается на универсализации смысловой нагрузки термина «конструирование», несводимой к другим, близким понятиям.

Конструировать означает прежде всего менять реальность посредством создания новых объектов (материальных и идеальных), трансформации свойств уже существующих объектов. В этом смысле понятие «конструирование» близко к понятиям «формирование», «творчество». Но есть и существенные отличия.

Во-первых, конструирование, в силу технического генезиса, предполагает не просто направленность совершающейся деятельности на некие цели и ее детерминацию определенными ценностями, а осуществленное заранее определение параметров требований к создаваемому объекту, а также критериев соответствия этим параметрам. Именно так ставится задача, когда конструируется

техническое устройство: не только его функциональное предназначение, но и эффективность, надежность, эргономичность, объем необходимых для использования затрат и т. п. являются предметом нормирования и контроля.

Во-вторых, если создаваемый объект рассматривается как конструкция, это означает обязательное наличие у него внутренней структуры, устройства, в котором определены функции объекта, принцип, направленность и технология его действия. Конечно, определенное устройство имеет и результат творчества. Но понятие творчества не фиксирует эту характеристику как определяющую, оно выражает прежде всего идею создания чего-то нового по сравнению с имеющимся опытом человека и человечества. «Под творческой способностью следует понимать способность создавать что-то новое, т. е. то, чего раньше не было» [20, с. 266], – эта простая идея лежит в основе любых определений творчества. А в основе понятия конструирования заложено представление об определенной характеристике того, что создается. Конструировать значит не просто производить, строить, создавать нечто не существовавшее раньше. Это означает создавать объект, определяя его точные параметры и закладывая в него принципы внутренней организации, которые затем позволят ему совершать действия с обеспечением заданных параметров – до некоторой степени в автономном режиме, следуя заложенной логике. Представим себе техническое устройство, которое пользователю остается лишь правильно запустить, и поставим рядом пример из совершенно иной сферы. С. Лем представлял работу писателя как установление «параметров», т. е. основных свойств описываемой реальности и характеристик персонажей. Он пишет: «Если писатели рассказывают, что в определенный момент их работы произведение как бы «оживает» под пером, это означает, что поддержание «параметров» приобрело некий автоматизм, стало самопроизвольным» [21, с. 68]. В том и в другом случае начинает работать *конструкция*.

Анализ содержания категории «конструирование» делает понятным обращение к ней целого спектра исследований в рамках социально-гуманитарного знания: термин применяется, когда речь идет не о создании объектов вообще, а о создании таких объектов, важнейшей характеристикой которых является внутреннее устройство, обеспечивающее в дальнейшем определенное функционирование (рискнем сказать – даже инерцию способа функционирования). Правовая норма формируется как элемент правовой системы в целом, и она должна быть построена так, чтобы выполнять в этой системе свою часть задачи; логическая структура правовой нормы является предметом специальной разработки. Педагогические концепции «конструирования человека» ориентированы на «технологическое» построение, в котором достигаемые результаты должны обеспечиваться не вдохновенными точечными воздействиями, а внутренней организацией процесса. Конструктивистская теория познания рассматривает знание как результат человеческой деятельности, несущий на себе отпечаток

параметров этой деятельности и определяющий дальнейшую направленность когнитивного акта. Во всех случаях понятие конструирования выводит на первый план тот факт, что создаваемый результат – правовая норма, сформированное качество личности, гносеологический образ – приобретает четко выраженную внутреннюю логику и в результате оказывается до некоторой степени самоподдерживающимся.

Программное развертывание этих теоретических оснований состоит прежде всего в том, чтобы обнаруживать в рассматриваемых видах деятельности и социокультурных феноменах конструктивную составляющую. В частности, в рамках теории познания «конструктивизм представляет собой подход, согласно которому всякая познавательная деятельность является конструированием» [22, с. 373]. В первую очередь речь идет о том, что даже существующий объект достраивается и трансформируется в рамках человеческой деятельности, и конструктивизм обязывает нас видеть этот отрыв от изначальной реальности. Гносеологический образ объекта неизбежно отличается от самого объекта, поскольку отсекает несущественное в рамках данного когнитивного акта, построен с использованием методологии, выявляющей определенные срезы объекта, включает представления об истории объекта, соображения о возможном его использовании и т. д.; поэтому мы и характеризуем любой гносеологический образ как конструкт. Точно так же региональная идентичность выходит далеко за рамки опыта детства, прошедшего на Урале, или проживания в Сибири; это результат объединения с одними группами и дистанцирования от других, освоения типичных профессиональных и досуговых практик, воздействия идеологических средств по формированию имиджа региона и т. д. Она и должна изучаться с необходимым вниманием к этому уровню своего формирования.

При этом с точки зрения конструктивизма недостаточно просто показать, что научная теория, этническое самосознание или гендерная роль являются конструктами. Необходимо последовательно выявить, как это меняет их понимание в целом. Одной из первых областей научного знания, в которых конструктивизм стал исследовательской программой, была логика. Освоение конструктивистской программой сформировало в логике требование устанавливать не только логические правила, но и средства их реального выполнения. В результате были разграничены правила использования непустых и пустых понятий, экстенциональные и интенциональные контексты; реальными начали признаваться только определения, содержащие критерии выполнения (например, формулировка «Друг – тот, кто поможет тебе в трудную минуту» является определением, а «Дружба – близкие отношения, основанные на взаимном доверии и привязанности» – нет). Также было уточнено значение ряда логических связок, произошел отказ от понятия актуальной бесконечности и закона исключенного третьего (поскольку реальных бесконечных объектов, которые даны нам в готовом виде, нет, смысл понятия «бесконечность» состоит в том, что некий процесс всегда может быть продолжен, и тогда

утверждение о возможности наступления в нем некоторого события может быть не только истинным или ложным, но и неопределенным). Иными словами, использование конструктивистской исследовательской программы привело к существенному пересмотру ключевых логических представлений.

Для социально-гуманитарного знания это пока составляет перспективу, но ее определенность наиболее отчетливо характеризует статус конструктивизма как исследовательской программы. Само по себе размещение социальной или научной идеи в поле субъектной контекстуальности служит лишь отправной точкой исследования. Конструктивизм задает необходимость устанавливать далее круг факторов, определяющих направленность достройки и характер трансформации изначальной данности; ищет способ систематизации наших представлений об этих факторах: как они иерархизированы, взаимодействуют, как оформляется целостность результирующего воздействия. Следует также анализировать возникающую структуру, логическую определенность результата действия и рассматривать ее как основание его функционирования.

Конструктивистская программа в культурологических исследованиях требует, чтобы, изучая национальное самосознание, мы рассматривали как центральный фактор самоидентификацию людей, но не сводили ее к аморфному ощущению «Я русский человек», а анализировали, из каких компонентов она складывается, откуда происходит в современной культуре каждый из этих компонентов и какими средствами он поддерживается. Конструктивизм в эпистемологии предполагает, что мы будем не рассуждать о необходимости учета социокультурной детерминации научного познания, а исследовать социокультурный контекст возникновения конкретной теории. Не случайно эта программа в науковедении инициирует исследования *casestudies*. И. Т. Касавин пишет: «Социальный эпистемолог обязан проводить исследования в стиле *casestude*, чтобы обеспечить рост эмпирического базиса... и сконструировать именно те факты, которые нужны» [23, с. 540]. Конструктивистский подход к проблемам образования и воспитания означает, что мы должны формулировать не расплывчатые компетенции вплоть до «стремления работать на благо Родины» (ОК-1 Федеральный государственный образовательный стандарт по специальности «Государственное и муниципальное управление»), проверить которые в рамках системы образования нет никакой возможности, а конкретные контролируемые показатели подготовленности к выполнению профессиональных обязанностей – а потом разрабатывать образовательные технологии, надежно обеспечивающие их достижение в массовом порядке. Иначе говоря, во всех случаях конструктивизм считает успехом создание только того, что *работает*.

Определение конструктивизма как исследовательской программы позволяет прояснить еще один момент, достаточно критичный для его признания. Само понятие исследовательской программы предполагает определенную локализацию. Исследовательская программа

создается для изучения определенного среза, аспекта реальности; это подразумевает наличие других аспектов, которые необходимо изучать с использованием других методологических средств.

Но тогда очевидно, что не обязательно оценивать конструктивизм как альтернативу иным способам описания, в терминах «конструктивизм vs реализм». Конструктивизм может эффективно функционировать как дополнительная к другим исследовательская программа. Например, в рамках теории познания конструктивизм не является безусловной антитезой теории отражения; он вполне может быть интерпретирован как добавление к ней. Гносеологический образ имеет реальный реферант и должен отчасти воспроизводить его свойства, но при этом он имеет субъектную составляющую; ее и изучает конструктивизм, не считая субъектную контекстуальность исключительно источником ошибочности образа. В конце концов, как написал В. А. Лекторский: «Сконструированность не обязательно означает нереальность того, что построено» [24, с. 7]. Точно так же оценка региональной идентичности в современных условиях как конструкта не означает, что ее можно сконструировать безпредпосылочно, на пустом месте, а описание деятельности писателя как «конструирования параметров» персонажей и обстоятельств отнюдь не лишает ее статуса творческого процесса. Будучи понятым как исследовательская программа, имеющая свою направленность и границы, конструктивизм может стать одним из ведущих методологических инструментов современного социально-гуманитарного знания.

1. Баранова М. В. Конструирование дефинитивных норм права: проблемы и тенденции // Юридическая техника. 2013. № 7. Ч. 2. С. 120–125.
2. Подгайнова Я. В. Конструирование уголовно-правовой нормы, предусматривающей ответственность за занятие проституцией // Бизнес в законе: Экономико-юридический журнал. 2009. № 5. С. 133–135.
3. Щелокаева Т. А. Коллизионные нормы: теория и опыт конструирования в конституционных актах // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Н. Новгород: Изд-во ННГУ, 2003. Вып. 1(6). С. 109–114.
4. Воронина О. А. Конструирование женственности: социокультурный анализ // Человек. 2009. № 5. С. 50–66.
5. Малинова О. Ю. Символическая политика и конструирование макрополитической идентичности в постсоветской России // Полис: политические исследования. 2010. № 2. С. 90–105.
6. Джонсон К., Коулман А. Внутренний «Другой»: диалектические взаимосвязи между конструированием региональных и национальных идентичностей // Культурная и гуманитарная география. 2012. Т. 1. № 2. С. 107–125.
7. Шаров А. С. Психология культуры, образования и развития человека. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2013. 300 с.
8. Ануфриев С. И. Педагогико-антропологические основания конструирования и самоконструирования человека // Конструирование человека: сб. тр. Всероссийской

науч. конф. с междунар. участием. Т. 1. Ч. 1. Томск: Изд-во ТГПУ, 2008. С. 174–177.

9. Сагалакова О. А., Труевцев Д. В. Конструирование человека в дискурсе психиатрии, психотерапии и психологии // Конструирование человека. С. 133–140.

10. Соколовская М. В. Ценности образования и конструирование субъекта: воспитательные мотивы в романах Карела Чапека и Кадзю Исигуро // Конструирование человека. С. 286–290.

11. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности: Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

12. Мелик-Гайказян И. А. Конструирование человека // Человек в современном мире: материалы региональной науч.-практ. конф. Томск: Изд-во ТГАСУ, 2009. С. 20–32.

13. Юдин Б. Г. От утопии к науке: конструирование человека // Многомерный образ человека: На пути к созданию единой науки о человеке. М.: Прогресс-Традиция, 2007. С. 8–31.

14. Пружинин Б. И., Щедрина Т. Г. Конструктивизм: умонастроение и эпистемологическая доктрина // Социальная философия науки: Российская перспектива: материалы Междунар. конф. М.: Альфа-М, 2014. Т. 8. С. 17.

15. Лакатос И. История науки и ее рациональные реконструкции // Структура и развитие науки. М.: Прогресс, 1978. С. 203–269.

16. Лакатос И. Методология научных исследовательских программ // Вопросы философии. 1995. № 4. С. 135–154.

17. Кун Т. Структура научных революций. Благовещенск: БГК им. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 296 с.

18. Розов М. А. Теория социальных эстафет и проблемы анализа знания // Теория социальных эстафет: История. Идеи. Перспективы. Новосибирск: Изд-во НГУ, 1997. С. 9–67.

19. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М.: Русский язык, 1984. 797 с.

20. Руткевич М. Н., Лойфман И. Я. Диалектика и теория познания. М.: Мысль. 1994. 383 с.

21. Лем С. Философия случая. М.: АСТ: Транзит-книга, 2005. 767 с.

22. Касавин И. Т. Конструктивизм // Энциклопедия эпистемологии и философии науки. М.: Канон+РООИ «Реабилитация», 2009. С. 373–377.

23. Касавин И. Т. Социальная эпистемология: фундаментальные и прикладные проблемы. М.: Альфа-М, 2013. 569 с.

24. Лекторский В. А. Можно ли снять оппозицию конструктивизма и реализма? // Социальная философия науки: Российская перспектива. С. 5–8.

© Мартишина Н. И., 2015

УДК 17.023.35

*И. В. Подкатнова
I. V. Podkatnova*

БРИТАНСКИЕ ФИЛОСОФЫ-УТИЛИТАРИСТЫ XIX ВЕКА О ЦЕННОСТЯХ

В статье ставится задача определить основополагающие ценности, содержащиеся в учениях британских философов-утилитаристов XIX века. В результате анализа было выявлено, что в качестве важнейших ценностей предстают польза, максимизация которой способна уменьшить человеческое страдание и несчастье, счастье всего общества в целом и его проявление в удовольствии.

Ключевые слова: ценности, утилитаризм, польза, счастье, удовольствие.

BRITISH PHILISOPHERS-UTILITARIANS OF THE XIX CENTURY ABOUT VALUES

The objective of the article is to identify the core values of British philisophers-utilitarians of the XIX century. The analysis revealed that the most important values were benefit, its maximization which can reduce the human suffering and misery, happiness of the whole society and its manifestation in pleasure.

Keywords: values, utilitarianism, benefit, happiness, pleasure.

Формирование ценностей у подрастающего поколения является приоритетной задачей образования во многих странах мира. Именно ценности определяют духовно-нравственное, культурное и социальное развитие всей нации в целом.

В британской педагогической литературе представлены различные интерпретации понятия «ценность».

Однако определение английского ученого Джона Колбека представляет особый интерес, так как затрагивает мотивационный и рефлексивный аспекты этого термина: «Ценности дают человеку побуждающий импульс к действию, и при осмыслении его поступков именно ценности подтверждают их правильность, а значит, оживляют и наполняют смыслом человеческую деятельность» (пер.

автора) [1, р. 72]. Следовательно, ценности являются главными жизненными ориентирами и идеалами человека, определяющими фундаментальные нормы его поведения в обществе и ценностную сущность его действий и поступков.

Необходимо отметить, что задолго до широкого использования термина «ценность» британские философы и мыслители затрагивали проблемы аксиологического характера, используя близкие по значению универсалии, а именно: «благо», «мораль», «нравственность», «добродетель» и др. В настоящей статье представляется важным проанализировать учения философов-утилитаристов XIX века и выявить основные ценности, лежащие в их основаниях.

Буржуазная революция, произошедшая в Англии в XVII столетии и повлиявшая на развитие капитализма, а впоследствии и на промышленный переворот, привела к смене ценностных ориентиров в обществе. Утилитарные ценности, а именно: польза, счастье и удовольствие конкретного индивида стали выступать в качестве основополагающих, отодвинув на второй план благожелательность, сочувствие и симпатию к другим людям, а также чувственную сторону человеческой природы.

Таким образом, в XIX веке формируется философское течение, получившее позднее название «утилитаризм» (от лат. *utilitas* – польза), рассматривающее мораль с точки зрения ее полезности для окружающих, основателем течения по праву считается английский философ, социолог и юрист Джереми (Иеремия) Бентам. Моральная теория этого мыслителя, как и у его французских предшественников (Ч. Беккария, К. Гельвеция и др.) основана на антропологии. Удовольствие и страдание предстают как основные состояния человеческой жизни, которые определяют поведение человека в обществе, его мысли и поступки. Но так как все люди без исключения стремятся к высшей ценности – счастью, то общественное устройство, которое направлено на достижение «наибольшего счастья наибольшего числа людей» [2], можно считать наилучшим. Более того, задача общества состоит в том, чтобы распределить имеющиеся блага между всеми членами социума, обеспечив им таким образом свободный обмен результатами их деятельности, что, несомненно, является важнейшим условием достижения счастья каждым конкретным индивидом в обществе.

Рассматривая само понятие «польза» в широком смысле: в качестве состояния, имеющего в своей основе благо и несущее выгоду, философ объединяет ценности разного рода: пользу и благодетель, и тем самым свергает устойчивые стереотипы о том, что данные понятия являются противоположными. Различие между ними, считает мыслитель, заключается лишь в том, что «польза – превосходная степень удовольствия, добро – превосходная степень пользы» [3, с. 200]. Следовательно, принцип полезности состоит в обеспечении всех людей высшими ценностями: счастьем, удовольствием и добротой, при этом, предупреждая зло, вред и страдания, которые могут быть нанесены человеку с той или иной стороны.

В своем фундаментальном труде «Введение в основание нравственности и законодательства» Дж. Бентам отводит отдельную главу измерению удовольствия и страдания. Философ полагает, что мы можем определить, является ли поступок человека или деятельность государства полезной, следовательно, нравственной и доброй путем подсчета количества и определения качества удовольствия людей в обществе. «Сумма интересов отдельных членов и составляет интерес общества» [4, с. 10], – говорит мыслитель, определяя сущность и ценность общества в объединении сущностей и ценностей каждого индивида.

Таким образом, Дж. Бентам в своем учении представил такие ценности, направленные на развитие каждого индивида в социуме, как полезность, добродетель, счастье и удовольствие в тесной взаимосвязи. И чем больше людей будут обладать этими ценностями, тем быстрее все общество в целом достигнет счастья и процветания.

Другой английский философ, Джон Стюарт Милль, также не оставил без внимания проблему ценностей современного ему общества, обобщив и систематизировав учение своего предшественника и придав ему статус концепции.

В своем произведении «Утилитарианизм» мыслитель выводит понятие морали, функционирующей в обществе как система норм и ценностей, из высшей цели человека – стремления к удовлетворению своих потребностей и желаний, к счастью или к пользе, что, в свою очередь, заключается в истинном удовольствии. Важно отметить, что Дж. Ст. Милль солидарен с Дж. Бентамом, направляя свою концепцию против эгоизма и утверждая, что добродетель заключается не в достижении личного счастья индивида, а в стремлении к общему счастью всех людей. Следовательно, мораль предстает у философа как «правила для руководства человеку в его поступках, соблюдение которых обеспечивает всем людям свободу от страданий и возможно большую полноту наслаждений» [5, с. 151]. Однако интерпретация высшей ценности – счастья у Дж. Ст. Милля отличается от мнения его предшественника. Если Дж. Бентам не дает конкретного описания счастья, для него оно состоит в наличии удовольствия и отсутствии страдания, то Дж. Ст. Милль понимает под ним больше духовное состояние, чем физиологическое: «ментальные удовольствия более значимы, чем удовольствия телесные, поскольку они безопаснее, длительнее и им в меньшей мере свойственно обесцениваться» [6].

Определяя принцип полезности, мыслитель опирается на идею заключения пользы в счастье, но при этом рассматривает общее счастье, достижение которого возможно лишь в том случае, если всякий человек будет стремиться содействовать счастью других людей, а не своему собственному. Однако Дж. Ст. Милль понимает, что наивно полагаться на достижение всеобщего счастья или хотя бы счастья большинства людей, следовательно, принцип пользы у него включает в себя в первую очередь стремление к уменьшению человеческого страдания и несчастья. При этом Дж. Ст. Милль отличает пользу от выгоды, подразумевая под последней корысть и жажду

наживы. Таким образом, принцип пользы предстает в виде главного нравственного принципа в структуре морали и также несет в себе неотъемлемую ценность.

Дж. Ст. Милль выделяет также принципы второго уровня, более конкретные по сравнению с самым важным – принципом полезности, которыми руководствуется человек, поступая так или иначе. К ним относятся принцип справедливости, правила «не вреди», «противодействуй несчастью», «соблюдай интересы ближних» и др. При этом существуют различные основания выбора нравственного принципа: с одной стороны, человек опирается на свои личные предпочтения того или иного удовольствия, а с другой стороны, придерживается правила, которое может быть признано всем обществом и является полезным, а значит ценным для всех: «Если все или почти все, испытавшие два какие-либо удовольствия, отдают решительное предпочтение одному из них, и к этому предпочтению не примешиваются чувства какой-либо нравственной обязанности, то это удовольствие и будет более ценное, чем другие» [7, с. 101]. Однако философ допускает, что очень малый процент людей стремится к общественной пользе, скорее к своему личному благополучию. Поэтому Дж. Ст. Милль как и Дж. Бентам представляет общее благо в виде суммы частных благ.

Отдельного внимания заслуживает учение данного философа о справедливости, в котором также есть место ценностям. Понятие «справедливость» основывается на существующем положении вещей, т. е. *status quo*. Справедливое общество, по Дж. Ст. Миллю, не должно вмешиваться в частную жизнь людей, но при этом должно способствовать приумножению возвышенного удовольствия индивидов. Более того, членам общества предоставляется полная свобода выбора, что является основой либерального утилитаризма в учении мыслителя. А значит, Дж. Ст. Милль определяет сущность понятия «справедливость» через понятие «право», а индивидуальная свобода предстает как важная ценность, которая лежит в основе как частного, так и общего счастья и при этом является еще и полезной.

Таким образом, в учении философа можно выделить следующие ценностные основания:

1) счастье как духовная составляющая человеческого сознания;

2) принцип полезности, направленный на деятельность, приносящую счастье, а не выгоду всем людям без исключения;

3) личная свобода индивида в его мыслях и поступках, так или иначе ведущая к пользе и счастью всего общества в целом.

Последним представителем классического утилитаризма по праву считается Генри Сиджвик, который в своем учении попытался придать утилитаризму большую теоретическую основательность, что, по его мнению, не удалось сделать Дж. Бентаму и Дж. Ст. Миллю.

Центральной ценностью в этике Г. Сиджвика является благо и его соотносимость с понятиями удовольствия и счастья. Рассматривая содержание блага, философ полагает, что разные виды блага определяют цели че-

ловека и подвигают его на различные поступки. Таким образом, в качестве цели благо становится предметом желания, а потом и выбором человека. Следовательно, благо предстает у Г. Сиджвика в первую очередь как цель и только потом как средство достижения этой цели.

Говоря о высшем благе, философ определяет его как абсолютную цель, к которой, в конечном счете, стремятся все люди, не беря во внимание промежуточные цели и блага, которые они получают. Философ определяет две цели, которые можно рассматривать как высшие блага: «...я считаю, все признают, что для человека разумно стремиться к красоте, знанию и другим идеальным благам, точно так же, как и к существующим независимо от нас материальным вещам в той мере, в какой они способствуют (1) счастью или (2) совершенству или превосходству человеческого существования» [8, с. 125].

В своей концепции философ также дает гедонистическое описание блага. Сравнивая различные блага по наличию удовольствия, философ выявляет, что одни вещи, такие как хорошие вина, обеды, картины, музыка могут вызывать у человека чувственное или эмоциональное удовольствие. Эти удовольствия, по Г. Сиджвику, относятся к «хорошим» или «приятным», а значит, ценным. С другой стороны, рассматривая блага, связанные с характером и поведением человека, философ выделяет другие удовольствия, которые относятся к «объектам вкуса». Г. Сиджвик замечает, что не все из них можно отнести к категории хороших. Следовательно, выявляется, что «оценка того, насколько поведение является хорошим, не тождественна оценке количества порождаемого таким поведением удовольствия» [8, с. 125].

Рассматривая соотношение взаимосвязанных ценностей счастья и блага, Г. Сиджвик уверен, что высшее благо заключается в счастье людей, а счастье, в свою очередь, – в удовольствии. Ведь именно счастье является абсолютной целью, к которой стремятся все без исключения. Нельзя не признать, что помимо чувств и сознания у человека есть также знания и воля, которые также могут отвечать за выбор удовольствия и, в итоге, счастья.

Работы данного философа о высшем благе знаменуют окончание классического утилитаризма. Несомненно, Г. Сиджвик осознавал неточность и неопределенность своей концепции, так как требовались дополнительные оговорки и расшифровки определения хотя бы разного рода удовольствий. Но при этом его концепция позволила сравнивать не только блага разного уровня, но и ценностные понятия, такие как счастье и удовольствие, что, в свою очередь, вызвало много как положительных, так и критических отзывов, и в целом способствовало развитию аксиологической мысли в Великобритании.

В заключение важно отметить, что философы-утилитаристы XIX столетия Дж. Бентам, Дж. Ст. Милль и Г. Сиджвик сосредоточили свое внимание на трех основополагающих и неотъемлемых ценностях – пользе, счастье и удовольствии, которые рассматривали в естественной взаимосвязи. Так, максимизация пользы предстала в качестве главной ценности, счастье являлось основой полезности, а достижение этого самого счастья

предполагало удовольствие, которое испытывают все люди без исключения. Несомненно, в настоящее время эти ценности играют значительную роль в духовно-нравственном становлении подрастающего поколения. Однако важно подчеркнуть их социальную направленность: только осознание, что польза, счастье и удовольствие идут во благо и способствуют процветанию всего общества, поможет снизить проявления эгоизма и потребительского отношения к жизни у современной молодежи.

1. Colbeck J. From cultural patchwork to rainbows: tightropes in Values Education // *Education, Culture and Values: Moral Education and Pluralism*, Vol. IV. The Taylor & Francis e-Library, 2005. P. 71–86.

2. West Heury R. Utilitarianism // *Encyclopedia of Ethics* / ed. by L. C. Becker, C. B. Becker. 2 ed. Routledge, 2001. P. 1737.

3. Апресян Р. Г. *Идея морали и базовые нормативно-этические программы*. М., 1995. 353 с.

4. Бентам И. Введение в основание нравственности и законодательства. М.: РОССПЭН, 1998. 415 с.

5. Апресян Р. Г. Утилитаризм // *Новая философская энциклопедия: в 4 т.* / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; пред. научно-ред. совета В. С. Степин. 2-е изд., испр. и допол. М.: Мысль, 2010. Т. 4. С. 151.

6. Дробович А. Э. Верификация инструментов дискурса об удовольствии: о происхождении и значении термина «гедонизм» // *Концепт*. 2013. № 10 (октябрь). URL: <http://www.e-koncept.ru/2013/13211.htm> (дата обращения 20.11.2014).

7. Милль Дж.С. Утилитарианизм. О свободе. СПб.: Изд. И. П. Перевозникова, 1900. 384 с.

8. Артемьева О. В. Генри Сиджвик о высшем благе // *Этическая мысль*. М.: ИФ РАН, 2003. Вып. 4. С. 121–144.

© Подкатнова И. В., 2015

УДК 141.3

М. П. Шубина
M. P. Shubina

НАУКА И ЖИЗНЕННЫЙ МИР В ФЕНОМЕНОЛОГИИ Э. ГУССЕРЛЯ

В статье рассматривается процесс возникновения феноменологии и термина «жизненный мир» в философии Э. Гуссерля и самой проблематики повседневности. Становлению категории «повседневность» способствовала критика традиционной рациональности, которая абсолютизировала высшие разумные ценности, идеальный мир и игнорировала обыденную жизнь человека. Критика рациональности, часто отождествляемой с научным знанием, не могла не привести к идее повседневности как важнейшего основания человеческого бытия. Феноменология – наука о субъективных структурах сознания. Реальность в ее связи с субъективностью человека – это предмет феноменологии.

Ключевые слова: феноменологическая методология, повседневность, жизненный мир, субъективные структуры сознания, опыт чистого созерцания.

SCIENCE AND LIFE-WORLD IN E. HUSSERL'S PHENOMENOLOGY

This article discusses the process of the emergence of phenomenology, the term “life-world” in E. Husserl's philosophy and eventually the problems of everyday life. The criticism of traditional rationality which absolutized the highest reasonable values and perfect peace and ignored people's everyday life contributed to the establishment of the category of “everyday life”. The criticism of rationality often identified with scientific knowledge could not but lead to the idea of everyday life as an essential foundation of human existence. Phenomenology is the study of the subjective structures of consciousness. Reality in its relation to human subjectivity is the subject matter of phenomenology.

Keywords: phenomenological methodology, everyday life, life-world, subjective structure of consciousness, experience of pure contemplation.

Э. Гуссерль был одним из первых философов, обративших внимание на отрыв науки от жизненного мира и необходимость исследовать их во взаимосвязи. Гуссерль очень высоко ценил науку и философию как её высшую форму. Он считал, что именно благодаря возникновению теоретической установки сознания в Древней Греции, при которой нужно сформировать в себе «чистую», «незаинтересованную» позицию, «вынести за скобки» все практические, житейские интересы, психологические, социальные и прочие связи, рождается и развивается европейская культура. Наиболее существенным

в человеке античности, по словам Гуссерля, является «философская» форма существования, т. е. стремление сделать свободным себя и свою жизнь, построить её правила, исходя из правил чистого разума, из философии [1, с. 139].

Почему же теоретическая установка сыграла такую огромную роль в судьбе человечества, почему она явилась тем смысловым центром, который организовал вокруг себя всю жизнь Европы и других стран? Ответить на этот вопрос – значит раскрыть сущность науки. Достижения наук не подвластны времени: они не поддаются порче,

ибо они не реальны, а идеальны [2, с. 127–128]. Достижения науки являются ступенью ко всё новым и новым открытиям, и задачи науки бесконечны. Эта особенность науки есть своего рода «зерно» для европейской культуры, открывшее ей измерение идеального и определившее её облик и смысл деятельности.

Что же случилось с европейской культурой, почему разразился кризис? Гуссерль связывал его с крушением веры в разум. Этот кризис стал очевидным к началу XX века, но истоки его восходят ещё к Ренессансу, когда формировались методологические предпосылки «галилеевской физики». С развитием новейшего естествознания все больше и больше происходит его отрыв от философии и естественные науки превращаются в исследовательскую технику. Для естествознания Нового времени природа, понимаемая объективистски, становится единственной истинной реальностью. Мир мыслится как вещественный универсум с его механическими законами. В такой модели мира устраняется все субъективное, утрачивается связь с человеком, его жизнью, смыслом и ценностями. Это и есть натурализм, с которым боролся Гуссерль. С позиций натурализма, по словам Гуссерля, «познание рассматривается как факт природы или как переживание какого-то живого существа, или как психологический факт» [3, с. 200].

Гуссерль критиковал не саму науку, а тот натурализм, который характерен для современного естествознания. Он считал, что простая наука о телах (он имел в виду математическое естествознание) не может ничего сказать о разуме и неразумии, о нас, людях, как субъектах свободы. С точки зрения Гуссерля, дух и только он есть бытие в себе и для себя, только он автономен и доступен рациональному изучению. Автономия природы лишь кажущаяся, ибо «истинная» природа естественных наук есть продукт духа исследующего природу. Гуссерль критиковал не только натурализм, но и историцизм, который тоже релятивизирует истину. С позиций историцизма, истина зависит от истории, следовательно, любая истина относительна. В соответствии со взглядами Гуссерля, если истинны познавательные акты, то их содержание не зависит ни от человека, ни от человечества.

Кризис европейской культуры, по словам Гуссерля, – это «...крах веры в универсальную философию как руководительницу человека Нового времени и означает, вместе с тем, крушение веры в «разум». Поскольку вера в абсолютный разум, придающий смысл миру, рухнула, постольку рухнула и вера в смысл истории, в смысл человечества, его свободу...» [1, с. 142].

Человек теряет веру в самого себя. Важнейшая причина кризиса, как полагает Гуссерль, – в забвении новейшим естествознанием своего фундамента. Фундаментом наук, по Гуссерлю, является идущий от античной философии опыт чистого созерцания. Без опоры на опыт чистого созерцания естествознание превращается в исследовательскую технику. С точки зрения Гуссерля, безусловно, есть истины, которые не зависят от исторически изменяющихся фактических ситуаций, например истины

математики и логики. На самом деле он хотел «защитить науку (которую нельзя отождествлять только с естествознанием Нового времени) и укрепить её основания в эпоху, когда эти основания с разных сторон размываются и оказываются под угрозой» [2, с. 119].

Эту идею Гуссерль последовательно проводит во всем своем творчестве – и в «Логических исследованиях», и в «Философии как строгой науке», и в «Кризисе европейских наук», и в «Начале геометрии» и в других работах. Вслед за Р. Декартом Гуссерль настаивал на поисках достоверных и очевидных истин. Такие истины должна устанавливать философия, именно феноменология. Он обращается к тому самому опыту «чистого созерцания», благодаря которому стала возможной наука, с отличающим её свойством идеальности, с её бесконечностью задач и бессмертием.

Исходным принципом феноменологии является принцип очевидности. Очевидно то, что дано непосредственно. «Непосредственное видение, не только чувственное, эмпирическое видение, а видение вообще... есть последний законный источник всех разумных утверждений» [2, с. 119].

Но не все, что непосредственно, является очевидным. Очевидное, полагает Гуссерль в духе декартовского рационализма, лишь то, что дано ясно и отчетливо нашему умственному взору. Очевидность есть созерцание какой-то естественной реальности или идеального объекта, «схватывание какого-то сущего в сознании его исходной наличной самости». Гуссерль определяет очевидность как интенциональный результат (само)данности, как интенциональность, в которой сознание осознает себя как пра-сознание [4, с. 67].

Известный лозунг Гуссерля «Назад, к самим предметам!» означал необходимость обратить внимание на предметы как на феномены сознания. «Мы привыкли сосредотачивать внимание, – писал Гуссерль, – на предметах, мыслях и ценностях, но не на психическом «акте переживания», в котором они постигаются. Этот акт обнаруживается рефлексией, рефлексия же позволяет осуществить любой опыт. Вместо предметов, ценностей, целей, вспомогательных средств, мы рассматриваем тот субъективный опыт, в котором они являются» [5, с. 13]. Нашему сознанию является не сам мир или часть его, но смысл мира, Гуссерль призывал сосредоточить внимание на исследовании «явлений» сознания, которые уже не суть объекты, но «единицы смысла» [5, с. 14].

Феноменологов интересует не сама по себе реальность, а реальность в связи с человеком, как она воспринимается, осмысливается человеком. Как пишет Гуссерль, мир в его определенности – мир «в себе и для себя», существует так, как существует, независимо от того, случается ли мне осознавать его. Но когда этот общий мир «проявится» в сознании, он будет связан с моей субъективностью. Это «проявление» мира, это «бытие-для-нас-мира», которое может приобрести значимость лишь «субъективно». В нашем сознании мир обретает свою действительность, считает Гуссерль, будучи людьми, мы сами принадлежим миру.

Задача трансцендентальной феноменологии заключается в анализе сознания как своеобразного и абсолютно независимого от реальности бытия, имеющего перед реальностью онтологический приоритет, так как эта реальность конституируется благодаря деятельности сознания, для бытия самого сознания в предельно широком смысле потока переживаний нет необходимости в каком-либо реальном бытии, по мнению Гуссерля.

Феномены сознания, по Гуссерлю, обладают интенциональной природой, т. е. они направлены на предметы. «Эти явления, – подчеркивает Гуссерль, – по своей природе должны быть «сознанием – о» их объектов, независимо от того, реальны ли сами объекты или нет. Обыденный язык схватывает эту относительность в оборотах: я думал о чем-то, я испугался чего-то и т. д.» [5, с. 13]. Предметом изучения феноменологии является опыт собственного «я» и на его основе опыт других «я», а также опыт сообщества. Поэтому вполне закономерным в философии Гуссерля является его принцип «эпохе». Он заключается в том, что феноменолог должен наложить запрет на любую обычную «объективную позицию», отказаться от любого суждения, касающегося «объективного мира». «Наше универсальное эпохе, – пишет Гуссерль, – заключает мир в скобки, исключает мир (который просто здесь есть) из поля субъекта, представляющего на его месте так-то и так-то переживаемый – вспоминаемый, выражаемый в суждении – мыслимый – оцениваемый мир» [5, с. 14].

«Эпохе» помогает исследователю выделить сознание в качестве единственного объекта анализа и направить его внимание на способ данности предметов сознанию в интенциональных актах.

Благодаря «эпохе» только и возможно достижение подлинной очевидности. С помощью редукции выносятся за скобки все, что не является самоочевидным, чистым феноменом. Мы не должны стремиться исключить всякий опыт вообще, а только эмпирический, чувственный, ибо наша задача – получить изначальную форму опыта сознания, которой является восприятие. Восприятие, по мнению Гуссерля, есть основной модус сознания. Именно в восприятии непосредственно открывается бытие предмета, ибо чувство очевидности тождественно самоданности предмета. Сознание в тот момент не должно ничего конституировать, а должно только позволить предмету открыться, обнаружиться. Чистый феномен как бы говорит нам: «вот я само».

Эмпирические явления никогда не показывают сами себя, они нам даются через систему связей и отношений с другими явлениями, в «оттенках», в непрерывной изменчивости. «Чистый феномен» дан нам как «идея», как некая «чистая сущность», подобно тому, как математику дан мир чисел, независимо от того, как он воплощен в реальном мире. Бытие чистых феноменов оказывается как бы вырванным из потока времени и остается данным нам непосредственно. Понять феномен, «усмотреть его сущность», можно, «схватив» его в интуитивном акте «сопереживания», в непосредственном «слиянии» с потоком сознания. Мы в действительности здесь видим веяние интуитивизма.

Гуссерль выдвинул идею новой феноменологической философии как строгой науки, он претендовал на то, что феноменология станет «универсальным», абсолютным знанием, способным освободить науку от присущей ей наивности. То, как мы видим окружающий мир, представляется нам непосредственной данностью, но на самом деле это – сложный продукт нервной и психической деятельности. Гуссерлевская феноменология ставила задачу проанализировать акты и предпосылки конституирования предметности сознанием. Трансцендентальная феноменология и должна раскрыть некоторые фундаментальные и в то же время не замечаемые предпосылки, которые срабатывают в актах восприятия вещей. Когда субъект воспринимает предмет, то он может строить его смысловой образ, исходя из самых разных интенций. Любое восприятие и описание мира опирается на трансцендентальные акты и не является непосредственным. Феноменология исследует условия и возможности познания вообще, которые должны быть выполнены сознанием [6, с. 190].

Важнейшая задача феноменологии – анализ универсальных структур, лежащих в основе практической и теоретической деятельности человека, конституируемых трансцендентальной жизнью сознания.

Какие же универсальные структуры сознания находит Гуссерль? Самое главное свойство сознания, как уже отмечалось, – это его интенциональность. Интенциональность, основное понятие гуссерлева учения о сознании, характеризует сознание как переживание, которое имеет значение, или обладает смыслом. Значение – это то, что присуще переживанию, которое имеет в виду предмет. Значение есть всегда отношение к предмету.

Направленность сознания, которая выражается посредством интенциональности, не есть направленность на подлинно трансцендентное, выход сознания за пределы самого себя, предмет находится «вне сознания» в том смысле, что он – вне акта сознания, это имманентная трансценденция. Трансцендентальной субъективности как интенциональному образованию присущи два главных свойства: телеологизм и деятельный характер. Единство трансцендентального Эго обеспечивается тем, на что оно направлено, его «телосом», «целью». Предмет, на который направлен акт сознания, никогда не бывает дан сознанию целиком как актуальный, он актуализирован лишь частично и всегда выступает на фоне некоего потенциального горизонта, актуализация которого представляет бесконечный процесс.

Поток переживаний в сознании человека имеет характер горизонта. Горизонт – это не застывшая граница, а нечто такое, что передвигается вместе с тобой и приглашает к дальнейшему движению вперед. Так, интенциональности горизонта потока переживаний в сознании соответствует столь же обширная интенциональность горизонта на стороне предметного мира. Если направляется внимание на потенциальный горизонт, то он может быть актуализирован, тогда появляется новый горизонт. Поэтому Гуссерль называет интенциональность действующей. Горизонт как некая предварительная данность

играет важную роль в работах Гуссерля, в нем уже предвосхищается введенное в «Кризисе европейских наук» понятие «жизненного мира» как общего горизонта всех последующих научных построений.

Очевидность как исходный принцип феноменологии и необходимейшая основа истинного знания наиболее показательна в логике и математике. Как пишет об этом Ж. Деррида: «Математический объект является, по-видимому, привилегированным примером и неизменной путеводной нитью гуссерлевского рассуждения. Этим он обязан своей идеальности. Его бытие исчерпывается его феноменальностью и насквозь в ней просвечивается. Будучи абсолютно объективным, то есть полностью избавленным от эмпирической субъективности, он, однако, есть лишь то, чем он кажется. Он, таким образом, всегда уже редуцирован к своему феноменальному смыслу, и его бытие с самого начала есть бытие – объектом для некоего чистого сознания» [4, с. 12–13].

Геометрия как модель точной науки, по мнению Гуссерля, ответственна за все процессы, связанные с кризисом: и за натурализацию психического, и за математизацию природы, и за то, что «идеал» геометрии побудил Декарта затемнить гениально выявленный им трансцендентальный мотив.

Кризис науки и культуры, по Гуссерлю, есть искажение смысла науки новейшим естествознанием, забвение её истоков, восходящих к философии с её опытом созерцания и трансцендентальным миром чистых сущностей.

На путях реформации науки и философии Гуссерль в работе «Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология» приходит к понятию «жизненного мира», под которым имеется в виду мир в его значимости для человека, конкретно переживаемый им опыт жизни.

Объективистский подход со времен Галилея, по мнению Гуссерля, искажает реальную картину мира посредством научных идеализаций. Мир научных абстракций всё больше воспринимается человеком как «подлинный», «объективный» в отличие от жизненного мира, воспринимаемого как субъективный феномен. Объективизм, примененный к человеку, ведет к его «овеществлению». Гуссерль подчеркивал, что жизненный мир, мир нерелегированного донаучного бытия, делает возможной, необходимой и потому ценной науку, а не наоборот. Гуссерль видел задачу в том, чтобы связать истины науки с истинами человеческой субъективности и придать науке гуманистический смысл. Феноменология должна описывать некоторые первоначальные очевидности, лежащие в основе всего человеческого опыта.

Кризис европейских наук Гуссерль связывал с забвением жизненного мира как смыслового фундамента науки. Ученый направляет свое внимание на связи между предметами и проходит мимо субъектно-смысловой корреляции между ними. Восприятие, восходящее к жизненному миру, – является основой образования научных абстракций. На путях исследования взаимодействия жизненного мира и научных идеализаций могут быть получены положительные результаты

Задачу феноменологии он видит в прояснении значения мира, того смысла, в котором каждый его воспринимает. Отсюда впоследствии вырастают важнейшие проблемы феноменологической социологии: смысловое строение социального мира, проблема скрытого смысла как основы познания и задача его экспликации.

Что же представляет собой жизненный мир? У Гуссерля можно найти различные, иногда противоречивые определения жизненного мира. В какой-то мере жизненный мир отождествляется Гуссерлем с миром нашего повседневного опыта, наивной субъективности, т. е. с миром естественной установки, предшествующей научной объективности, жизненный мир оказывается у него и «сферой первоначальных очевидностей», сферой интенциональной конституирующей деятельности трансцендентальной субъективности [7, с. 30–31].

Рассматривая возникновение геометрии как науки, Гуссерль говорит о Земле как жизненном мире в максимально широком смысле этого слова. В работе «Опыт и суждение» Гуссерль пишет о нашей Земле как «жизненном мире для человечества, живущего одним сообществом, где можно «понять друг друга» в общении, которое должно называть и вообще проходить через относящиеся к нашей Земле вещи» [4, с. 102].

Единство Земли как жизненного мира основывается на единстве и единичности темпоральности, «базисной формы», «формы всех форм». Любое восприятие, любой опыт друг друга понимающих индивидов стоит во взаимосвязи, укорененном в единстве времени. Здесь Гуссерль рассматривает Землю и мир вообще как основу всякого возможного опыта, мир – как почву почв, горизонт горизонтов опыта. Этот мировой горизонт предполагается любой наукой и поэтому является более изначальным, чем она. Если представим себе универсум возможных миров, то жизненный мир – это целое, в которое мы вживаемся как исторически живущие существа. Жизненный мир – это одновременно общий мир, так как он включает в себя сосуществование других миров. Он является персональным миром, и такой персональный мир всегда предполагается в естественной установке как значимый [8, с. 198].

Таким образом, жизненный мир есть мир непосредственного созерцания и опыта. Гуссерль называет жизненный мир, *Lebenswelt*, дообъективной сферой субъективно-относительных значений. Он постоянно акцентирует внимание на том, что именно в априори *Lebenswelta* «укоренены» и «обоснованы» априори логики и объективной науки. По наивности люди держатся за них и не ведают их смысловой связи с жизненным миром. Без этого учреждающего отношения они повисают в «воздухе» [4, с. 158].

Каковы самые сущностные и общие составляющие донаучного жизненного мира, обусловившие появление геометрии как науки? Гуссерль указывает и в «Кризисе...», и в «Начале геометрии», что донаучный мир обладает той же, что и научный, «общей структурой», например пространственно-временностью, но, конечно, без «точности» геометрии, т. е., без идеальных математических точек, «чистых» прямых, плоскостей и т. д.

1) Догеометрический мир был миром вещей, помещенных в не-точные пространство и время;

2) эти вещи должны были обладать «телесностью» как особым видом детерминации вещиности вообще;

3) эти чистые тела должны были иметь пространственно-временные формы, формы движения и деформирующие процессы;

4) с этими пространственно-временными догеометрическими формами должны быть необходимо «соотнесены» при помощи дополнительной эйдетической детерминации материальные качества (цвет, вес, твердость и т. д.);

5) под давлением практической необходимости в повседневной жизни могут быть восприняты, воспроизведены и последовательно улучшены формы и определенные преобразовательные процессы, например: ровные линии, гладкие поверхности и т. д. Гуссерль пишет, что «исходя из фактического, вариативным методом определяется сущностная форма» [4, с. 164]. Так, с помощью имажинативной вариации мы можем получить морфологические типы, неточные, но чистые, например, «круглое». На основе «круглого» уже строится геометрическая идеальность круга.

Таковы инвариантные структуры жизненного мира, наличествующие в донаучном культурном поле и обусловившие появление геометрии.

1. Гуссерль Э. Кризис европейских наук и трансцендентальная феноменология // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 136–176.

2. Гайденко П. П. Научная рациональность и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля // Вопросы философии. 1992. № 7. С. 116–136.

3. Гуссерль Э. Идея феноменологии // Ступени. Философский журнал. 1991. № 3. С. 198–218.

4. Гуссерль Э., Деррида Ж. Начало геометрии. Введение Жака Деррида. М.: Ad Marginem, 1996. 267 с.

5. Гуссерль Э. Феноменология // Логос. 1991. Вып. 1. С. 12–21.

6. Марков Б. В. Основные понятия и принципы феноменологии (Комментарии) // Ступени. Философский журнал. 1991. № 3. С. 187–197.

7. Руткевич Е. Д. Феноменологическая социология знания. М., 1993. 271 с.

8. Гадамер Х.-Г. Истина и метод: Основы философской герменевтики: пер. с нем. / общ. ред. и вступ. ст. Б. Н. Бессонова. М.: Прогресс, 1988. 704 с.

© Шубина М. П., 2015

ФИЛОЛОГИЯ

Гейко Н. Р.

Особенности перевода атрибутивных конструкций типа N+N

Дронсейка Р. П.

Интернационализация лексики русского литературного языка начала XXI века

Троян С. В.

Фрейм «диагноз» в метафорическом сценарии «Омск – больной организм» (на материале омской рубрики «Диагноз недели» сайта БК55)

Устинова Т. В.

Трансформация ассоциативного потенциала слова в процессе конструирования значения поэтического контекста

Шалацкая Т. П.

Тема детства в малой прозе А. И. Куприна: аспекты психологизма

ОСОБЕННОСТИ ПЕРЕВОДА АТРИБУТИВНЫХ КОНСТРУКЦИЙ ТИПА N+N

На материале общественно-политических статей сайта ИноСМИ (<http://inosmi.ru>) рассмотрены особенности перевода атрибутивных конструкций типа N+N. В современном английском языке элементы субстантивных словосочетаний вступают в многочисленные отношения. Наиболее частотными из них являются посессивные, темпоральные и тематические отношения. Выбор способа перевода обусловлен типом смысловых связей, реализуемых между определяемым существительным и определением.

Ключевые слова: атрибутивная конструкция, переводческие трансформации, субстантивное существительное, смысловые связи.

PECULIARITIES OF TRANSLATION OF ATTRIBUTIVE CONSTRUCTIONS N+N

The peculiarities of translation of attributive constructions N+N are considered in the article. All the given examples are from the socio-political articles of the website <http://inosmi.ru>. In modern English elements of substantive word combinations are in different relations. The most frequency relations are possessive, temporal and subject. The choice of the translation is defined by the type of semantic relations between nouns.

Keywords: attributive construction, translation transformations, substantive noun, semantic relations.

В англистике ученые давно занимаются анализом субстантивных атрибутивных словосочетаний. Лингвисты относят к ним синтаксические конструкции, атрибутивная связь между субстантивными элементами которых осуществляется при помощи предлогов, форманта 's, простого соположения имен и образования прилагательного от существительного с помощью адъективных суффиксов [1].

Конструкция «существительное + существительное» (N+N: Noun+Noun), получившая в англистике название *stone wall* [2, с. 72], является свободным словосочетанием, которое благодаря своей сжатости и легкости образования широко применяется в новостных материалах, в частности в общественно-политических текстах.

Способ и вариант перевода английского словосочетания на русский язык, анализу которых посвящена настоящая статья, напрямую обусловлены типом смысловых связей, реализуемых между определяемым существительным и определением.

В атрибутивных словосочетаниях английского языка между компонентами субстантивных групп устанавливаются следующие отношения: посессивные, субъектные, локативные, объектные, темпоральные, специфицирующие, тематические, композитивные, компаративные, квантитативные, результативные, идентифицирующие, а также отношения предназначения и «часть – целое» [1; 2, с. 71–72].

Анализ общественно-политических статей сайта ИноСМИ (<http://inosmi.ru>) выявил следующие типы отношений между компонентами атрибутивного словосочетания модели «существительное + существительное» (N+N) (см. табл.).

Примеры, представленные в таблице, актуализируют мысль о том, что выбор способа перевода обусловлен типом смысловых связей, реализуемых между опреде-

ляемым существительным и определением. Определение типа связи между существительными в конструкции N+N нередко помогает переводчику выбрать правильный вариант или способ перевода. Отмеченные в таблице особенности перевода атрибутивных конструкций не являются универсальными и закономерными. Переводчик, подбирая эквивалент, должен учитывать не только лингвистические особенности текстов оригинала и перевода, но и экстралингвистические характеристики переводимого материала.

Учитывая, что в атрибутивных словосочетаниях главным словом является последнее существительное, а предшествующие слова чаще всего выполняют функцию определения [3, с. 63], переводчик может перевести первый член двучленного атрибутивного словосочетания типа N+N на русский язык:

1) **прилагательным:** *government troops* – *правительственные войска*, *government propaganda* – *правительственная пропаганда*; *government buildings* – *административные здания*, *propaganda campaign* – *пропагандистская кампания*, *culture wars* – *культурные войны*, *border posts* – *пограничные посты*, *market fluctuations* – *рыночные колебания*, *an emergency meeting* – *экстренное заседание*, *pro-democracy protesters* – *демократическое движение*, *opposition politicians* – *оппозиционные политики*, *human rights organization* – *правозащитная организация*, *opposition activists* – *оппозиционные активисты*, *election officials* – *избирательная комиссия*, *the euro area* – *евро-зона*, *grass-roots movements* – *различные общественные движения*;

2) **существительным в родительном падеже:** *Washington desire* – *стремление Вашингтона*, *the terror campaign* – *кампания террора*, *regime change* – *смена режима*, *sanctions package* – *пакет санкций*, *nation-*

Типы отношений между компонентами атрибутивного словосочетания

№	Отношения	Идентифицирующий предикат	Примеры
Часто встречаемые типы отношений			
1	Посессивные	have	the Obama administration – администрация Обамы, UN missions – миссия ООН, community reactions – реакция общества, U.N. sanctions – санкции ООН, the Assad regime – режим Асада, a White House statement – заявление Белого дома, White House spokesman – представитель Белого дома
	Примечание: В текстах общественно-политической тематики присутствуют конструкции, в которых для существительного, являющегося именем собственным (обычно имена политиков, президентов и т. д.) и связанного лишь формально с определяемым существительным отношениями принадлежности, не используется притяжательный падеж. Такие конструкции стандартны и в большинстве случаев не зависят от контекста. Имя собственное передается на русский язык в родительном падеже		
2	Темпоральные	take place during / for	a three-month investigation – продолжавшееся три месяца расследование, a 10-day cease-fire – длившееся 10 дней прекращение огня, months-long battle – борьба с повстанцами, которая длится уже несколько месяцев, a three-day summit – трехдневный саммит, the 2011 Duma Elections – выборы в Думу 2011 года
	Примечание: Для общественно-политических текстов характерны сложные сочетания, в которых первый компонент образован путем стяжения числительного и существительного, обычно переводимые на русский язык при помощи составных прилагательных, глаголов, существительных		
3	Тематические	be about, deal with	wage agreements – соглашения о зарплатах, sanctions resolutions – резолюции о санкциях, discourse – политический дискурс, election information – информация о выборах, democracy test – проверки на демократию, a devolution agreement – соглашение об ограниченной автономии, the war talk – разговор о войне
	Примечание: Общественно-политические тексты призваны сообщать факты, описывать события, происходящие в общественной и политической сферах во всем мире. Благодаря атрибутивным конструкциям, элементы которых находятся в тематических отношениях, журналистам англоязычных изданий удается изложить новостной материал достоверно, при этом экономя языковые средства. При переводе таких конструкций на русский язык появляется предлог о/об. Первый компонент словосочетания переводится на русский язык существительным в творительном падеже		
Редко встречаемые типы отношений			
4	Предназначения	be for	reelection campaign – гонка за переизбрание, labor camps – исправительно-трудовые лагеря, human rights organization – правозащитная организация
5	Компаративные	be like, resemble	a bull-dog gripe – бульдожья хватка
6	Результативные	result in, lead to	tariff harmonization – унификация пошлин, youth unemployment – безработица среди молодежи, trade imbalances – дисбаланс в торговле
7	Локативные	be situated in/on/at/near	Kiev airport – киевский аэропорт, street protests – уличные демонстрации

state system – система национальных государств, Russian-language rights – права русского языка, White House spokesman – представитель Белого дома, wartime president – президент военного времени, the rebel retreat – отступление ополченцев, a White House statement – заявление Белого дома, a Downing Street spokeswoman – представитель Даунинг-стрит, Putin's job performance – результаты работы Путина, U.S. policy – политика США, media market – рынок СМИ, arms

dealer – торговец оружием, an election year – год выборов, press freedom – свобода прессы, sanctions policy – политика санкций, liberties advocates – защитники свобод, land grabs – захваты территорий, U.S. opponents – противники США, a precinct worker – сотрудница избирательного округа, the Assad regime – режим Асада, al-Qaeda terrorists – террористы «Аль-Каиды»;

3) **существительным с предлогом:** exit visas – визы на выезд, travel bans – запрет на выезд, Washington's

task – задача для Вашингтона, *U.S. credibility contingent* – доверие мира к США, *NATO membership* – членство в НАТО, *refugee crisis* – кризис с беженцами, *policy change* – изменение в политике, *Putin's policy shift* – перемены в политике Путина, *arms-control and human-rights talks* – переговоры по контролю вооружений и правам человека, *the war talk* – разговоры о войне, *the EU association agreement* – соглашения об ассоциации с ЕС, *a devolution agreement* – соглашение об ограниченной автономии, *Putin's Ukraine U-turn* – резкий разворот Путина на Украине, *democracy test* – проверка на демократию, *election monitors* – наблюдатели за выборами, *a telephone interview* – интервью по телефону, *election information* – информация о выборах, *sanctions resolutions* – резолюции о санкциях, *wage agreements* – соглашения о зарплатах;

4) **посредством новых слов (прием добавления):** *NATO meetings* – встречи представителей НАТО. Слово *представитель* введено в словосочетание для сохранения норм русского языка, поскольку словосочетание *встречи НАТО* не является самодостаточным в отличие от английского словосочетания. Перевод атрибутивного словосочетания *a devolution agreement* – *соглашение об ограниченной автономии* создан переводчиком, исходя из контекста всей статьи, в то время как словари фиксируют другой эквивалент данного словосочетания в русском языке – *соглашение о передаче (власти, обязанностей)*.

Нередко двучленная английская конструкция имеет соответствие в языке перевода, состоящее из совершенно других компонентов (*basket cases* – *кто-л. или что-л., находящееся в плачевном, изношенном состоянии; слабый, немощный человек, испытывающий финансовые затруднения*, *a ballot box* – *урна для голосования*, *wait-and-see policy* – *выжидательная политика*) или вообще переводится одним словом (*conspiracy theories* – *конспирология*, *air power* – *авиация*). Следовательно, трансформации в переводе атрибутивных словосочетаний применяются только при рассмотрении контекстуально зависимых явлений.

В следующих предложениях переводчик создал свой переводческий эквивалент словосочетанию *basket case*, опираясь на эквивалент, предложенный в словаре и контекст общественно-политической статьи:

1) **basket cases** – экономики на грани краха (смысловое развитие):

*This unfortunate outcome would likely yield two **basket cases** in Eastern Europe: Ukraine, because of destructive Russian actions, and Russia itself.*

При таком злополучном исходе в Восточной Европе могут появиться две экономики на грани краха: украинская из-за деструктивных действий России, и собственно российская [4].

2) **basket case** – немощная страна (смысловое развитие):

*If he triumphs in Ukraine, turning it into a **basket case** that eventually comes begging to Moscow, he will look like a winner.*

Если он одержит верх на Украине и превратит ее в немощную страну, выпрашивающую помощь у Москвы, то он будет выглядеть победителем [5].

3) **basket case** – безнадежно больной (смысловое развитие):

*For a decade and more after the collapse of the Soviet Union, the newly independent republic of Moldova was widely regarded in the West as a **basket case**.*

На протяжении десяти с лишним лет после распада Советского Союза Запад считал обретшую независимость Молдавию безнадежным больным [6].

Очевидно, что переводчик при передаче атрибутивных конструкций не ограничивается такими трансформациями, как замена, опущение, добавление, перестановка компонентов, наряду с ними широко употребляется смысловое развитие.

Вышеприведенные примеры свидетельствуют о том, что перевод – это творческий процесс, который не ограничивается нахождением словарных соответствий, наоборот, этот процесс требует от переводчика умения находить адекватные и эквивалентные замены словарным соответствиям, исходя из лингвистического и экстралингвистического контекста. Кроме того, необходимо учитывать и известное несовершенство двуязычного словаря, который может не охватывать полностью всех эквивалентных соответствий и в некоторых случаях дает мнимые эквиваленты там, где на деле существует несколько параллельных соответствий между словами разных языков.

1. Ханаху Д. Р. Атрибутивные словосочетания в русском и английском языках (сопоставительно-типологический анализ): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Майкоп, 2007. URL: <http://www.cheloveknauka.com/atributivnye-slovosochetaniya-v-russkom-i-angliyskom-yazykah#ixzz382h8iVJB> (дата обращения 06.09.2014).

2. Мисуно Е. А. Перевод с английского языка на русский язык: практикум: учеб. пособие. Минск: Аверсэв, 2009. 255 с.

3. Слепович В. С. Курс перевода (английский – русский язык). Translation Course (English – Russian). 3-е изд., доп. Минск: Тетра-Системс, 2003. 320 с.

4. Бжезинский З. Три альтернативы для Путина по Украине // [inosmi.ru](http://www.inosmi.ru/russia/20140709/221550118.html). URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20140709/221550118.html> (дата обращения 09.07.2014).

5. Закария Ф. Возвышение путинизма // [inosmi.ru](http://www.inosmi.ru/russia/20140801/222088553.html). URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20140801/222088553.html> (дата обращения: 01.08.2014).

6. Россия давит на бывшие советские республики, пытаясь вовлечь их в свой экономический союз // [inosmi.ru](http://www.inosmi.ru/russia/20130930/213424075.html). URL: <http://www.inosmi.ru/russia/20130930/213424075.html> (дата обращения 30.09.2014).

ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ЯЗЫКА НАЧАЛА XXI ВЕКА

Статья посвящена изучению лексических заимствований, наиболее актуальных в русском языке последнего десятилетия. В ней выделяются признаки лексико-семантической освоенности иноязычных слов и раскрываются особенности процесса заимствования интернациональной лексики на примере языка СМИ российской и казахстанской прессы.

Ключевые слова: заимствованные слова, адаптация иноязычных слов, язык СМИ.

INTERNATIONALIZATION OF LEXIS OF THE RUSSIAN LITERARY LANGUAGE OF THE BEGINNING OF THE XXI CENTURY

This research is devoted to the study of lexical loans, the most relevant in modern Russian of the last decade. The characteristics of lexical-semantic familiarity of the foreign language words are pointed out and the features of process of international vocabulary borrowing at the example of the mass media language of the Russian and Kazakhstan press are disclosed in the article.

Keywords: loanwords, adaptation of foreign words, mass media language.

Нет ни одного языка на земле, в котором словарный состав ограничивался бы только своими исконными словами. В каждом языке имеются и слова заимствованные, иноязычные. В настоящее время в русском языке наблюдается активный процесс заимствования иностранной лексики (преимущественно американизмов), который можно отнести к процессу глобализации. Глобализационные процессы, происходящие в настоящее время в мире, объективны и неизбежны, а лексические заимствования являются их неотъемлемой частью.

Наибольший наплыв иноязычных заимствований ощущается обычно в периоды бурных социальных, культурных и научно-технических преобразований. Такими были татаро-монгольское иго, период христианизации Руси, время петровских преобразований, богатое революциями начало XX века. Подобный же революционный период начался на постсоветском пространстве примерно в 1987 г. и длится по сей день. Русский литературный язык, особенно в последние десятилетия (начиная примерно с 1991 г. – года распада Советского Союза), ощущает небывалый наплыв новых слов, в основном американизмов и англицизмов. Наиболее ярко процесс вестернизации русского языка проявляется в языке средств массовой информации (далее – СМИ). Благодаря использованию СМИ, прежде всего электронных, данная коммуникативная сфера во второй половине столетия заняла главенствующее положение в системе этнической коммуникации, оказывая влияние на формирование стереотипов публичного речевого поведения.

Узус СМИ представляет собой весьма динамичный объект исследования. СМИ можно назвать лабораторией языка в том смысле, что они, будучи обращенными к самым широким социальным слоям общества, «вводят» новое в сложившееся языковое сознание коллектива, вызывая определенную реакцию носителей языка, связанную с социальными, этнокультурными, психологическими факторами, и тем самым активизируя через носителей языка регулирующие механизмы самого языка

в соответствии с речевыми приоритетами определенного времени. Кроме того, СМИ «транслируют» в вербальном выражении идеи, взгляды, позиции так называемых публичных людей: политиков, представителей власти, экономистов и др. Литературный язык, носителями которого являются образованные слои общества, воспринимается общественным сознанием как образец. Таким образом, публичные языковые личности становятся адептами новых явлений (в частности, в области словоупотребления) и способствуют проникновению их в речь социума [1]. Так, в Республике Казахстан новые слова часто появляются в знаковых выступлениях Президента, которые определяют стратегию развития страны. Например, «*Диверсификация* системы переквалификации и образования будет реально осуществляться за счет сотрудничества этих международных научных центров с местными академическими центрами и организациями»; «Казахстан сможет в этом случае участвовать и даже лидировать в *синдицировании* экспортных кредитов для больших международных проектов» [2].

Если говорить о сферах человеческой деятельности, то наиболее коренной перестройке в последнее десятилетие подверглись экономика и политика, поэтому именно соответствующие данным сферам деятельности слои языка испытали наибольший наплыв иноязычных заимствований. Например, в Республике Казахстан сложный, многогранный и в то же время очень интересный механизм заимствования, освоения, а порой и изменения иностранных слов «запустил» процесс перехода к рыночной экономике.

Помимо заимствований, необходимых для номинации новых реалий как в русский, так и в казахский язык, проникают слова, стремящиеся стать синонимами уже существующим в языке – «своим» – единицам. Именно в этой сфере проявляют себя регулирующие силы языка: если «чужое» слово не находит в языке своей «ниши», т. е. не становится синонимом по отношению к «своему» слову, и функционирование таких заимствований лишено

целесообразности, то язык рано или поздно освобождается от него. Однако достаточное количество иноязычных слов-синонимов остается в языке, так как они либо сужают понятие, называемое «своим» словом (ср. *протест – демарш, конфессия – вероисповедание* и т. п.), либо при тождестве значения вносят в речь элемент изысканности (*толерантность – терпимость, реноме – репутация, нонсенс – вздор* и т. п.). Вообще, дозированное и уместное использование в речи иноязычных слов – признак образованности и хорошего владения литературным языком. Анализ текстов СМИ последних лет показал, что в российской прессе тенденция чрезмерного употребления модных заимствований, отражающая фетишизацию американского образа жизни, явно пошла на убыль по сравнению с началом 1990-х гг. [1]. Напротив, мы обнаружили, что в казахстанской прессе нарастает тенденция активного, порою даже чрезмерного употребления иноязычных слов в периодических изданиях в последние 5 лет.

Нами были проанализированы иноязычные слова в языке СМИ: региональных (казахстанских) периодических изданиях («Рудный Алтай», «Деловой Усть-Каменогорск», «Устинка плюс», «АиФ Казахстан», «Караван») и российских («АиФ», «Известия») за последние десять лет (2004–2014 гг.). Всего выявлено 324 лексических единицы, из них 176 единиц в казахстанских изданиях, 148 – в российских.

Наиболее употребительны в казахстанской (региональной) прессе следующие иноязычные слова: *менталитет, конъюнктура, конфессия, консенсус, консалтинг, компетентный, брифинг, электорат, пиар, лоббировать, форум, мониторинг* и др. В российской прессе наиболее употребительны слова: *конфронтация, пиар, менталитет, мониторинг, конъюнктура, истэбл-лишмент, консенсус, консалтинг, компетентность, дефолт, брифинг, лоббировать* и др.

Малоупотребительными как в казахстанской, так и в российской прессе являются такие слова, как *верификация, демарш, деноминация, дефолт, импичмент, инсинуация, инспирировать, карт-бланш, форс-мажор, кворум, кондоминиум, плагиат, пенитенциарный* и др. Мы считаем, что это обусловлено неактуальностью этих слов на данном этапе развития политики, экономики Казахстана, России.

Наибольшее количество проанализированных нами заимствованных слов приходится, как и предполагалось, на общественно-политическую (*брифинг, демагогия, демарш, депортация, диссидент, импичмент, инаугурация, конфессия* и др.) и экономическую (*верификация, демпинг, деноминация, инжиниринг, консалтинг, ноу-хау, пул, роялти, хай-тек* и др.) сферы деятельности человека.

В изменившихся (ставших более благоприятными) условиях введения заимствованных слов в русскую речь особого внимания заслуживает процесс их последующей адаптации к новой языковой среде. Очевидно, что увеличение процесса заимствования способно влиять на само представление об их освоении: требования к включению

иноязычного слова в узус русского языка становятся в этих условиях менее жесткими.

Фонетическое освоение касается в основном произношения звука [э]: по законам русского языка звук [э] произносится только после мягких согласных – произнесение [э] после твердых согласных обнаруживает иноязычное происхождение слова. Таким образом, освоенными оказываются, например, слова *кон[ф'э]ссия, [д'э]номинация, [д'э]портация, ком[п'э]тентный* и др. В этом плане фонетически недоосвоенными можно считать слова *[дэ]фолт, [дэ]мпинг, кон[сэ]нсус, хай-[тэ]к, б[рэ]нд, [лэ]йбл* и др. Второе проявление фонетического освоения слова – редукция (ослабление) гласных в безударных слогах: *к[ʌ]нсенсус, к[ʌ]нсалтинг, [кʏнфʌ]рмизм* и др.

Если говорить о грамматическом освоении иноязычных слов, то здесь действует такая закономерность: если иноязычное слово-существительное оканчивается на согласный, то оно подчиняется грамматической системе русского языка, т. е. осваивается и склоняется, например, слова *пиар, бренд, лейбл* и др., в других случаях слово остается неизменяемым: *ноу-хау, реноме, роялти* (земельная рента), *публицити* (популярность).

Наиболее сложным для установления степени освоенности иноязычного слова является лексико-семантический аспект.

Мы сделали попытку обозначить показатели степени лексико-семантической освоенности заимствований, из которых выделяем 4 показателя: 1) употребительность слова в языке-реципиенте; 2) возникновение дериватов у слова; 3) обрастание слова лексико-семантическими вариантами (производными значениями); 4) изменение на новой почве значения заимствованного слова в направлении от специального употребления в сторону общего языка, выход слова из узкой сферы употребления в более широкую со сдвигом в значении. Проиллюстрируем эти 4 показателя (признака).

Распространенность (широкая употребительность) как показатель высокой степени освоения заимствованного слова в современном русском языке демонстрирует такие недавно заимствованные слова, как *пиар, дефолт, конфессия, менеджмент, менеджер, маркетинг, инаугурация, электорат* и др. Эти слова с высокой степенью регулярности появляются на страницах периодической печати, в телевизионных передачах и на сайтах Интернета.

Примером, относящимся ко второму показателю лексико-семантической освоенности (возникновение дериватов у слова), является употребление слова *пиар* – PR (Public Relations – связи с общественностью). В английском языке – это аббревиатура PR, которая заимствована на русский язык как слово. Характерно, что, несмотря на недавнее появление слова *пиар* в русском языке, оно имеет сегодня большое количество дериватов, которые переходят из разряда заимствованных слов в ряд исконно русских слов, образованных по русским словообразовательным моделям. Процесс освоения этого слова происходит буквально на глазах. С одной стороны, существует слово *пиар*, которое дает дериваты (*пиарация,*

пиарщик, пиаризация, пиарить пиаровский), например: «Но отсутствие пиара – признак «каменного века» // Деловой Усть-Каменогорск. 2003; «Хорошо знать механизм коммуникации и уметь им пользоваться – одна из задач пиарщиков» // Деловой Усть-Каменогорск. 2013; «В пиаровской работе средства массовой информации незаменимы (создание позитивного имиджа, общение с публикой)» // Деловой Усть-Каменогорск. 2008.

С другой стороны, этот звуковой комплекс – *пиар* – функционирует в русском языке в своем первоначальном виде иноязычной аббревиатуры PR и образует сложные слова (*PR-компания, PR-обращение, PR-технология, PR-директор* и т. д.), т. е. в таком виде является графически неосвоенным, например: «Многие заставляют себя заниматься PR только потому, что это просто становится модным» // Деловой Усть-Каменогорск. 2014; «В программу семинара входят также 2 тренинга по PR-технологиям» // Рудный Алтай. 2012; «PR-компания, устроенная оппозиционерами, и впечатляет, и удивляет одновременно» // Караван. 2013.

Образование сложных слов с графически неосвоенным первым элементом (типа варваризма) можно считать новым явлением в процессе заимствования.

Третий вариант – это использование словосочетания Public Relations в латинской и русской графике, например: «Один из самых важных компонентов Паблик Рилейшнз – это коммуникация (обмен информацией между двумя или более людьми)» // Деловой Усть-Каменогорск. 2003.

Примерами, иллюстрирующими третий признак лексико-семантической освоенности иноязычных слов (появление у слов лексико-семантических вариантов), является, например, слово *инаугурация* (прямое значение: «процедура торжественного вступления в должность высшего должностного лица»), которое в журнале «Деловой Усть-Каменогорск» (2011 г.) было употреблено в окказиональном переносном значении «торжественное представление, презентация чего-либо»: «XXI век, пройдя пышный процесс инаугурации и полностью вступив в свои права, диктует новые требования к цивилизованному функционированию и предпринимательской деятельности».

Буквально ворвалось в русский язык слово *дефолт* (отказ государства от уплаты внешних и внутренних долгов, объявление о банкротстве) в 1998 г. (оно употреблялось и до этого момента, однако только в узкоспециальной сфере в качестве термина – общий язык его не знал). В настоящее время слово *дефолт* настолько часто употребляется, что уже приобрело переносное пока окказиональное значение: *дефолт* – недоверие по отношению к власти имущим, например: «Самая главная проблема нашего дефолта – это дефолт, который объявлен наши-

ми людьми, нашим населением, нашим народом нашему правительству» // АиФ. 2009.

Примером, служащим иллюстрацией четвертого признака лексико-семантической освоенности слов (т. е. изменения на новой почве значения заимствованного слова в сторону его расширения с возможной сменой коннотации), может быть слово *лоббизм* от английского *лобби* и производные *лоббировать, лоббирование, лоббист*. В настоящее время сфера употребления данного слова значительно расширилась, в связи с чем слово приобрело новое значение, потеряв при этом отрицательную коннотацию. Сейчас слово *лоббировать* означает «оказывать давление на законодателей, правительство, госчиновников для отстаивания чьих-либо интересов». Наряду с этим значением появляются новые смысловые оттенки слова «лоббировать», например: «продвигать какие-то проекты, технологии, заказы; защищать чьи-либо интересы». И эти новые оттенки значения уже не связаны только лишь со сферой законодательства, с политикой, они имеют отношение ко многим сферам жизнедеятельности человека. Например: «На сегодняшний день Министерство культуры – единственный профессиональный лоббист интересов культуры, лоббист душевного и духовного развития нации» // Аргументы и факты. 2013; (здесь лоббист = защитник); «Можем ли мы сейчас говорить о лоббировании государством отечественных компаний» // АиФ. Казахстан. 2004; (здесь лоббирование = шефство).

Итак, за последние десятилетия наблюдается ярко выраженная тенденция стремительного проникновения элементов западной культуры во многие сферы жизни людей, проживающих на постсоветском пространстве: экономику, социальную сферу, культуру, спорт, быт, повседневную жизнь человека – идет процесс глобализации. Многие заимствованные слова быстро становятся общепотребительными, другие в силу своего узкого, специфического значения не получают всеобщего распространения и закрепляются только в отдельных сферах человеческой деятельности.

1. Чайковская Н. Н., Осенмук Л. П., Данилович С. Г. О некоторых тенденциях развития современного русского литературного языка в зеркале языка СМИ. Усть-Каменогорск: Изд-во ВКГУ, 2003. 110 с.

2. Назарбаев Н. А. Стратегия вхождения Казахстана в число 50 наиболее конкурентоспособных стран мира. URL: <http://www.adilet.zan.kz/rus/docs/K060002006> (дата обращения 25.11.2014).

© Дронсейка Р. П., 2015

**ФРЕЙМ «ДИАГНОЗ»
В МЕТАФОРИЧЕСКОМ СЦЕНАРИИ
«ОМСК – БОЛЬНОЙ ОРГАНИЗМ»
(НА МАТЕРИАЛЕ ОМСКОЙ РУБРИКИ
«ДИАГНОЗ НЕДЕЛИ» САЙТА БК55)**

В статье осуществляется анализ материалов рубрики «Диагноз недели» омского политически-информационного сайта «БК55». Автором систематизированы способы реализации сценария метафорической модели «Омск – больной организм», выделен постоянный набор структурных элементов данной модели и описаны прагматические смыслы, реализуемые метафорами фрейма «диагноз».

Ключевые слова: метафора, метафорическая модель, фрейм, сценарий.

**FRAME “DIAGNOSIS” IN A METAPHORICAL
SCENARIO “OMSK IS AN ILL ORGANISM”
(BASED ON THE MATERIAL OF THE OMSK
COLUMN “DIAGNOSIS OF THE WEEK”
OF THE WEBSITE BK55)**

This article analyzes the material of the column «Diagnosis of the Week» of the Omsk Political Information website BK55. The author systematized ways to implement the metaphorical model «Omsk is an ill organism». The permanent set of structural elements of the model is pointed out and the pragmatic meanings realized by the metaphors of the frame «Diagnosis» are described.

Keywords: metaphor, metaphorical model, frame, script.

Язык современной прессы повышенно метафоричен. Как известно, метафора – это не только прием изображения мира, это способ мышления, способ восприятия мира. Метафора социальна, она показывает, как картина мира отражается в общественном сознании. И именно этот аспект изучения метафоры может показать влияние общественно-политических изменений на семантические процессы, поскольку очевидно, что сама по себе метафоризация как семантический процесс не зависит от социально-политического устройства общества, от идеологии и т. д.

В последнее десятилетие особенно заметна активизация в прессе политической метафоры «Россия – больной организм» (подробный анализ см. [1; 2]). Включение в поле политики едва ли не всех тематических групп лексики из поля болезни создает своеобразную картину отражения в общественном сознании жизни современного общества. Следует отметить, что чаще в языке СМИ Россия предстает как больной, умирающий организм, на выздоровление которого читателям дается лишь слабая надежда.

Причины активизации метафорических моделей в том или ином обществе можно назвать, опираясь на слова С. Ульманна [3, с. 253], который отметил, что источниками метафорической экспансии и метафорического притяжения всегда служат семантические сферы, вызывающие особое внимание в народном сознании. При этом метафора не ограничивается одной лишь сферой языка, т. е. сферой слов: сами процессы мышления человека в значительной степени метафоричны [4, с. 387–415].

Распространённым в современной лингвистике является дискурсивный подход к изучению метафоры (Н. Д. Арутюнова, А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов, Е. С. Кубрякова и др.), позволяющий охарактеризовать метафорические модели во взаимосвязи с условиями их возникновения и функционирования, с учетом авторских

интенций и прагматических характеристик, на широком социально-политическом фоне.

Метафорическая модель – это существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: «X – это Y». Отношение между компонентами формулы понимается не как прямое отождествление, а как подобие: «X подобен Y». В соответствии с названной формулой система фреймов (слотов, концептов) одной ментальной сферы (сферы-источника) служит основой для моделирования ментальной системы другой сферы (сферы-магнита). При таком моделировании в сфере-магните обычно сохраняется не только структура исходной области, но и эмотивный потенциал, характерный для концептов сферы-источника, что создает широкие возможности воздействия на эмоционально-волевую сферу адресата в процессе коммуникативной деятельности.

Объектом анализа в настоящей статье является метафорическая модель, возникшая на основе уподобления явлений политической жизни России различным заболеваниям, которые могут быть выявлены в случае правильно поставленного диагноза и вылечены при условии соблюдения рекомендаций врача. Материалом для исследования послужили тексты рубрики «Диагноз недели» омского политически-информационного сайта «БК55». Если в российской прессе в целом частотно обращение к метафоре «Россия – больной организм», то региональная омская пресса таковым видит областной центр. Рубрика «Диагноз недели» представляется нам интересной прежде всего потому, что в ее основе лежит не сама метафорическая модель как таковая, а ее сценарий.

А. П. Чудинов сравнивает сценарий метафорической модели с последовательностью кадров на киноплёнке, фрейм с отдельным кадром, а слот – с его частью. Сце-

нарий же сравнивается не с конкретным фильмом, а с типовым содержанием фильмов определенного жанра [2]. Таким образом, сценарий отражает наиболее характерные для исходной понятийной сферы последовательности ситуаций: например, сценарий болезни – объявление диагноза, выявление причины и возбудителя болезни, лечение с использованием лекарственных средств, возможность выздоровления или смерти больного и т. п. Фрейм же понимается как фрагмент наивной языковой картины мира, структурирующий соответствующую понятийную область (концептуальную сферу); такими фреймами, в частности, являются названные выше составляющие сценариев болезни. По определению В. З. Демьянкова, фрейм – «это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия... Фрейм организует наше понимание мира в целом... Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» [5].

Анализируя материалы рубрики, мы сможем систематизировать способы реализации сценария метафорической модели «Омск – больной организм», обозначив таким образом те явления политической жизни города, которые воспринимаются его жителями как проблемные – «больные».

Рубрика строится на основе метафорического сценария с постоянным набором структурных элементов, которые несут в себе определенные прагматические смыслы:

- метафорическое название сценариев, в котором уже угадывается то, о чем пойдет речь («говорящее»);
- пациент. В рассмотренных текстах Омск в целом, его экономика, политические структуры, законодательство, отрасли хозяйства и иные составляющие часто метафорически обозначаются как *больной* и *пациент*;
- жалобы. Описывается реальное положение дел;
- диагноз. При анализе метафорических образцов оказывается, что политической системе, органам власти, экономике, культуре, промышленности и сельскому хозяйству региона постоянно приписываются разнообразные болезни; особенно часто Омск страдает от таких заболеваний, как *шизофрения*, *паранойя*, *самовнушение*, *плоскостопие* и др. Распространенность некоторых болезней грозит *эпидемией*;
- история болезни. Описывается реальная ситуация, предшествующая болезни.
- метод лечения. Прагматические смыслы данного элемента призваны вызвать у читателей эмоциональное представление о необходимости решительной борьбы с болезнями общества, о разнообразии потенциальных лекарств и путей излечения.

Как мы уже сказали, каждый сценарий рубрики состоит из одинакового набора структурных элементов. Это универсальный набор, так как любую проблемную ситуацию в городе, любой конфликт можно описать с его помощью. Но, на наш взгляд, это некоторым образом сужает представление читателя о происходящем в Омске. В рубрике можно было бы использовать разнообразные

компоненты («медицинский персонал», «симптомы болезни», «состояние пациента» и др.), которые, по нашему мнению, значительно расширили бы «панораму болезни общества».

Проанализируем несколько текстов.

«Магнит» – сеть в себе [6]

Пациент: *неизвестный руководитель сети «Магнит» в Омске.*

Жалобы: *у ЗАО «Тандер», владеющего сетью «Магнит», сложные взаимоотношения с местными производителями и властями. Точнее, практически полное их отсутствие. На фоне разговоров об импортозамещении товаров из Европы руководство страны поручило регионам взять курс на работу с местными производителями, которые вполне могут обеспечить товарами пустующие полки супермаркетов. Однако глава регионального минэкономки Александр Третьяков сообщил губернатору, что крупнейшая торговая сеть не идет на контакт не только с производителями, но даже и с властью. А широкой общественности неизвестно даже имя регионального директора.*

Диагноз: *агорафобия.*

История болезни: *федеральная сеть «Магнит» зашла в Омск довольно агрессивно и быстро стала крупнейшей на рынке розничного ритейла. При этом руководство ее держится настолько независимо – если не сказать замкнуто, – что диалог с ним не могут наладить не только местные производители, но и руководство региона. Рядовой покупатель едва ли встретит имя директора омского филиала Евгения Разумова в омских СМИ, застенчивый руководитель не делает заявлений и не дает комментариев. В относительно небольшом городе жители быстро привыкают, что «Победа» – это Шадрин, «НоваТор» – это Пономарев, а, к примеру, «МЕГА» – это Себастьян Фрете (его преемник Сергей Аристархов еще не примелькался, но его имя и лицо хотя бы известны). И вроде можно бы сослаться на масштаб сети, мол, недосуг федеральной корпорации перед каждым покупателем раскланиваться. Но перед глазами есть пример международной IKEA, которая портреты каждого нового директора с приветственным словом вывешивает в магазине. Поэтому нежелание представителей ЗАО «Тандер» общаться с кем бы то ни было мы можем списать разве что на боязнь публичности и открытых пространств, которую психологи именуют агорафобией.*

Метод лечения: *специалисты рекомендуют для лечения этого расстройства использовать методы психотерапии, а не медикаментозное лечение. По поручению губернатора роль психотерапевта попытается выполнить Александр Третьяков, министр экономики, который до конца этой недели должен доложить главе региона, какие механизмы работы с капризным ритейлером возможно применить в области.*

Кратко опишем данный сценарий.

Медицинский персонал: Александр Третьяков.

Пациент: неизвестный руководитель сети «Магнит» в Омске.

Болезнь: агорафобия.

Причина болезни: боязнь общения с кем бы то ни было.

Приемы лечения: психотерапия.

При помощи метафорической модели в данном сценарии передается следующая информация: министр экономики Омска, подобно врачу-психотерапевту, должен наладить диалог крупнейшей сети «МАГНИТ» с местным руководством. Известные торговые марки («ПОБЕДА», «ИКЕА», «СИБИРИАДА») рады представить покупателям своих директоров, которые являются лицом компании. И нынешняя омская власть понимает, что директора торговой марки «МАГНИТ» тоже нужно «познакомить» с общественностью и властью, но не без помощи психотерапевта.

Приведенный выше сценарий представляет ситуацию психической болезни. Прагматические смыслы, реализуемые метафорами этой группы, можно сформулировать следующим образом: в городе складываются сложные отношения ЗАО «Тендер» с местными властями и торговыми представителями, а владелец торговой сети «МАГНИТ» – это душевно больной, от которого нельзя ожидать разумных действий. Показательно, что для описания данного сценария, помимо стандартного набора структурных элементов (больной – болезнь – симптомы болезни – причина болезни – приемы лечения), нами использован элемент «медицинский персонал», который также упоминается в тексте. Тем самым дается надежда на выздоровление больного усилиями психотерапевта.

Следующий пример нам кажется не менее интересным.

Лечение пустотой [7]

Пациент: Вячеслав Двораковский, мэр Омска.

Жалобы: на прошлой неделе депутат Горсовета Валерий Кокорин высказал мысль, что недурно бы ввести в мэрии еще одну штатную единицу – первого зама мэра по доходам. Тогда, мол, и с доходами бюджета все наконец-то наладится. За эту идею с энтузиазмом ухватился мэр Вячеслав Двораковский и, вопреки общественному недоумению, подтвердил, что вскоре у него появится второй «вице».

Диагноз: самовнушение.

История болезни: в конце 2013 года мэрию потрясли кадровые междуусобицы. Вячеслав Двораковский запросил у депутатов разрешение на второго первого зама в своем аппарате – вдобавок к тогдашнему вице-мэру Александру Турко он хотел взять в команду Александра Поповцева, «налоговика» со стажем. В своей аргументации мэр особенно упирал на налоговый опыт кандидата, недвусмысленно намекая, что уж он-то сумеет увеличить налоговую базу тщедушного омского бюджета. Депутатов эти резоны не тронули, вторую ставку вице-мэра они не одобрили. Тогда Вячеслав Двораковский освободил от должности вице-мэра Турко и взял на его место Поповцева. Он должен был курировать департамент экономической политики и подготовку Омска к празднованию 300-летия. После этого в отставку «по собственному» ушел директор этого департамента Павел Кручинский, в ведении которого

эти вопросы были до кадровой рокировки. До сих пор новое назначение не слишком сказалось на доходах бюджета – так, согласно отчету директора департамента финансов Инны Парыгиной, поступления земельного налога в первом квартале 2014 года оказались на 62 млн ниже уровня соответствующего периода 2013 года. В качестве лекарства для омского бюджета Вячеслав Двораковский снова решил использовать кадровое назначение. Правда, предыдущий опыт мэрии показывает, что рассчитывать приходится разве что на эффект плацебо. Но и он имеет силу, только когда пациент не подозревает, что принимает вместо реальных медикаментов «пустышку». А судя по мнениям депутатов и бизнесменов (см. «БК» № 19 от 21.05.2014), в волшебную финансовую силу дополнительного вице-мэра не верит почти никто.

Метод лечения: еще советский минздрав не успевал предупреждать, что самолечение может быть смертельно опасно для здоровья. В случае с типичной болезнью российских регионов – бюджетной недостаточностью – оно может спровоцировать усугубление. Специалисты находят аутотренинг неэффективным и рекомендуют заняться тренировкой и усилением нагрузки на различные части тела (администрации).

Опишем данный сценарий.

Больной: Вячеслав Двораковский, мэр Омска.

Болезнь: самовнушение.

Причина болезни: кадровые междуусобицы.

Симптомы болезни: частая смена депутатов на должности вице-мэра.

Лекарство: кадровое назначение.

Результат применения лекарства: эффект плацебо.

Метод лечения: самолечение (лечение пустотой).

Прогноз состояния больного: смертельная опасность для здоровья.

Рекомендации специалистов: заняться тренировкой и усилением нагрузки на различные части тела (администрации).

Интерпретация метафорической модели в данном контексте: Вячеслав Двораковский запросил у депутатов разрешение на второго первого зама в своем аппарате. Политик стал перестраивать мэрию кадровыми назначениями для того, чтобы увеличить налоговую базу «тщедушного» омского бюджета. Результаты этих преобразований мы наблюдаем сейчас: до сих пор новое назначение не слишком сказалось на доходах бюджета. Предыдущий опыт мэрии также показывает, что рассчитывать приходится разве что на эффект плацебо. Но и он имеет силу, только когда пациент не подозревает, что принимает вместо реальных медикаментов «пустышку».

Состояние «больного» (Вячеслава Двораковского и экономики Омска в целом) метафорически описывается в рассматриваемом тексте как близкое к гибели, требующее немедленной тренировки и усиления нагрузки на различные части тела администрации, а в лучшем случае как болезнь российских регионов – бюджетная недостаточность. Больной занимается самовнуше-

нием, при котором не в состоянии принимать разумные решения.

Для описания сценария «Лечение пустотой» нами использован самый большой набор структурных элементов: больной – болезнь – причина болезни – симптомы болезни – лекарство – результат применения лекарства – метод лечения – прогноз состояния больного – рекомендации специалистов. Формируемые рассматриваемым набором элементов типовые прагматические смыслы призваны вызвать у читателей эмоциональное представление о необходимости решительной борьбы с болезнью мэра, о разнообразии потенциальных лекарств и путей излечения.

Рассмотрим еще один пример.

Железный занавес [8]

Пациент: Виктор Лапухин, министр культуры Омской области.

На что жалуется: Омский драмтеатр решил не продлевать трудовой договор с одним из наиболее выдающихся местных режиссеров Анной Бабановой. Потерю интереса к сотрудничеству руководство учреждения объяснило изменением своих приоритетов – теперь театр будет искать «новые имена, новых людей». Перед «старыми именами» двери Драмы отныне, видимо, будут закрыты. Это при том, что вынужденная теперь уехать из Омска Бабанова, очевидно, была нужна театру больше, чем он ей, – талантливому режиссеру наверняка будет несложно найти сцену для творчества за пределами региона. Тогда как Омская драма, в последнее время неприятно удивившая многих своих зрителей хотя бы таким творением, как «Смерть не велосипед...», после ухода своего ведущего режиссера, по мнению редакции «БК», явно понесет потерю.

Диагноз: отторжение собственных тканей.

История болезни: этому заболеванию подвержена практически вся омская культурная сфера. Признаки болезни проявляются в стенах то одного учреждения, то другого, некоторые из них периодически оказываются охваченными эпидемией. А отдельных руководителей театров иногда и вовсе хочется посадить на карантин, чтобы они не смогли перезаразить всех в округе. Рецидивы болезни часто бывают в стенах Музыкального театра. Стоит, например, вспомнить скандальные увольнения местным директором Борисом Ротбергом молодого дирижера Михаила Гришевского или балетмейстера столичного уровня Надежды Калининой. Причиной для расставания в первом случае стала в том числе «неверная трактовка» исполняемых музыкантом произведений. Г-жа Калинина же была уволена лишь потому, что ее заявление на отпуск за свой счет таинственным образом исчезло, и ее отсутствие, во время которого она ставила балет в другом городе, г-н Ротберг расценил как прогулы... Талантливейшую солистку Омской филармонии Надежду Комарову чиновники из минкульты не смогли удержать в регионе, так как ей предложили более выгодные условия работы в Красноярском опер-

ном театре. И Надежда стала в родном городе лишь гостьей... Из-за личных конфликтов с директором «Галерки» Владимиром Витько меньше чем за год труппу покинуло почти 20 сотрудников, включая ведущих актеров – Татьяну Гридневу и Сергея Шokolова. Иногда в разгар болезни культурные руководители, словно в бреду, совершают и другие «шалости». Тот же г-н Ротберг, например, по непонятным причинам запрещает своей сотруднице – известной певице Ирине Трусовой – участвовать в совершенно безобидных съемках социальной рекламы. Хотя появление на снимках лица актрисы музтеатра лишь пошло бы на пользу учреждению.

Метод лечения: универсального способа лечения этого сложнейшего заболевания омской культуры нет. Кому-то из пациентов можно посоветовать посмотреть репертуар своего театра со зрительского места, чтобы понять, кто из режиссеров должен оставаться на сцене, а кого лучше отправить в регион подальше. Другим заболевшим нужно просто вспомнить, что главный в театре – вовсе не директор.

Опишем сценарий, реализованный в данном контексте.

Больной: Виктор Лапухин, министр культуры Омской области.

Болезнь: отторжение собственных тканей.

Причина болезни: эпидемия – массовые увольнения талантливых сотрудников омских театров.

Симптом болезни: решение омского драмтеатра не продлевать трудовой договор с одним из наиболее выдающихся местных режиссеров Анной Бабановой.

Метод лечения: универсального способа лечения этого сложнейшего заболевания омской культуры нет.

Рекомендации специалистов: кому-то из пациентов можно посоветовать посмотреть репертуар своего театра со зрительского места, чтобы понять, кто из режиссеров должен оставаться на сцене, а кого лучше отправить в регион подальше. Другим заболевшим нужно просто вспомнить, что главный в театре – вовсе не директор.

Интерпретация метафорической модели в данном контексте: вся омская культурная сфера оказалась «больным местом» города. Так показалось Виктору Лапухину, министру культуры Омской области. Признаки болезни проявляются в стенах то одного учреждения, то другого, некоторые из них периодически оказываются охваченными эпидемией. А отдельные руководители театров иногда способны перезаразить всех в округе. Рецидивы болезни часто бывают в стенах Музыкального театра. Однако никто не может найти волшебную таблетку от этой эпидемии. А ведь сначала нужно бы разобраться и лечить руководителей культурных учреждений Омска, а не внешние проявления болезни.

В данном случае культурная сфера Омска метафорически изображается как тело, единый организм, который нельзя разделять. А руководители омских театров намеренно «отторгают собственные ткани». Конкретного лекарства от данной болезни нет, но если прислушаться к мнению специалистов, то культурный пласт Омска еще можно спасти.

Как мы уже говорили выше, сценарии рубрики «Диагноз недели» строятся на одинаковых структурных элементах. Все рассматриваемые нами элементы объединяет общий признак: в первичном значении они используются в понятийном поле «Болезнь» (обозначают симптомы болезни, лекарства, медицинский персонал, пути лечения, выздоровление и т. п.), а метафорически обозначают социальную действительность современного города.

Мы увидели, что метафорическая модель болезни широко представлена в языке СМИ Омска, который входит в российский агитационно-политический дискурс и является составляющей метафорической модели «Россия – больной организм». Семантическое поле чрезвычайно многообразно, о чем свидетельствует большое количество структурных элементов в описании сценариев. Включение в поле политики едва ли не всех тематических групп лексики из поля болезни создает целостную картину отражения в общественном сознании жизни современного общества. Следует отметить, что чаще в языке рубрики «Диагноз недели» Омск и его политические фигуры предстают как **больной, умирающий организм**. В некоторых случаях рисуется картина возможного выздоровления больного общества или его отдельных составляющих.

Таким образом, можно сделать вывод, что интерпретация сценариев фрейма «диагноз» метафорической модели «Омск – больной организм» характеризуется открытостью, способностью ко все более детальному, не имеющему каких-либо границ развертыванию с использованием все новых и новых компонентов.

1. Афанасьева С. В. Особенности лексико-семантического поля «Болезнь» в политическом дискурсе // Лихачевские чтения 2014: декларация прав культуры Д. С. Лихачева и проблемы современного общества: наука, образование, культура, духовность: материалы I Междунар. науч.-практ. конф. / под ред. М. П. Нечаева. Чебоксары: Экспертно-метод. центр, 2014. С. 17–20.

2. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург: Гос. пед. ун-т, 2001. 238 с.

3. Ульманн С. Семантические универсалии // Новое в зарубежной лингвистике: сб. ст. / общ. ред. и вступ. ст. Б. А. Успенского. М.: Прогресс, 1970. С. 250–299.

4. Теория метафоры. М.: Прогресс, 1990. 512 с.

5. Демьянков В. З. Фрейм // Краткий словарь когнитивных терминов / Кубрякова Е. С., Демьянков В. З., Панкрац Ю. Г. и др.; под общей ред. Е. С. Кубряковой. М.: МГУ им. М. В. Ломоносова, 1996. С. 187–189.

6. Последние новости Омска и Омской области. URL: <http://bk55.ru/magazine/archive/2014/415/23908>

7. Последние новости Омска и Омской области. URL: <http://bk55.ru/magazine/archive/2014/399/23470>

8. Последние новости Омска и Омской области. URL: <http://bk55.ru/magazine/archive/2013/349/21565>

© Троян С. В., 2015

УДК 81'37

Т. В. Устинова
T. V. Ustinova

ТРАНСФОРМАЦИЯ АССОЦИАТИВНОГО ПОТЕНЦИАЛА СЛОВА В ПРОЦЕССЕ КОНСТРУИРОВАНИЯ ЗНАЧЕНИЯ ПОЭТИЧЕСКОГО КОНТЕКСТА

TRANSFORMATION OF THE ASSOCIATIVE POTENTIAL OF THE WORD IN THE POETIC CONTEXT MEANING CONSTRUCTION

В статье с позиций ассоциативной теории лингвистической креативности описаны особенности неконвенционального поэтического смыслообразования. Конструирование значения поэтического контекста читателем рассматривается как нарушение ассоциативных языковых стереотипов восприятия языковых единиц. На примере стихотворения Геннадия Айги «Любимое в августе» анализируются особенности трансформации ассоциативного потенциала слова в зонах внутрисловной, междусловной и контекстуальной ассоциативных связей.

Ключевые слова: конструирование значения, лингвокреативность, ассоциативный стереотип восприятия.

The paper analyzes non-conventional meaning construction in poetic discourse in the light of the 'associative' theory of linguistic creativity. The process of meaning construction by the reader of the poem is regarded as deviating the associative stereotypes of linguistic units reception. The case of the poem by the Russian poet Gennady Aigi is analyzed in terms of associative potential transformations involving shifts in the semantic structure of the word, modifications in semantic compositionality of the words and the total contextual relationship.

Keywords: meaning construction, linguistic creativity, associative stereotype of reception.

Исследование лингвистической природы поэтического смыслообразования остается актуальной задачей совре-

менной лингвистики. Ключевая проблема содержательности формы стихотворной речи, традиционно находяща-

яся в фокусе внимания специалистов по лингвистической поэтике и стилистике [1; 2; 3] в последнее время получает новые направления исследования с позиций когнитивно-дискурсивного подхода [4; 5].

Лингвопоэтический подход к анализу авангардной поэзии, основы которого были заложены представителями формальной школы и развиты представителями семиотической школы, требует принять во внимание следующие особенности поэтической семантики:

1) специфику «поэтической функции языка», проецирующей принцип эквивалентности «с оси селекции на ось комбинации» [1, с. 204];

2) специфику «поэтической конструкции», образованной деформацией «материала», приемами «остранения», «затрудненной формы» и «расширенного смотрения» [6; 7];

3) «тесноту стихового ряда» [2, с. 66–76]: перегруппировку синтактико-семантических связей, приводящую к смысловому выдвиганию слова и появлению новых значений [2; 8];

4) семантизацию звукового уровня поэтического текста [9, с. 419];

5) повышенную информативность поэтического текста [3].

Обобщенно все эти особенности можно охарактеризовать, используя тезис Ю. М. Лотмана: «Любые элементы, являющиеся в языке формальными, могут приобретать в языке семантический характер, получая дополнительные значения» [3, с. 47].

В когнитивной поэтике феномен смысловой деформации языкового материала в поэзии интерпретируется как специфическая когнитивная «переработка существующих семантических конструкций» [5, р. 118], которую следует анализировать в терминах теории концептуальной интеграции, описывая построение значения как динамический процесс модификации ментальных пространств, их «смешения» и сетевого взаимодействия [5; 10]. Анализируя процесс конструирования значения как факт мышления читателя стихотворения, специалисты по когнитивной поэтике обращаются также к проблемам «отсроченной» категоризации [4] и индивидуальной концептуализации [11]. В своих работах [12; 13] мы рассматриваем современную авангардную поэзию как случай неконвенционального языкового смыслообразования и анализируем специфику ментального конструирования в сознании читателя, инициированного творчески преобразованными поэтом языковыми формами. Очевидной общей предпосылкой разнонаправленных лингвокогнитивных исследований поэтической семантики является идея о семантической эмерджентности, возникающей в процессе композиции элементов когнитивных конструкторов, заданных творческим использованием языковых единиц.

Таким образом, научный анализ неконвенционального смыслообразования в процессе порождения и восприятия стихотворной речи требует учета фактора специфической модифицированности поэтической семантики – смысловой актуализации («динамизации») и пересемантизации («приращения смыслов») поэтического слова. Мы счита-

ем, что, учитывая особую интенциональность дискурсивной деятельности поэта и читателя, упомянутые выше лингвопоэтические и лингвокогнитивные интерпретации поэтического смыслообразования необходимо дополнить рассмотрением аспектов лингвистической креативности языковой личности, производящей и воспринимающей сложные художественные смыслы. По нашему мнению, значимой теоретической платформой анализа неконвенционального поэтического смыслообразования может стать теория лингвокреативности уральской научной школы «Лингвистика креатива», основателем и идейным вдохновителем которой является Т. А. Гридина. Теория лингвокреативности как деканонизированного речевого поведения базируется на постулате о необходимости комплексного исследования речевого творчества в свете дихотомии «системное – асистемное (аномальное)» с учетом 1) прагматической установки адресата на деавтоматизацию знака; 2) операциональных процедур, позволяющих обеспечить прогноз речевого воздействия на адресанта; 3) специфики ассоциативной стратегии как многофакторной процедуры моделирования и дешифровки нестандартного кода интерпретации знака; 4) особенностей лингвистических механизмов реализации ассоциативной стратегии лингвокреативности при установке на деавтоматизацию знака [14, с. 13–33].

В соответствии с концепцией ассоциативной природы лингвокреативной деятельности человека, читательская рецепция творчески использованных поэтом языковых форм может быть описана как специфическая «переработка» конвенциональных формальных и смысловых аспектов языковых единиц [14, с. 63]. Авторская установка на многозначность и интерпретативную множественность стихотворения в свете ассоциативной теории лингвокреативности представляет собой случай моделирования ассоциативного контекста слова «с нарушением законов однозначной и стереотипной актуализации последнего в речи» [14, с. 14]. Чтение поэтического текста ставит перед читателем необходимость вслед за поэтом творчески преобразовывать форму и значение поэтического слова. Мы считаем, что в процессе конструирования значения воспринимаемого поэтического текста имеет место трансформация ассоциативного стереотипа слова, понимаемого как «совокупность формально-содержательных признаков слова, вызывающих его относительно постоянное и адекватное восприятие и употребление (совокупность стандартных, устойчивых, воспроизводимых ассоциативных реакций на слово), отражающих его значимость в системе и характер узуального употребления» [14, с. 64].

Применяя терминологию теории лингвокреативности, считаем возможным охарактеризовать конструирование значения в процессе рецепции поэтического текста как переход от ассоциативных языковых стереотипов восприятия языковой единицы к «ассоциативным речевым трансформам» [14, с. 63] ее восприятия, особо акцентируя в своем анализе такие аспекты ассоциативных трансформаций, как «неоднозначное отражение системы в сознании носителей языка» и «индивидуальную

системную организацию лексикона языковой личности» [14, с. 63].

Рассмотрим особенности трансформации ассоциативного потенциала в зонах 1) внутрисловной ассоциативной связи, 2) междусловной ассоциативной связи и 3) контекстуальной ассоциативной связи на примере конструирования значения стихотворения Геннадия Айги «Любимое в августе»:

*светом
страдающе-в-облике-собранным
из первосвета явившись
вздрагивая
ждать*

*и создана там где обилие лёта-идеи
склонно наверное к дару
где покорилось уменьшенной частью
тихим увидеть себя:*

*«быть»
как в сознании было бы птиц:
« – » [15].*

В данном случае одним из очевидных способов творческого преобразования внутрисловных ассоциативных связей между планом выражения и планом содержания является специфическая авторская номинация. Окказиональное словообразование используется поэтом для нестандартной интерпретации связи «означающее-означаемое». Так, окказиональное аппозитивное сочетание *страдающе-в-облике-собранным*, занимающее промежуточное положение между сложным словом и свободным словосочетанием, построено по принципу ассоциативной интеграции, формирующей «контекст восприятия слова путем совмещения значения и формы ассоциантов» [14, с. 17]. Авторское намерение интегрировать компоненты «страдающе», «в облике» и «собранным» в единое смысловое целое специфически маркируется на письме с помощью дефиса. Сложность формы окказионализма определяет несколько направлений актуализации ядерных и факультативных семантических признаков составляющих его единиц, что позволяет обыграть определительное и полупредикативное отношения внутри данного новообразования. Например, наречие «страдающе» читатель может не только интерпретировать как признак действия («собирать страдающе»), но одновременно модифицировать и как признак предмета – «страдающий облик».

В случае с окказионализмом (*обилие*) *лёта-идеи* ассоциативная интеграция форм и значений лексем «лёт» и «идея» осложняется ассоциативным отождествлением – «ситуативно обусловленной подменой ассоциантов» [14, с. 23]: читатель не только устанавливает отношения компонентов «лёт» и «идея» как двойное обозначение одного феномена, но может также окказионально установить отношения взаимозамены между паронимами «лето» и «лёт».

Новообразование *первосвет* также построено по принципам ассоциативной интеграции и ассоциативного

отождествления («первосвет – первоцвет»). При этом контекстуальные условия (*светом <...> из первосвета (явившись)*) создают несколько возможностей для ассоциативного переосмысления новообразованной единицы и установления ее метонимической взаимосвязи с единицей «свет» по моделям ЦЕЛОЕ – ЧАСТЬ, КОНТЕЙНЕР – СОДЕРЖИМОЕ и ПРИЧИНА – СЛЕДСТВИЕ.

Нестандартная реализация междусловных ассоциативных связей представляет собой «установление системно нерелевантных связей между лексемами на основе случайных формальных или семантических сближений» [14, с. 63]. В стихотворной речи такая нестандартность междусловных ассоциаций является стилевой и дискурсивной доминантой: «нарушение логико-комбинаторных норм используется как метасемиотический прием выражения» [16, с. 72]. Как отмечает М. В. Никитин, «в поэтическом языке представлен весь диапазон приемов комбинирования смыслов. Поэзия использует весь спектр семантического комбинирования» [16, с. 72]. Среди наиболее очевидных примеров лингвокреативных трансформаций междусловных ассоциативных связей в поэзии назовем случай негемпликациональных словесных сочетаний и случай фоносемантического ассоциирования. Кроме того, в стихотворной речи чрезвычайно распространена практика образования разных «векторов смысловой зависимости» [16, с. 66], когда чередующиеся «позиции тесных и слабых синтаксических связей в стихе» [8, с. 90] позволяют читать строки «с переосмыслением» [8, с. 91]: «деформированный синтаксис преобразует семантику» [8, с. 92]. Так, особенности ритмической и синтаксической организации (анжамбеман) данного верлибра и специфическое представление стихотворения в письменном виде (авторская пунктуация) умножают возможности перергруппировки смыслов в процессе восприятия текста. Например, использование автором единицы «явившись» в микроконтексте *светом / <...> из первосвета явившись* ведет к одновременной ситуативной экспликации ядерных и периферийных компонентов содержательной структуры слова: «явиться» как «оказаться, превратиться» (*светом <...> явившись*) и как «возникнуть, начать существовать» (*из первосвета явившись*).

В высказывании *обилие лёта-идеи / склонно наверное к дару* краткая форма прилагательного («склонно») не просто выражает временный признак предмета в значении «расположенный, готовый к чему-либо», но может получить окказиональное ассоциативно выводимое толкование «перемещаться в более низкое положение» на фоне ситуативно-обусловленной мотивации «лёт – летать» → «склонно – склоняться».

Трансформации в зоне контекстуальной ассоциативной связи конструируют значение текста на уровне его содержательной целостности. Семантизация глубинных текстуальных взаимосвязей требует от воспринимающей стороны развитой образной адаптивной гибкости. Т. А. Гридина отмечает, что «образная адаптивная гибкость как критерий креативности заключается в способности изменить форму стимула так, чтобы увидеть в нем новые возможности» [14, с. 196]. Поэтический контекст

является интенсифицирующим, т. е. «способствует приращению смысла в процессе восприятия текста» [17, с. 238]. В условиях восприятия интенсифицирующего контекста особое значение приобретает «ассоциативная экспликация значения слова на основе личностного смысла» [14, с. 46], который зависит от ситуативных факторов речевого контекста, личного опыта и уровня лингвистической компетенции [14, с. 196]. При этом «фон понимания» стихотворения, который создается в результате «вложения» неосознанных презумпций интерпретатора в модельный мир» [18, с. 62], будет чрезвычайно широким, но тем не менее ограниченным лексико-семантическими, синтаксическими и прагматическими условиями протекания дискурса. Например, в нашем случае конструирования значения стихотворения Г. Айги читатель должен сам определить, кто или что именно является участником называемой предикатом ситуации: кто выступает как агент в полупредикативном отношении «...явившись...» и как пациенс при предикате «...создана...». При этом целостно-контекстуальное значение будет определяться модификациями внутрисловных и междусловных ассоциативных взаимосвязей.

Подведем итоги:

1. Концепция деавтоматизации ассоциативного контекста восприятия языкового знака является значимым инструментом для научного описания лингвокреативной деятельности читателя поэтического текста.

2. Конструирование значения в процессе рецепции поэтического текста можно определить как переход от ассоциативных языковых стереотипов восприятия языковой единицы к «ассоциативным речевым трансформам» [14, с. 63] ее восприятия.

3. Конструирование значения читателем требует трансформаций ассоциативного потенциала языковых единиц в зонах

1) внутрисловной ассоциативной связи – например, в процессе семантизации авторских окказионализмов;

2) междусловной ассоциативной связи – например, в процессе семантизации негилематических словосочетаний, фоносемантических сближений или установления смысловой содержательности синтаксических связей;

3) контекстуальной ассоциативной связи – например, в процессе конструирования значения текста на уровне его содержательной целостности.

1. Якобсон Р. О. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против»: сб. ст. / под ред. Е. Я. Басина и М. Я. Полякова. М.: Прогресс, 1975. С. 193–230.

2. Тынянов Ю. Н. Проблема стихотворного языка. Изд. 4-е, стер. М.: КомКнига, 2007. 176 с.

3. Лотман Ю. М. Анализ поэтического текста. Структура стиха // Ю. М. Лотман О поэтах и поэзии. СПб., 1996. С. 18–253.

4. Tsur R. Aspects of Cognitive Poetics // Cognitive Stylistics: Language and Cognition in Text Analysis / edited by E. Semino and J. Culpeper. Amsterdam: John Benjamins Publishing Co., 2002. P. 279–318.

5. Brandt L., Brandt P.A. Cognitive Poetics and Imagery // European Journal of English Studies. 2005. Vol. 9. No. 2. P. 117–130.

6. Шкловский В. Искусство как прием. URL: <http://www.opojaz.ru/manifests/kakpriem.html> (дата обращения 20.01.2015).

7. Медведев П. Н. (Бахтин М. М.) Формальный метод в литературоведении // Поэтический язык как предмет поэтики. М.: Лабиринт, 1993. С. 84–116.

8. Гаспаров М. Л. Теснота стихового ряда. Семантика и синтаксис // Analysieren als Deuten. Wolf Schmid zum 60. Geburtstag. Hamburg: Hamburg University Press, 2004. S. 85–95.

9. Ревзина О. Г. Загадки поэтического текста // Коммуникативно-смысловые параметры грамматики и текста: сб. ст., посвященный юбилею Г. А. Золотовой. М.: Эдиториал УРСС, 2002. С. 418–433.

10. Coulson S., Oakley T. Blending and Coded Meaning: Literal and Figurative Meaning in Cognitive Semantics // Journal of Pragmatics. 2005. No. 37. P. 1510–1536.

11. Тарасова И. А. Когнитивные категории в интерпретации футуристического текста // Литературно-художественный авангард в социокультурном пространстве российской провинции: история и современность: сб. ст. участников междунар. науч. конф. / отв. ред. И. Ю. Иванюшина. Саратов: Издат. центр «Наука», 2008. С. 202–211.

12. Устинова Т. В. Фоносемантические сближения в стихотворной речи: конструирование значения и профилирование внимания // Когнитивные исследования языка. 2014. № 19 (19). С. 396–406.

13. Устинова Т. В. Читательская рецепция текстов с неопределенно выраженной семантикой: когнитивно-дискурсивные аспекты (на примере «языковых стихотворений» Кларка Кулиджа) // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2014. № 7 (92). С. 41–47.

14. Гридина Т. А. Языковая игра: стереотип и творчество. Екатеринбург: Изд-во Урал. гос. пед. ун-та, 1996. 214 с.

15. Айги Г. Стихи разных лет. 1955–1989. М.: Советский писатель, 1992. URL: <http://www.vavilon.ru/texts/aigi6-1.html#32> (дата обращения 04.01.2015).

16. Никитин М. В. Лексическое значение слова (структура и комбинаторика). М., 1983. 127 с.

17. Языкознание. Большой энциклопедический словарь / гл. ред. В. Н. Ярцева. М.: Большая Российская энцикл., 1998. 685 с.

18. Демьянков В. З. Понимание как интерпретирующая деятельность // Вопросы языкознания. 1983. № 6. С. 58–67.

© Устинова Т. В., 2015

ТЕМА ДЕТСТВА В МАЛОЙ ПРОЗЕ А. И. КУПРИНА: АСПЕКТЫ ПСИХОЛОГИЗМА

Исследование посвящено особенностям детской темы в малой прозе А. И. Куприна. Выявлена специфика средств психологизма: диалог, хронотоп, портретные наброски, пейзаж, художественная деталь.

Ключевые слова: психологизм, проза, рассказ, автор, персонаж, главный герой, пространство, хронотоп, мотив дороги, портрет, пейзаж, деталь.

CHILD THEME IN A. KUPRIN'S SHORT PROSE: ASPECTS OF PSYCHOLOGISM

The research is devoted to the peculiarities of the child theme in A. Kuprin's small prose. The features of means of psychologism, such as dialogue, chronotope, portrait sketches, landscape, artistic detail, have been defined.

Keywords: psychologism, prose, story, author, character, protagonist, space, chronotope, motif of way, portrait, landscape, detail.

Малая проза А. И. Куприна – заметное явление в литературном процессе начала XX века. Обращение к наследию писателя заслуживает особого внимания, поскольку отечественное литературоведение изобилует разнообразием, а иногда и противоречием суждений критиков о художественной ценности рассказов, повестей и романов автора. Активизация исследовательских работ о прозе А. И. Куприна за последнее десятилетие свидетельствует о переосмыслении его творчества только с идеологических позиций, о слабом изучении периода эмиграции советским литературоведением, а также о совершенствовании тем, форм и методики анализа текста.

Цель статьи – выявить аспекты психологизма в рассказах писателя о детях. Для анализа выбран сборник рассказов, в который вошли произведения: «Белый пудель», «В недрах земли», «Чудесный доктор», «Тапёр», «Изумруд» [1].

Детство А. И. Куприна было тяжёлым. Пребывание с матерью во Вдовьем доме в Москве, обучение в Московском Разумовском пансионе стали суровой жизненной школой, обострили восприимчивость, сформировали волю Александра. Гамма впечатлений («жгучие детские скорби») нашла творческое отражение в малой прозе писателя.

А. И. Куприн глубоко исследовал жизнь. Его интересовали разные люди: портовые работники, господа, воры, врачи, уличные музыканты. Знания о жизни автор почерпнул из личного опыта. Ему часто приходилось менять место работы и должность: репортер, управляющий, грузчик, военный, псаломщик и др.

Дружба с И. А. Буниным, переписка с А. П. Чеховым, положительные отзывы Л. Н. Толстого о рассказах «В цирке» и «Алле!» – всё свидетельствует о признании языкового мастерства А. И. Куприна.

Широкая тематика текстов писателя продиктована повседневной жизнью: взаимоотношениями между членами семейства, отношениями взрослых и детей, любовью к животным, растениям и т. д.

Каждая небольшая история напоминает страницы жизни писателя. События происходят в пространстве, хо-

рошо известном автору: то в живописном Крыму, то в Кивее, то в шахтерском крае, то в Москве.

В рассказе «Белый пудель» писатель, казалось бы, подает образ двенадцатилетнего Серёжи без ёмкой портретной характеристики. Повествователь не упоминает о родственниках мальчика. Читатель узнает, что дедушка Лодыжкин Сережу взял «напрокат» у забулдыги – вдового сапожника. Так – в одном предложении – передана жизненная драма персонажа. В поисках заработка странствующие Серёжа, дедушка и пудель Арто проходят мимо дач. Автор противопоставляет восторженное состояние Сережи, умеющего тонко чувствовать красоту и эмоционально откликаться на нее, сдержанности Лодыжкина. А. И. Куприн передает мысли и чувства персонажей. Перед читателем появляется богатая барыня с неуклюжим сыном, требующим пуделя как желаемую игрушку. Наивные артисты, надеясь на вознаграждение, стараются развлечь этих людей. Достойное поведение Серёжи контрастирует с необузданным и своевольным нравом Трилли. Речевая характеристика расширяет портретные рамки персонажей. Реплики Серёжи сдержанны, учтивы, а Трилли, не желая слышать доводы, упрямо требует: «Мне! Хочу! Собаку-у-у!». А. И. Куприн осуждает избалованность и бездушность состоятельных людей, желающих угодить капризному Трилли и считающих, что все можно купить, и друга в том числе. Читателя восхищает поведение нищих людей, готовых дальше голодать и терпеть лишения во имя дружбы.

Из рассказа «В недрах земли» узнаем о жизни Васьки Ломакина, прозванного шахтёрами Кирпатым и Мамкиным. Двенадцатилетний мальчик, работающий в шахте, ещё чист душой. А. И. Куприн описывает события с позиции персонажа, используя внутреннюю характеристику. Васька отличается от сверстников тем, что не курит, не пьет, не сквернословит, не играет на деньги в карты. Писатель тонко передает «зверскую» атмосферу, в которой приходилось жить мальчику. Жутко ему в темной шахте, его пугают воспоминания о смерти шахтёров. Только Грек изредка проявляет теплоту и заботу о мальчишке. Васька смог достойно пройти жизненное испытание. Преодоле-

свой страх и слабость, чтобы вывезти из шахты дорогого ему человека, у которого случился приступ. Мальчик жертвовал собственной жизнью. Автор раскрывает образ маленького смельчака через сравнение его поведения и поступков взрослых мужчин. Поступок, речь, описание угрозы обвала дополняют характеристику личностных качеств героя.

Через взгляд Васи передается искра духовного родства с Греком. Эти два абсолютно чужих человека, попавших на дно жизни, не утратили способность дружить.

История о «Чудесном докторе» повествует о жизни киевской семьи в подвале. Начинается текст с описания того, как голодные мальчуганы рассматривают витрину мясной лавки. Дальше драматизм углубляется. Читатель узнает, что у Мерцалова тяжело заболели жена и дочь Машутка. Безутешный отец семейства не знает, как им помочь. Заплаканные детские лица, грязь. Ни письмо, ни просьба жалких маленьких мальчиков не тронули черствое сердце швейцара. Общение персонажей часто происходит без слов: «поняли друг друга по тому отчаянию, которое прочли друг у друга в глазах». Конец истории благополучный. Нашёлся отзывчивый доктор. Лаконичными и выразительными штрихами, тёмно-серыми тонами описал автор будни этой семьи. По-чеховски кратко и проникновенно запечатлена действительность.

Следующая история словно короткометражный фильм о жизни детей. Энергичная двенадцатилетняя Тиночка Руднева, запыхавшаяся, с разлетевшимися кудряшками на лбу, вся розовая от быстрого бега, напоминающая хорошенького мальчишку, своим молниеносным появлением заявляет о радостном детстве (рассказ «Тапер»). Её сменяет маленькая фигурка бледного, очень худощавого мальчика в подержанном мундирчике реального училища. Лицо некрасивое, но выразительное. Только большие серые глаза смотрели умно, твердо и не по-детски серьезно. Изящная, неуловимо небрежная и величавая простота игра пианиста, наполнили образ светом и величием. Писатель умело использует для оживления персонажей движения, мимику, манеры, краткое описание предметов одежды. Автор раскрывает образы детей, сопоставляя с другими, лаконично оценивая, характеризуя героев, демонстрирует своё отношение к ним.

Содержание рассказов создает разноликую социальную картину детства, окрашенную то в яркие, сочные

(у Тиночки Рудневой, Трилли), то в серые, мрачные тона (у Васьки Ломакина, у детей Мерцалова во время болезни их матери и младшей сестрёнки). Юные герои из низших слоев общества вызывают симпатию автора, они наблюдательные, отзывчивые, ответственные, выглядят взрослее, чем их беззаботные сверстники из обеспеченных семей.

Обзор рассказов о детях А. И. Куприна помогает проследить, как постепенно оттачивалась писательская зоркость, совершенствовалось искусство изящной социально-психологической характеристики. Трудно не согласиться с Т. Р. Пчелкиной, отметившей, что в структуре персонажей Куприна «внутреннее» является смысловой доминантой, что «купринский герой» является нетипичным для окружающего мира [2]. В проанализированных текстах нет резкого деления героев на отрицательных и положительных, добрых и злых. Куприн, передавая в прозе тончайшие оттенки человеческих переживаний, следует «чеховской» традиции использования скрытого психологизма.

Тема детства традиционна для русской литературы. Жизненные драмы юных героев: Серёжи, Васьки Ломакина, Гриши, Машутки, тапера – переполняют сердце читателя теплом и состраданием. Автор использует для создания реалистичных детских образов сжатые портретные эскизы, внутренний монолог, краткие диалоги, с помощью которых передаёт внутреннее состояние героев. Интерьер, пейзаж, музыка Бетховена, вальсы Шопена и рапсодии Листа дополняют картины жизни. В проанализированных рассказах А. И. Куприна нет подробных описаний предметной обстановки и самохарактеристики персонажей. Картина детства в прозе реалистична, насыщена контрастами. Она заставляет читателей думать, сопереживать, не теряться в экстремальной обстановке, любить людей, искусство, мир природы.

1. Куприн А. И. Сочинения: в 2 т. М.: Художественная лит., 1980. Т. 1: Повести. Рассказы. 180 с.

2. Пчелкина Т. Р. Автор и герой в художественном мире А. И. Куприна (типология и структура): автореф. дис. ... канд. филол. наук. Магнитогорск, 2006. 22 с.

© Шалацкая Т. П., 2015

ИСТОРИЯ

Войнаровская Ю. В., Войнаровский О. В.

Ликвидация безграмотности в годы становления советской власти (на материалах малых городов Поволжья)

Кротт И. И.

Представительные организации сельских предпринимателей Западной Сибири в годы Первой мировой войны и революционных потрясений

Сулейманов А. А.

Этнографическое изучение коренных народов арктических районов Якутии в 1951–1954 гг.

Черкасов Д. Н.

«Мессенская республика» в политической жизни франко-германского пограничья (конец XIV – первая половина XV вв.)

ЛИКВИДАЦИЯ БЕЗГРАМОТНОСТИ В ГОДЫ СТАНОВЛЕНИЯ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ (НА МАТЕРИАЛАХ МАЛЫХ ГОРОДОВ ПОВОЛЖЬЯ)

Общегосударственная задача ликвидации безграмотности решалась не только в столицах, но и в малых городах. Были созданы различные образовательные учреждения для повышения образовательного уровня всего населения. Это дало положительные результаты: к концу 1920-х годов число неграмотных в Поволжье снизилось.

Ключевые слова: советская власть, малый город, образование, ликвидация неграмотности, Поволжье.

ELIMINATION OF ILLITERACY DURING THE YEARS OF THE SOVIET GOVERNMENT ESTABLISHING (BASED ON THE MATERIALS OF SMALL TOWNS OF THE VOLGA REGION)

The state task of elimination of illiteracy was realized not only in the capital but even in small towns. Various educational institutions were created to improve the educational level of the entire population. The positive results were achieved: by the end of the 1920s the number of illiterates has been decreased.

Keywords: Soviet government, a small town, education, elimination of illiteracy, the Volga region.

Всероссийская перепись населения в 1920 г. выявила в стране 54 млн безграмотных, что составляло 60 % от всего населения [1, с. 53]. Поэтому проблема ликвидации неграмотности являлась одной из приоритетных в государственной политике народного образования. Это означало решение множества труднейших задач: покончить с безграмотностью, обеспечить всеобщее обучение детей и подростков, наладить профессионально-техническое образование рабочих и крестьян, развивать науку, литературу и искусство, создать сеть культурно-просветительных учреждений (клубов, библиотек, Домов культуры), наладить систему дошкольного воспитания детей, сделать так, чтобы газеты, журналы, книги стали достоянием каждой семьи. Эти задачи, характерные для всей России, были важны и для малых городов Поволжья.

В 1923 г. было организовано Всероссийское добровольное общество «Долой неграмотность» во главе с М. И. Калининым [2]. На средства общества содержались тысячи пунктов или школ по ликвидации неграмотности (ликбезы). В 1925 г. в ликбезах обучалось почти 1,4 млн взрослых. В результате по переписи 1926 г. грамотность населения составила 51,1 %, в том числе грамотность городского – 76,3 %, сельского – 45,2 % [3].

В малых городах Среднего Поволжья неграмотное население занимало большую долю среди горожан. В Пугачеве в 1921 г. безграмотные в возрасте от 16 до 40 лет составляли 39 642 человек (61 % от общей численности жителей города) [4]. Действовало всего 5 школ, рассчитанных на 300 человек. Количество неграмотных в Сызрани на 1 января 1923 г. – 25 100 человек в возрасте от 12 до 35 лет (57 % от всего населения) [5].

К середине 1920-х гг. школьное образование в Средневолжском крае представляло следующую систему: начальная четырехлетняя школа (I ступень), семилетняя школа в городах, школа крестьянской молодежи (ШКМ), школа фабрично-заводского ученичества (ФЗУ) на базе начальной школы, школа II ступени (5–9 классы) с про-

фессионализированными 8–9 классами в ряде школ. В Сызранском уезде в 1927/1928 учебном году в школах I ступени обучалось 2301 человек (1150 мальчиков и 1151 девочек). В городские школы осенью было принято: в школы I ступени – 458 человек, II ступени – 248 человек, семилетку – 72 человека, профшколу – 19 человек. По социальному положению: рабочих – 21,5 %, служащих – 28,5 %, крестьян – 17,5 %, прочие – 32 % [6]. Из этого следует, что образование становилось доступным для всех слоев городского населения, но при этом количество обучающихся в Сызрани было незначительным, всего 5 % от всего населения.

Вовлечение безграмотного населения в процесс обучения в некоторых малых городах Среднего Поволжья проходило медленно. Средствами эффективной системы воспитания горожанина стали государственные лозунги, метафоры плакатного типа, доктринальные изречения. В Мелекесе в 1921 г. функционировало 6 ликпунктов на 232 человека. В 1923 г. власти города содействовали организации общества «Долой неграмотность», куда входило 20 человек. Обучающимися в основном были крестьяне и ремесленники [7, л. 23]. В г. Троицке в 1921 г. было 565 человек малограмотных и 245 человек неграмотных (из них мужчин – 30 %, женщин – 70 %). Функционировало 6 школ, рассчитанных на 160 учащихся. Возраст обучающихся от 17 до 45 лет. Все они являлись работниками промышленного производства. В школах занимались по 2 часа в день, кроме субботы и воскресенья. Вместе с тем отмечалась неудовлетворительная посещаемость, незаинтересованность школой. Многие не видели в этом ценности, приоритет отдавали трудовому воспитанию, приобщению к производству.

Однако усилия центральных и местных властей были направлены на приобщение широкой массы горожан к обучению. Этим обуславливалась необходимость подготовки квалифицированных кадров для модернизации общества, внедрение основ коммунистического мировоз-

зрения, формирование нового советского типа горожанина. Поэтому в 1920-е гг. открывалось много школ. За время 1921–1929 гг. в СССР вдвое увеличилась школьная сеть: в 1927 г. в стране насчитывалось 119 тыс. школ. В конце 1920-х гг. число дошкольных учреждений в стране превышало 4 тыс. и их посещало 186 тыс. детей. Численность учительства также росла: если в 1914 г. в школах работало 231 тыс. учителей, то уже в 1927 г. – 347 тыс. В конце 1920-х гг. в начальной школе обучалось около 10 млн детей примерно 3/4 соответствующей возрастной группы; десятилетием позже – свыше 20 млн, т. е. практически все подрастающее поколение.

Быстро растущее народное хозяйство Среднего Поволжья требовало обученных и квалифицированных специалистов. Если при царской власти школы в рассматриваемом регионе были лишь в виде гимназий и реальных училищ для детей купцов и чиновников (Сызрань, Наровчат, Буинск), теперь повышенные школы открывались преимущественно в поселках городского типа, в них учились главным образом дети крестьян и рабочих. Например, в Сызрани в числе учащихся в 1927 г. было 50 % детей рабочих и 28 % детей крестьян. 1928 г. – перепись населения по городу для учета грамотности выявила: количество грамотных – 20 746 человек, малограмотных – 8156, неграмотных – 16 518; всего – 45 420 человек [8]. Анализ документов показывает, что, с одной стороны, число грамотных увеличивалось, с другой же – по-прежнему был высок показатель неграмотных – 1/3 горожан Сызрани были таковыми. Это позволяет утверждать, что образование оставалось недоступным для многих, и прогресс в области просвещения в этом малом городе шел медленно. Главная причина состояла в том, что выполнение этой социальной задачи требовало стратегической разработанности, а также соответствующей социальной инфраструктуры и финансовой поддержки, которые не были обеспечены. Недостаток денежных средств, спешка, форсирование затрудняли работу по ликвидации неграмотности в некоторых провинциальных городах, приводили к её некачественному выполнению.

В других малых городах Средневожского края модернизационный процесс в области просвещения шел более ускоренными темпами и эффективней. В г. Пугачеве сеть учебных заведений к 1928 г. заметно расширилась: не было ни одного случая отказа в приеме учеников в школу. В Мелекессе к 1929 г. обучалось 6 тыс. детей в 15-ти школах различных ступеней, неграмотных было в городе 18 % [9]. С 1929 г. в г. Барыше было введено всеобщее начальное обучение. Все дети с 8 до 11 лет должны были учиться в школе [10]. Этот фактор положительно влиял на рост динамики образованного населения в этом малом городе. В некоторых городах Поволжья (Мелекесс, Корсунь) и ТАССР продолжали существовать отдельные школы для мальчиков и девочек, религиозные школы (мектебе, медресе) с различными сроками обучения.

Массовой формой подготовки кадров рабочих в малых городах Поволжья стали школы ФЗУ. Не менее 3/4 учащихся фабрично-заводских училищ были дети рабочих. Кадры низшего и среднего технического персонала

(мастер, бригадир, механик) готовили в техникумах, специальных профессиональных школах, краткосрочных курсах. Основным типом профессионального учебного заведения были индустриально-технические, педагогические, сельскохозяйственные, медицинские, экономические, юридические, художественные техникумы с трехлетним сроком обучения [11]. Несмотря на значительные масштабы, система профтехобразования в малых городах действовала менее эффективно, по сравнению с общероссийскими темпами: не хватало учителей, учебных пособий, недостаточным было финансирование. Для распространения профессионального образования в Сызрани были созданы педагогические, бухгалтерские, слесарные курсы, действовало 2 школы кройки и шитья. В Елабуге с 1921 г. действовали курсы по обучению основам сельскохозяйственного и ремесленного производства (слесарного, столярного, сапожного, портняжного) [12]. При этом образовательная сеть городов не удовлетворяла всех запросов населения. Большинство учебных заведений располагались в центре города, поэтому часть горожан не были охвачены всеобщим обучением из-за дальности их расположения.

В 1920-е гг. в СССР возникла форма высшего образования рабочих – рабочие факультеты (рабфаки). Правительство проводило классовую политику, создавало льготные условия для поступления в вузы рабочих и крестьян. Число высших учебных заведений и техникумов в СССР увеличивалось достаточно быстрыми темпами. В 1927 г. в стране число университетов, институтов, техникумов, училищ достигло примерно 1200, а в последующие годы увеличилось почти вчетверо – 4600. В 1927 г. на страну приходилось около 1,5 млн учеников 5–10-х классов и 350 тыс. студентов институтов и техникумов [13]. В малых городах Поволжья высших учебных заведений не было. Горожане, получившие высшее образование были приезжими. Большинство из них закончили столичные вузы. В связи с развернувшейся индустриализацией Поволжского региона в этот период встала острая проблема подготовки высокообразованных специалистов для различных отраслей народного хозяйства. Многим приходилось уезжать в уездные центры, более крупные города с целью обучения в вузах. Высшее образование оставалось недоступным для большинства горожан, во многом из-за нехватки средств отсутствовала возможность уезжать из своего города.

В Средневожском крае в 1920-е гг. открывались новые техникумы. И хотя их появление было сопряжено с определенными трудностями: не хватало специальных помещений, преподавательских кадров, оборудования, в Самарском крае в этот период были открыты десятки техникумов. В Сызрани действовали горно-сланцевый (позже нефтяной), текстильный, садово-огородный, железнодорожно-строительный техникумы, организована фельдшерско-акушерская школа. В Елабуге функционировал педагогический техникум (позже педучилище), сыгравший большую роль в подготовке педагогических кадров и ликвидации неграмотности в Татарстане, Прикамье и в Поволжье. Мелекесс располагал сетью учреждений, готовящих кадры: педагогический техникум, созданный

на базе педагогической семинарии; ветеринарный техникум, училище механизации сельского хозяйства, открытое в 1924 г. на базе низшей ремесленной школы, ФЗУ при льнопрядильной фабрике. Равный доступ к получению среднего образования в рамках малого города стал базой для улучшения положения многих горожан, способствовал получению квалификации, подготовки молодого человека к взрослой деятельности. Весной 1929 г. Сызрань посетил народный комиссар просвещения РСФСР А. В. Луначарский. Он побывал в нескольких школах города и в педагогическом техникуме. В своей статье «Кряжистая молодежь» А. В. Луначарский писал о Сызранском педагогическом техникуме: «... Я вынес уверенность, что и здесь готовятся хорошие учителя и в особенности учительницы, которые по своей специальной подготовленности уже превосходят и превзошли далеко старые выпуски семинарий» [14].

В конце 1920-х гг. старшие классы средних школ некоторых городов Среднего Поволжья (Сызрань, Аткарск, Кузнецк, Балашов) были преобразованы в техникумы, или профессионально-технические училища. А в начале 1930-х гг. во многие школы малых городов поступило распоряжение прикрепиться к какому-либо производству с тем, чтобы ученики могли получить начальные трудовые навыки. Теперь обучающиеся мало времени проводили в классах. Местом их учебы стали «новостройки», где они становились членами рабочих коллективов. Директора заводов часто очень неохотно принимали присланных к ним малообученных и недисциплинированных подростков, нарушавших строгое рабочее расписание. Иногда, напротив, директора проводили совершенно иную политику и использовали старшеклассников как даровых подсобных рабочих. Работающие на новостройках должны были отмечаться по утрам в школе, наскоро выполняли свои уроки и затем исчезали на оставшуюся часть дня. По нашему мнению, в 1920-е гг. в Средневолжском регионе удалось создать широкую сеть учебных заведений средне-профессионального образования, но, несмотря на это, уровень подготовки выпускников большинства техникумов оставался низким, качественных изменений в обучении не произошло.

Государственные и местные власти региона старались привлекать горожан к образованию, создавать благоприятные условия для обучения детей. Так, 19 декабря 1928 г. в Средне-Волжской области приняли постановление об организации бесплатных завтраков в школах I ступени. Сызранский отдел народного образования определил норму месячного ассигнования средств на каждого учащегося – 1 р. 50 коп. Для удешевления стоимости горячих завтраков и большего охвата учащихся всех детей ГорОНО распределил на три группы: первая категория – беднейшая часть, которая полностью и бесплатно получала завтрак из школ; вторая категория – более обеспеченная, получала горячий завтрак без хлеба, пользуясь хлебом из дома, и третья группа детей привлекалась на добровольных началах к пользованию горячими завтраками, внося на эту цель школе фактическую стоимость завтрака [15]. В этом проявлялся классовый принцип, который позволял в первую очередь обеспечивать бесплатным питанием детей из семей крестьян и рабочих.

В Елабуге в организации учебного процесса педтехникума учитывались национальные особенности: имелись женская, кряшенская (т.е. для татар, принявших христианство), удмуртская и марийская секции. Это способствовало привлечению в данное образовательное учреждение граждан соседних республик. В Сызранском педтехникуме, профшколах и сельскохозяйственной школе предоставлялось бесплатное общежитие и выдавалась стипендия обучающимся, это способствовало росту поступающих горожан и сельчан близлежащих поселков.

Рост доступности образования и обусловливаемого им социального продвижения относится к числу тех процессов общественного развития в конце 1920-х гг., которые улучшали положение народных масс. Объективно это было неотделимо от индустриального преобразования народного хозяйства, так как именно индустриализация, быстро увеличивая спрос на работников умственного и квалифицированного труда, создавала возможность одновременного социально-культурного подъема жителей малых городов. Это обстоятельство благоприятно влияло на социальные процессы в обществе, способствовало повышению образовательного уровня среди взрослого населения. Для горожан имела реальная возможность окончить семилетку, девятилетку, техникум. Любая из этих возможностей – даже семилетка – открывала перспективу культурного и социального роста.

Таким образом, в результате деятельности государства и местных властей наблюдается рост уровня образованности населения в малых городах Поволжья. Преобразования в этой области носили комплексный характер, охватывали все стороны общественной жизни населения. Однако модернизационный процесс в малых городах Поволжья замедлялся сохранением заметной доли неграмотных.

1. Дробижев В. З. У истоков советской демографии. М.: Мысль, 1987. 222 с.
2. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. 2314. Оп. 8. Д. 68. Л. 18.
3. Государственный архив г. Сызрани (ГА г. Сызрани). Ф. 205. Оп. 1. Д. 6. Л. 17.
4. ГАРФ. Ф. 2314. Оп. 8. Д. 42. Л. 3.
5. ГА г. Сызрани. Ф. 187. Оп. 1. Д. 16. Л. 8.
6. ГАРФ. Ф. 2314. Оп. 8. Д. 68. Л. 60.
7. Там же. Д. 19. Л. 23.
8. ГА г. Сызрани. Ф. 110. Оп. 1. Д. 18. Л. 12.
9. ГАРФ. Ф. 2314. Оп. 8. Д. 68. Л. 60.
10. ГАРФ. Ф. 2306. Оп. 39. Д. 2. Л. 17.
11. Государственный архив Самарской области (ГАСО). Ф. 81. Оп. 1. Д. 45. Л. 97.
12. Архивный отдел г. Елабуги. Ф. 9. Оп. 1. Д. 2. Л. 31.
13. ГАРФ. Ф. 2314. Оп. 8. Д. 68. Л. 8.
14. ГАСО. Ф. 818. Оп. 1. Д. 18. Л. 37.
15. ГА г. Сызрани Ф. 139. Оп. 1. Д. 34. Л. 25.

ПРЕДСТАВИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНИЗАЦИИ СЕЛЬСКИХ ПРЕДПРИНИМАТЕЛЕЙ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И РЕВОЛЮЦИОННЫХ ПОТРЯСЕНИЙ

REPRESENTATIVE ORGANIZATIONS OF AGRICULTURAL ENTREPRENEURS IN WESTERN SIBERIA DURING THE FIRST WORLD WAR AND THE REVOLUTIONARY EVENTS

В данной рассматривается процесс создания и функционирования представительных организаций сельских предпринимателей Западной Сибири в годы Первой мировой войны и революционных событий 1914–1919 гг. На основе архивных и опубликованных источников выявлены основные причины создания и специфика предпринимательских союзов в аграрной сфере, проанализирована их деятельность в условиях социально-экономической и политической нестабильности, показано значение корпоративных объединений в решении актуальных вопросов хозяйственной жизни региона.

Ключевые слова: корпоративные объединения, представительные организации, сельскохозяйственное предпринимательство, Первая мировая война, революция.

This article discusses the creation and functioning of representative organizations of agricultural entrepreneurs in Western Siberia during the First World War and the revolutionary events of 1914–1919. On the basis of archival and published sources identified the main reasons for establishing entrepreneurial unions in agrarian sphere and their specificity, analyzed their activities in terms of socio-economic and political instability, showed the importance of corporate associations in addressing pressing issues of economic life in the region.

Keywords: corporate associations, representative organizations, agricultural entrepreneurship, the First World War, the Russian Revolution.

Исторический опыт показывает, что взаимодействие общества с государством осуществляется через особые институты. С одной стороны, в нем участвуют государственный аппарат и органы государственной власти, а с другой – институционализированные структуры, т. е. организации, союзы и иные объединения граждан. Последние распадаются на два принципиально различных образования – политические партии и общественные организации, которые контактируют с государством по своим каналам, используя свои методы. Если партийные структуры делают это через выборы в парламент и местные представительные учреждения, то организованные граждане осуществляют непосредственный контакт с государством и его органами через так называемую систему функционального представительства.

Отметим, что в условиях масштабных социально-политических и экономических трансформаций, особенно в периоды, когда они были направлены на развитие рыночных отношений, актуализируется вопрос формирования новых отношений между государством и обществом, общественными структурами предпринимательского общества и властью.

В целом проблема взаимоотношений российского капитала и власти в разные исторические периоды является объектом постоянного внимания профессионального научного сообщества, причем интерес к этой проблеме проявляют как историки, так и экономисты, политологи, социологи. Междисциплинарное исследование деятельности представительных организаций в России позднего имперского периода – это только одна из составляющих

в решении этой сложной и важной проблемы. Нам представляется, что государство не должно выражать интересы исключительно только капитала, но учитывать его мнение оно обязано. При этом основной целью общероссийских представительных организаций второй половины XIX – начала XX вв. как раз и было донесение до государства и общества мнения предпринимательского сообщества, как по отдельным вопросам экономической политики правительства, так и по выбранному социально-экономическому курсу в целом. В этом плане деятельность провинциальных российских представительных организаций не была исключением, особенно в годы Первой мировой войны и революционных потрясений. В частности, изучение истории деятельности представительных организаций сибирских предпринимателей в конце XIX – первые десятилетия XX вв. позволит по-новому взглянуть на взаимоотношение государства и предпринимательских общественных организаций, а также на проблемы организации местной власти и роли в этом процессе предпринимательства.

Первая мировая война, а чуть позже и революционные события 1917 г. привели к сложным и неоднозначным процессам в хозяйственном развитии Сибири, существенным образом отразившись на всех сферах жизни локального сообщества. В этот период серьезные изменения наблюдались прежде всего в аграрном секторе региональной экономики. С осени 1914 г. сибирская деревня оказалась в совершенно новой социально-экономической ситуации, под которую стали выстраиваться поведенческие практики сельских жителей локального сообщества.

Со временем в условиях экономической нестабильности и нарастающей политической неопределенности актуальным стал вопрос создания корпоративных объединений, которые защищали бы экономические интересы предпринимателей в аграрной сфере.

В 1915 г. идею создания подобной представительной организации, объединяющей сельских предпринимателей, одними из первых стали обсуждать сельские предприниматели Омского уезда Акмолинской области. Так, 3 августа 1915 г. на общем собрании членов Омского отдела Московского общества сельского хозяйства после рассмотрения данного вопроса было принято решение выбрать комиссию и поручить ей всю подготовительную работу по организации союза сельских хозяев. В состав комиссии кроме сельских предпринимателей вошли известные в регионе, и за его пределами, общественные деятели, такие как И. М. Карзин, Т. И. Колмаков, А. М. Левицкий, И. Ф. Лобачев, С. С. Марковский, П. Я. Морозов, Л. Ф. Федоров [1].

Дошедшие до нас архивные документы свидетельствуют о том, что комиссией была проделана огромная организационная работа, которая состояла в проведении широкой рекламной кампании, в распространении разнообразной агитационной печатной продукции, где объяснялись причины и цель создания данного союза. Более того, 6 и 21 сентября 1915 г. комиссией были организованы очные собрания сельских хозяев, на которых присутствовало около 100 чел. [2].

Для того чтобы ускорить процесс создания организации, было принято решение сначала объединиться в товарищество, так как в этом случае все нормативно-правовые документы, регламентирующие деятельность данной структуры, утверждались бы в регионе, а не согласовывались бы в профильных министерствах в столице. Правда, следует указать, что товарищество в этом случае могло объединять только сельских предпринимателей Акмолинской области [3].

21 сентября были выбраны учредители и согласован окончательный вариант устава Товарищества сельских хозяев Акмолинской области [4]. Все необходимые документы были переданы для рассмотрения и утверждения в региональные органы власти [5].

В перспективе организаторы данного товарищества, а это известные в регионе предприниматели А. М. Левицкий, Т. И. Колмаков, И. С. Цыбульский, Т. П. Телегин, Ф. И. Исаак, И. И. Гейнрихс, Т. И. Подковыров, П. Я. Морозов, А. П. Бодылевский, Я. З. Михайлуц, Я. М. Гиберт, М. И. Гурьянов и др., намерены были трансформировать его в общерегиональную организацию сельских предпринимателей [6].

В соответствии с Уставом, товарищество должно было помогать своим членам в приобретении запасных частей к сельскохозяйственной технике, в сбыте продукции сельскохозяйственного производства, а также в организации залоговых операций и ходатайств перед банковскими учреждениями [7].

Исторических документов, которые бы подробно отражали деятельность данного товарищества в последую-

щие годы, в нашем распоряжении нет. Но точно известно, что устав товарищества был утвержден Акмолинским губернатором. Кроме того, в источниках есть упоминания о том, что после создания данной организации сельские предприниматели стали открыто выражать недовольство ее уставом, в частности, финансовыми обязательствами, прописанными в данном документе [8].

Революционные события 1917 г. и последовавшие за ними политические и социально-экономические изменения с новой остротой актуализировали проблему создания эффективной региональной представительной организации сельских предпринимателей [9].

Обратим внимание на тот факт, что если в 1915 г. основные мотивы создания корпоративной структуры лежали в экономической плоскости и были вызваны условиями военного времени, то в 1917–1919 гг. они уже напрямую были завязаны на политическую ситуацию в стране. Национализация земли, конфискация сельскохозяйственных орудий и машин в период установления советской власти в Сибири (октябрь 1917–май 1918 гг.), трудности, связанные с возвратом хозяйств их бывшим владельцам в годы деятельности Временного Сибирского правительства и правительства А. В. Колчака – это не полный перечень экономических мероприятий власти, продиктованных политической целесообразностью [10, с. 14–15].

11 июня 1918 г. состоялся Съезд землевладельцев г. Кургана, на котором обсуждалось современное положение земельной собственности в уезде, рассматривались вопросы, связанные с убытками землевладельцев за время нахождения у власти большевиков, а также было принято решение о создании союза земельных собственников и назначена дата организационного собрания [11, с. 3].

Общество Курганских частновладельцев было образовано 19 июля и фактически сразу же стало отстаивать интересы предпринимателей, ведя обширную переписку с различными государственными учреждениями по вопросам, преимущественно связанным с судьбой земельной собственности [12].

В совершенно иных, по сравнению с 1915 г., политических и социально-экономических условиях, 17 декабря 1918 г. уже омским сельским предпринимателям удалось зарегистрировать в Омском окружном суде устав Союза земельных собственников и арендаторов в Омске. Союз создавался с целью защиты интересов сельского хозяйства, правового положения собственников, арендаторов земель, а также для исследования и улучшения условий производства и сбыта продуктов [13]. Укажем, что подобные организации, выступающие за «охрану прав землевладения, против попыток социализации, национализации и массовых отчуждений», в Европейской России были созданы еще в июне 1917 г. [14].

18 марта 1919 г. в Омске состоялся также съезд арендаторов и собственников земель Сибирского казачьего войска. Данный форум был довольно представительным, в нем приняли участие даже арендаторы из Семипалатинской области. Это объяснялось тем, что на съезде

обсуждались достаточно актуальные для того времени вопросы, связанные с условиями, «при которых возможно бы было спокойное ведение арендаторами своего хозяйства», а также судьба собственников бывших офицерских и других участков, расположенных на войсковой территории [15, с. 4].

Напомним, что 4-й Круг Сибирского казачьего войска высказал пожелание, по которому все офицерские, чиновничьи, высочайше пожалованные в награду и прочие потомственные и кабинетные участки, находившиеся на войсковой территории, подлежали передаче войску без выкупа.

Войсковая администрация полагала, что окончательно этот вопрос должен быть решен Национальным или Учредительным собранием в общероссийском масштабе, но на данном этапе «собственники земли, не расставаясь с находящимися в их владениях участками, почли бы себя за арендаторов и путем определенного съездом обложения пришли на помощь в финансовом отношении войску» [15, с. 4].

На съезде были сформированы две специальные комиссии (собственников и арендаторов), в состав которых вошли известные в Сибири предприниматели И. М. Карзин, Н. Н. Груздев, И. Т. Колмаков, Д. В. Фурман и др., которые совместно с Войсковой управой и должны были выработать под председательством Ф. Ф. Штумпфа конкретные условия взаимоотношений [15, с. 4].

Для решения актуальных вопросов хозяйственной жизни сельские предприниматели стремились по максимуму использовать потенциал имеющихся в Западной Сибири общественных организаций. Они очень часто через эти организации пытались решить те или иные проблемы, обратить на них внимание государственных органов. Примером такой совместной деятельности является плодотворное сотрудничество сельских предпринимателей с многочисленными организациями экономического профиля в регионе: биржевыми комитетами, отделениями Московского общества сельского хозяйства и др. [16; 17].

Таким образом, отметим, что рассмотренные нами выше организации представляют собой, конечно же, далеко не весь спектр сибирских представительных органов предпринимательского сообщества, действовавших

в этом сегменте. Но это наиболее яркие и характерные примеры подобных структур в Западной Сибири, которые были построены на принципах сплоченности и добровольности. При этом по причине законодательных ограничений эти организации могли только обсуждать вопросы, а не предпринимать реальные шаги по их разрешению. То есть в данном случае как раз и видна та ограниченность, которая была присуща низшим звеньям общероссийской системы представительных организаций – невозможность принятия конкретных решений, кроме как постановки и обсуждения проблемы.

1. Государственный Исторический архив Омской области (ГИАОО). Ф. 119. Оп. 1. Д. 15. Л. 4 об.

2. Там же. Д. 33. Л. 246, 249.

3. Там же. Л. 247.

4. Там же. Л. 243, 247.

5. Там же. Д. 15. Л. 5–6 об.

6. Там же. Л. 246–248 об., 265.

7. Там же. Л. 243–243 об., 262.

8. Там же. Д. 40. Л. 35.

9. Государственный архив Российской Федерации (ГАРФ). Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 200. Л. 176–178 об.; Д. 302. Л. 9–16.

10. Кротт И. И. Корпоративные объединения сельскохозяйственного предпринимательства Западной Сибири периода войны и революционных потрясений (1914–1919 гг.) // Омский научный вестник. Серия «Общество. История. Современность». Омск. 2014. № 1(125). С. 13–16.

11. Земля и труд. Курган, 1918. 16 июня.

12. ГАРФ. Ф. Р-159. Оп. 1. Д. 200. Л. 176–178 об.

13. Там же. Д. 302. Л. 9–16.

14. Там же. Ф. 1788. Оп. 1. Д. 33. Л. 23.

15. Сибирская речь. Омск, 1919. 22 (9) марта.

16. Центральный государственный архив Республики Казахстан. Ф. 64. Оп. 1. Д. 1282. Л. 25.

17. ГИАОО. Ф. 119. Оп. 1. Д. 15. Л. 32.

© Кротт И. И., 2015

**ЭТНОГРАФИЧЕСКОЕ ИЗУЧЕНИЕ
КОРЕННЫХ НАРОДОВ АРКТИЧЕСКИХ
РАЙОНОВ ЯКУТИИ В 1951–1954 ГГ.**

В статье рассматривается история проведения экспедиционных исследований сотрудников Института языка, литературы и истории Якутского филиала Академии наук СССР в 9 арктических районах Якутии. Установлены ключевые факторы, связанные как с внутривнутриполитическими процессами в Советском Союзе, так и с технологическим развитием, которые определили возможность реализации рассматриваемых этнографических инициатив. Показана география осуществленных исследований, проанализированы их тематика и важнейшие положения, выработанные участниками экспедиций. Определены основные итоги проведенных изысканий.

Ключевые слова: Арктика, Якутия, коренные народы, И. С. Гурвич, научные исследования, экспедиции.

**ETHNOGRAPHIC RESEARCH
ON INDIGENOUS PEOPLES OF THE ARCTIC
REGIONS OF YAKUTIA IN THE 1951–1954**

The history of the ethnographic expeditions of the Institute of Language, Literature and History of Yakutian Branch of the Academy of Sciences of the USSR in 9 Arctic Regions of Yakutia was considered in the article. In this regard, the key factors that determine the feasibility of the considered ethnographic initiatives, which related to the internal political processes in the Soviet Union and technological development, have been identified. The geography of undertaken research has shown; their themes and the most important provisions developed by members of the expedition were analyzed. The main results of conducted research were identified.

Keywords: Arctic, Yakutia, indigenous peoples, I. S. Gurvich, research, expeditions.

В арктических районах Республики Саха (Якутия) проживает несколько народов, относящихся к коренным: долганы, чукчи, эвенки, эвены, юкагиры и якуты. Данный перечень, как правило, дополняется самобытным русским старожильческим населением, представители которого также ведут традиционное природопользование.

Столь богатая этническая палитра, естественно, давно приковывала внимание ученых. В частности, на Севере Якутии проводили исследования выдающиеся этнографы В. И. Иохельсон и В. Г. Богораз [1, с. 137–145], участники фундаментальной Якутской комплексной экспедиции 1925–1930 гг. [2] и др. Однако именно к 1950-м гг. сложились необходимые условия для осуществления практически одновременного этнографического изучения всех аборигенных этнических сообществ региона, в результате которого были рассмотрены состояние традиционного хозяйства, материальной и духовной культуры, межэтнических связей, а также исследованы происходящие этнические процессы. Эти условия были определены сочетанием ряда факторов: развитием сети исследовательских учреждений страны и, в частности, созданием в 1949 г. Якутского филиала Академии наук (ЯФ АН) СССР, в рамках которого действовал Институт языка, литературы и истории (ИЯЛИ); повышением доступности изысканий, связанным с внедрением новых видов транспорта и, главное, сосредоточением аборигенного населения северных районов Якутии в достаточно локальных ареалах, которое было вызвано проводившейся политикой коллективизации и поселкования.

В результате в течение 1951–1954 гг. силами экспедиций ИЯЛИ ЯФ АН СССР было проведено фактически сплошное этнографическое обследование арктических районов Якутии (за исключением Северо-Запада рес-

публики – здесь аналогичные исследования велись в 1940-х гг.).

Первая из этих экспедиций, в состав которой входили кандидат исторических наук, научный сотрудник института И. С. Гурвич (руководитель) и лаборант-переводчик, была отправлена в Нижне- и Среднеколымский районы Якутии. Исследования проходили в период с конца апреля по октябрь 1951 г. При этом маршрут экспедиции, как отмечал И. С. Гурвич, был составлен таким образом, чтобы провести сплошное обследование названных районов, изучить все этнические группы, охватить максимальное количество наслегов, колхозов и поселков [3, с. 200]. В этом плане показателна общая протяженность маршрутов: в Нижнеколымском районе она составила около 1600 км (из которых 750 были преодолены на собаках, 450 на оленях, 150 на лошадях, 250 на лодках и катерах), в Среднеколымском – 1470 км (720 на лошадях и 750 на лодках и катерах) [4].

Соответствующей по масштабам была и программа работ экспедиции. С целью выявления этнического состава Нижне- и Среднеколымского районов И. С. Гурвичу предстояло провести посемейный опрос о национальной самоидентификации, определить языковую принадлежность респондентов, изучить похозяйственные книги и списки. Важной задачей было выяснение географической локализации и примерной численности коренного населения исследуемого ареала. Кроме того, планировалось собрать материал о родоплеменной принадлежности опрошенных, истории административного деления, взаимоотношениях между различными этническими сообществами, а также рассмотреть культуру, хозяйство и быт аборигенных этносов [5].

В ходе исследований И. С. Гурвич зафиксировал в Нижнеколымском районе 314 чукчей, 29 юкагиров, бо-

лее 370 эвенов, 450 (цифра примерная) русских старожилов и ассимилировавших с ними представителей других этносов (чуванцы, юагиры, татары), которые считали себя русскими. Кроме того, в колхозах «Сутаня-Удиран» (с. Андрюшкино) и «Оленевод» (с. Туустах-Сен) было выявлено 135 якутов. Среднеколымский район, по наблюдениям ученого, оказался более однородным в этническом плане: здесь проживало около 270 эвенов, а основной костяк населения составляли якуты.

Одновременно с определением национальной принадлежности И. С. Гурвич выявлял язык, который употребляло местное население в быту, а также в основном в делопроизводстве, школьной практике и общественной жизни исследуемых районов.

В колхозах «Турваургин» (с. Колымское), «Оленевод» и «Сутаня-Удиран» Нижнеколымского района было опрошено 600 человек. Опрос включал сведения о количестве языков, которым владеет респондент, а также о том, какой из этих языков он считает родным. Исследования показали, что для коренных этносов района характерно многоязычие – большинство чукчей, эвенов и юагиров владело или хотя бы могло объясниться на трех-четырех языках (русский, чукотский, эвенский, юагирский или якутский). При этом значительная часть полиглотов родными языками называли юагирский и эвенский. Данный факт И. С. Гурвич связал с малочисленностью и большой подвижностью юагиров и эвенов, делавших многоязычие, необходимое для налаживания коммуникации с соседями, обязательным элементом повседневной практики. Любопытными представляются полученные учеными сведения о том, что явление многоязычия на территории Нижнеколымского района получило широкое распространение сравнительно недавно – лишь в конце XIX в. в результате активизации совместной хозяйственной деятельности и появления родственных связей. Например, 96-летний информатор И. С. Гурвича юагир Т. Т. Трифонов сообщал, что еще в годы его молодости юагиры «держались вместе и говорили только по-одульски» и лишь немногие из старейшин «умели объясняться на языке соседей», а 71-летний чукча Г. А. Слепцов рассказывал, что эвенским языком он овладел «благодаря своей жене – эвенке и общению с ее родственниками, якутский язык изучил общаясь с якутами, так как вывозил груз на оленях из Среднеколымска, по-русски стал понимать, так как приходилось общаться с колымчанами, приезжавшими в их стойбище по торговым делам». «Международным» языком в Нижнеколымской районе являлся русский. На нем проводились собрания, велось делопроизводство и преподавание. На втором месте по популярности был чукотский язык, затем шел якутский. Якутский язык являлся ведущим в Среднеколымском, а также юго-западной части Нижнеколымского районов, где население употребляло его и в быту, и в общественной жизни [6].

Достаточно интересны наблюдения И. С. Гурвича за языком русских старожилов Нижнеколымского района. Ученый отметил значительное своеобразие их говора («сюсюканье, сладкоязычие – пристрастие к уменьшительным, ласкательным и уничижительным формам»),

а также обилие в словарном фонде древнерусских слов и заимствований из языков соседних народов [7]. Примечательно, что всего через восемь лет, побывавший в этих же местах во время Юагирской комплексной экспедиции И. С. Гурвич установит уже «стремительное» разрушение и фактически полную утрату оригинальных старожильческих говоров, произошедших, по его мнению, в результате развития средств массовой информации и активного проникновения в район пришлого русскоязычного населения [8].

Помимо самобытности речи русских старожилов И. С. Гурвич в 1951 г. выявил сохранность старинных хороходных песен, напевов, повествующих о различных исторических событиях XVIII – XIX вв., рассказов о противостоянии в прошлом с чукчами, а также былин, которые не рассказывались, а пелись. Сами русские старожилы при этом резко отделяли себя от приезжих русских, называя тех русаками [9].

На основе полученных во время экспедиции данных И. С. Гурвич определил ареал расселения и составил краткое описание истории хозяйственной деятельности эвенов, чукчей, юагиров и якутов Нижне- и Среднеколымского районов в конце XIX – 20-х гг. XX вв. После коллективизации, по мнению ученого, еще более ускорились ассимиляционные процессы, которым значительно способствовало широкое распространение межнациональных браков. В результате И. С. Гурвич отметил значительное смешение коренных народов исследуемого ареала, их культуры и обычаев. Так, было установлено, что юагиры переняли эвенский тип жилища, покрой одежды и обуви, образ жизни, в то же время сохранив свой язык и даже распространив его среди эвенов. Среди якутов получила распространение заимствованная у русских хозяйственная утварь, русская и чукотская одежда. Восприняли мужскую одежду чукчей и эвены. У самих чукчей, наряду с сохранностью своей национальной одежды, а также традиционного жилища – яранги с пологом, наблюдалось отмирание ряда обычаев (добровольная смерть, отработка за жену, обмен женами и т. д.). Одновременно, в ходе исследований И. С. Гурвич выявил представителей некоторых из бывших юагирских и эвенских родов, установил примерные территории их жизнедеятельности и входившие в них семьи [10].

Наряду с проведением рассмотренных выше работ, участники экспедиции собрали коллекцию экспонатов, включавшую 78 предметов. Среди них были образцы национальной одежды чукчей, женской одежды эвенов, модели собачьих и оленьих нарт. У русских старожилов И. С. Гурвич приобрел копье и копьёметалку на линных гусей и уток, набородник, куклу для вызывания ветра, набор детских игрушек. Из древнего якутского погребения были взяты лук, налучье, стрелы из мамонтовой кости, колчан и фрагменты вышивок [11].

В следующем году экспедиционные исследования проводились в Момском, Абыйском и Аллаиховском районах ЯАССР в период с 21 июня до 1 октября. В состав экспедиции в бассейн Индигирки вновь входили И. С. Гурвич и лаборант-переводчик.

Программа работы экспедиции, в целом, повторяла цели и задачи исследований 1951 г. В частности, предполагалось с помощью посемейного опроса установить языковую и национальную принадлежность респондентов, изучить материалы местных архивов (в первую очередь связанных с работой землеустроительных экспедиций), колхозные похозяйственные списки, а также провести наблюдение за современной хозяйственно-бытовой практикой коренного населения [12].

И. С. Гурвич составил карты-схемы расселения и определил примерную численность представителей аборигенных этнических сообществ исследуемых районов: якутов, русских старожилов, эвенов и юкагиров. При этом юкагирское и эвенское население Аллаиховского района, имевшее одинаковые модели хозяйства и общий язык (эвенский), ученый счел целесообразным рассматривать как единую этническую группу. Вот, что отмечал по этому поводу сам И. С. Гурвич: «Различия между юкагирами и эвенами сводятся к деталям... В настоящее время молодежь вне зависимости от того принадлежали ли их родители к юкагирскому наслегу или к эвенским наслегам обычно причисляют себя к эвенам... Большинство населения не различают эвенов и юкагиров, т.к. нет критерия для отнесения тех или иных семей к юкагирам или эвенам. Затрудняется это и тем, что у населения не выработалось четкого национального самосознания... [Данный] процесс знаменует собой лишь то обстоятельство, что в настоящее время индигирские юкагиры окончательно слились с эвенами – образовалась фактическая более крупная группа эвенов» [13].

Большое значение в ходе экспедиции придавалось анализу лингвистической ситуации. И. С. Гурвич определил язык, преобладавший в сферах администрирования, образования и быта местного населения. За редким исключением (Русско-Устьинский наслег и Чокурдах, где преобладал русский язык) таким языком оказался якутский. Им, в частности, владело все эвенское население рассмотренного ареала. При этом явление многоязычия, отмеченное И. С. Гурвичем в Нижнеколымском районе, в соседнем Аллаиховском районе ко времени экспедиции встречалось только у представителей старшего поколения. Ранее же массовое знание трех и более языков (русский, эвенский, якутский, чукотский) было, по свидетельствам старожилов, достаточно широко распространено. Кроме того, по наблюдениям И. С. Гурвича, в низовьях Индигирки в результате развития транспортной системы, школьной сети и завоза современной литературы, происходил процесс утраты аллаиховскими якутами местных особенностей речи и восприятия якутского литературного языка [14].

В ходе экспедиции также были собраны существующие у местных жителей предания о заселении территорий Момского, Абыйского и Аллаиховского районов, материалы по истории хозяйственной деятельности, быту, различным элементам традиционной культуры (одежда, обычаи, жилища) аборигенов. И. С. Гурвич выявил ряд интересных особенностей в жизни якутского населения исследуемых районов. Среди них, в частности, было отмечено строительство абыйскими якутами своих юрт

отдельно от хотонов; существенное воздействие, оказанное на данную этническую группу русскими старожилами, нашедшее отражение, в том числе в словарном фонде, повседневном быте, а также антропологическом облике. В свою очередь, традиционное хозяйство момских якутов испытывало серьезное влияние со стороны эвенского населения. Аналогичные специфические черты исследователь установил для различных групп эвенов и русских старожилов.

Изучению последнего из названных этнических сообществ И. С. Гурвич уделил значительное внимание, работая в Аллаиховском районе. Ученый отметил интересные особенности говора русских старожилов (например, в отличие от своих колымских сородичей, заменявших звук «ц» звуком «с», индигирские, наоборот, в целом ряде слов заменяли звук «с» на «ц» – «Ценя» (Сеня), «циний» (синий) и др.), наличие в их речи множества архаизмов и заимствований из юкагирского и якутского языков, специфику построения предложений (игнорирование родительного падежа – «ружье нету» (нет ружья) и т. п.). Кроме того, были рассмотрены сохранившиеся у русских старожилов поверья, былины, легенды и народные песни. Причем содержание некоторых из них, как установил И. С. Гурвич, было неясно даже для самих рассказчиков, не понимавших значение многих слов [15].

Также во время экспедиции было сделано около 700 фотоснимков, выполнены чертежи жилых и хозяйственных построек, зарисовки традиционной этнической одежды, обуви и орнамента [16].

В продолжение исследований в 1953 г. ИЯЛИ ЯФ АН СССР была организована экспедиция в Верхоянский, Саккырырский, Усть-Янский, Булунский и Жиганский районы Якутии. Во главе ее вновь стоял И. С. Гурвич. Кроме того, на разных этапах экспедиции в ней принимали участие коллектор А. Н. Окороков и лаборанты-переводчики А. Н. Божедонов, Е. Д. Колесов, С. Н. Горохов, Н. Ефимов. Исследования продолжались с ноября 1953 г. до мая 1954 г [17; 18].

В ходе изысканий участники экспедиции определили этнический состав, проанализировали социолингвистическую ситуацию и выявили особенности расселения аборигенных сообществ.

Подавляющее большинство коренных жителей Верхоянского района составляли якуты. Их поселения, в отличие от своих колымских и абыйских сородичей, «разбросанных по озерам», располагались преимущественно по берегам Яны и ее притоков – Адыче, Бытантаю, Дулгалаху, Сартангу и ранее назывались тогоями (*тогой* (як.) – излучина реки). Участники экспедиции составили карты ряда тогоев и расселения верхоянских якутов в начале XX в. 21 из 1190 хозяйств Верхоянского района были отнесены исследователями к эвенским. Как установил И. С. Гурвич, эвены переселились в Верхоянье около 30–40 лет назад из Момского и Томпонского районов после резкого сокращения там численности диких оленей. При этом они не составляли компактных групп и, хотя «в быту употребляли эвенский язык», однако все владели также и якутским [19].

Население Саккырырского района состояло из двух основных этнических групп: эвенов (190 хозяйств из 356) и якутов. Эвены района, в свою очередь, делились на ламунхинских, проживавших в Ламунхинском наслеге (сам наслег обследован не был, так как в 1953 г. в нем работала лингвистическая экспедиция К. А. Новиковой, предоставившая исследователям необходимые сведения), и тюгасирских (Тюгасирский, Верхне- и Нижнебытантайский наслег). Как установил И. С. Гурвич, представители двух эвенских групп «с трудом понимали» друг друга, так как если ламунхинцы «достаточно полно сохранили свой язык», то тюгасирцы «сохранили только эвенский строй языка», а большинство слов были заменены якутскими. Молодежь тюгасирских эвенов, по наблюдениям ученого, уже совсем не говорила на эвенском языке (а «только понимала»). Эти различия прежде всего были обусловлены тесными контактами тюгасирских эвенов и якутов – как показала работа исследователей с посемейными списками, большая часть тюгасирцев находилась с последними в кровном родстве [20].

Усть-Янский район, оказался, как отметил И. С. Гурвич, одним из самых сложных в отношении этнического состава. На его территории были выявлены якуты и объякутившиеся потомки русских старожилов, эвены и слившиеся с ними потомки юкагиров. При этом отдельные группы якутского населения («усть-янская, омолойская, селеняхская и уяндинская»), различались типами хозяйства, особенностями материальной и духовной культуры [21].

Исследования в Булунском районе позволили И. С. Гурвичу провести четкую грань между эвенским и эвенкийским населением, отсутствовавшую тогда в официальных документах. К эвенкам ученый отнес население Хараулахского наслеге («тюгасирцы северного рода»). Эвенками, по его мнению, являлись потомки тунгусских родов кюнцев и эжанцев, ко времени экспедиции, впрочем, владевшие только якутским языком и практически «ничем не отличавшиеся от булунских якутов» [22]. Особенности, «эвенкийские», черты культуры исследователь обнаружил только в области верований и охотничьих обычаев, хотя и в них, как отметил И. С. Гурвич, все «элементы оказались перемешанными с якутскими представлениями» [23, с. 5].

Схожая ситуация была зафиксирована и в Жиганском районе. Здесь группы эвенков оленеводов-охотников еще в XIX в. сблизилась с якутами выходцами из центральных и вилкойских районов, восприняли якутский язык и утратили многие черты эвенкийской культуры. В результате, по полученным участниками экспедиции данным, для подавляющего большинства населения района родным языком являлся якутский, а жиганские эвены ничем не отличались по культуре от якутов.

Важное место в исследованиях 1953–1954 гг. занимал сбор у информантов сведений о хозяйственной деятельности, образе жизни их предков, сохранившихся легенд о переселении и заселении исследуемых районов якутами, преданий о происхождении и истории местных родов, первых контактах с русскими, а также существовавших брачных традиций, примет, обычаев, поговорок и анимис-

тических представлений. Кроме того, И. С. Гурвич изучал местную специфику покрова национальной одежды, конструкции традиционных жилищ, орудий труда и транспортных средств аборигенов. В районных архивах ученый занимался анализом документов, связанных с поселкованием и районированием исследуемых территорий в советский период [24].

Существенный интерес представляет проделанная И. С. Гурвичем работа по определению региональных особенностей культуры якутов. Так, например, по его наблюдениям, традиционные жилища, одежда, пища и средства передвижения верхоянских якутов были значительно ближе к культуре якутов центральных районов ЯАССР, чем колымских или индигирских. Об этом же свидетельствовали и результаты проведенного анкетирования и анализа исполнения ряда фольклорных произведений, которые показали, что говор якутов Верхоянья был близок к говору жителей Усть-Алданского и Намского районов [25].

Наряду с рассмотренными выше работами, участники экспедиции занимались сбором этнографической коллекции. В частности, в Саккырырском районе ими была приобретена эвенская женская шуба, летние торбаза, собраны выкройки эвенской одежды, обуви и шапок [26].

Таким образом, в результате проведенных в 1951–1954 гг. сотрудниками ИЯЛИ ЯФ АН СССР исследований, был получен комплекс этнографических сведений о коренном населении арктических районов Якутии: их истории, расселении, хозяйственной деятельности, культуре, межэтнических связях и социолингвистической ситуации. Внимание ко всем аборигенным этносам позволило создать широкую панораму этнических процессов, происходивших в середине XX в. на Севере Якутии, что нашло отражение в фундаментальной монографии, ряде научных статей, а также разработанных на основе проведенных изысканий научно-обоснованных рекомендациях по улучшению условий жизни местного населения [23; 27; 28].

1. Ширина Д. А. Россия: научное исследование Арктики. XVIII в. – 1917 г. Новосибирск: Наука, 2001. 191 с.

2. Ермолаева Ю. Н. Этнографические исследования Якутской экспедиции АН СССР 1925–1930 гг. // Известия Алтайского государственного университета. 2009. № 4. Т. 2. С. 54–57.

3. Гурвич И. С. Этнографическая экспедиция в Нижне-Колымский и Средне-Колымский районы Якутской АССР в 1951 году (предварительный отчет) // Советская этнография. 1952. № 3. С. 200–209.

4. Архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН (Архив ЯНЦ СО РАН). Ф. 5. Оп. 1. Д. 231. Л. 3–4.

5. Там же. Д. 233. Л. 1–5.

6. Там же. Д. 231. Л. 37–46.

7. Там же. Л. 23.

8. Архив Российской академии наук. Ф. 142. Оп. 1. Д. 1202. Л. 20–21.

9. Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 231. Л. 21–24.

10. Там же. Л. 7–46.
11. Там же. Л. 88–89.
12. Там же. Д. 247. Л. 1–15.
13. Там же. Д. 236. Л. 26–28.
14. Там же. Л. 9, 42–43.
15. Там же. Л. 10–22.
16. Там же. Л. 70–71.
17. Там же. Д. 250. Л. 1.
18. Там же. Д. 258. Л. 1.
19. Там же. Д. 250. Л. 1–2.
20. Там же. Л. 5–6.
21. Там же. Д. 258. Л. 87.
22. Там же. Л. 149–150.

23. Гурвич И. С. Современные этнические процессы, протекающие на севере Якутии // Советская этнография. 1960. № 5. С. 3–11.
24. Архив ЯНЦ СОРАН. Ф. 5. Оп. 1. Д. 258. Л. 2–185.
25. Там же. Д. 236. Л. 2–3.
26. Там же. Л. 8.
27. Гурвич И. С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966. 276 с.
28. Научный архив Института этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (ИЭА) РАН. Ф. 142. Оп. 2. Д. 38.

© Сулейманов А. А., 2015

УДК 94(443.82)

Д. Н. Черкасов
D. N. Cherkasov

**«МЕССЕНСКАЯ РЕСПУБЛИКА»
В ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЖИЗНИ
ФРАНКО-ГЕРМАНСКОГО ПОГРАНИЧЬЯ
(КОНЕЦ XIV – ПЕРВАЯ
ПОЛОВИНА XV ВВ.)**

**“THE MESSENIAN REPUBLIC”
IN THE POLITICAL LIFE
OF THE FRANCO-GERMAN BORDERLANDS
(THE END OF THE XIV –
THE FIRST HALF OF THE XV CENTURY)**

В статье рассматривается политика г. Меца в конце XIV – первой половине XV вв. и его роль в рамках отношений Франции и Священной Римской империи, позиции Меца в контексте региональных отношений франко-имперского пограничья (герцогства Лотарингия, Люксембург, Бар, Бургундское государство, епископы Меца), а также его взаимоотношения с местной феодальной элитой.

Ключевые слова: Франция, Священная Римская империя, Мец, Лотарингия.

The article discusses the politics of Metz at the end of the XIV – the first half of the XV century and its role in the relations between France and the Holy Roman Empire, the position of Metz in the context of regional relations Franco-imperial borderlands (the Duchy of Lorraine, Luxembourg, Bar, the State of Burgundy, the bishops of Metz), as well as its relationship with the local feudal elite.

Keywords: France, the Holy Roman Empire, Metz, Lorraine.

Франко-германское пограничье (регион Лотарингии) в XIV–XV вв. было объектом постоянной борьбы интересов Священной Римской империи и Франции. В течение столетий местные правители, крупные и средней руки сеньоры, использовали эту борьбу для укрепления своей независимости и влияния, балансируя между двумя глобальными силами. В результате к позднему Средневековью тут утвердилось неустойчивое равновесие интересов крупных государств (Священная Римская империя, королевство Франция), их премьер-вассалов (герцогства Лотарингия, Люксембург, Бар, епископства и города-республики Мец, Туль и Верден) и влиятельных феодальных сеньоров. В расстановке политических сил франко-германского пограничья в позднем Средневековье важную роль играл г. Мец. Цель данной статьи раскрыть роль и значение Меца в политической жизни франко-германского пограничья конца XIV–первой половины XV вв.

Источниковой базой по истории Меца в позднем Средневековье является комплекс нарративных источников XV–XVI вв., включающий в себя хроники Прайона, декана Сен-Тибо, Виньоля, Юссона и Обриона, а также «Хрони-

ки города Меца» Югенена, созданные в начале XIX в., на основе средневековых хроник и документов.

История г. Меца стала активно разрабатываться с XVIII в. Одними из первых значимых трудов стали 7-томная «История Лотарингии» Кальмета, дополненная рядом исторических хроник и документов, и бенедиктинская «История Меца» Франсуа и Табуйо. В XIX в. к крупным исследователям истории Меца можно отнести К. Вивиля, Ж. Вормса, А. Клипффеля, Л. Ларше, О. Проста. В XX–начале XXI вв. изучением истории Меца и Лотарингии в целом занималось значительное количество исследователей [1]. Большой вклад в историографию Меца внес Ж. Шнейдер [2].

Мец – город-государство. В XIV–XV вв. Мец являлся значимым политическим и экономическим центром Священной Римской империи. С 1234 по 1552 г. Мец превратился в самостоятельный субъект империи, имевший все атрибуты суверенного государства: правительство, верховный суд, финансы, независимую внешнюю политику [3, р. 27].

По количеству жителей Мец был одним из крупнейших городов империи. В XIV в. число жителей Меца равнялось

примерно 25 тыс., уступая в этом отношении только Кельну [4, р. 60–61]. В XV в. число жителей Меца могло достигать 40 и даже 60 тыс. человек [5, р. 115].

По словам французского историка Л. Ларше, «свобода Меца заключалась в его стенах», поэтому, находясь на границе, в окружении сильных соседей, город уделял огромное внимание своей защите. В позднем Средневековье он стал одним из шедевров городской фортификации [3, р. 28]. По этой же причине Мец, едва ли не первый в Европе (1324 г.), стал использовать артиллерию [6, р. 111–112].

Мец был столицей епископства и крупным религиозным центром. В конце XIV в. здесь насчитывалось 20 приходских церквей внутри городских стен и 6 церквей за стенами города. В городе насчитывалось 8 бенедиктинских аббатств (5 мужских и 3 женских) и 1 цистерцианское [7, р. 36]. Однако город не был местом постоянного пребывания епископов, предпочитавших в качестве резиденций использовать замки, например Номени, построенный епископом Тьерри Байе де Боппаром в 1390 г. [8, р. 438].

В 1234–1552 гг. Мец управлялся олигархией и аристократией. Этот период в истории города известен как «Мессенская республика» [7, р. 7]. Важнейшие дела жизни города решал Большой Совет, в который, помимо городского патрициата, входили 25 представителей от городских ремесленников, так называемые *Comtes jurés* (присяжные) [3, р. 33]. Однако реальная власть в городе принадлежала «парагиям» – кланам мессенской городской аристократии [3, р. 30]. Существовало 6 парагий представлявших большие кварталы города. Все значимые места в управлении города занимали представители парагий [7, р. 31]. Каждая парагия имела свое войско, резиденцию, герб, печать [3, р. 30].

Республику представлял глава города – мэтр-эшевен, которому помогали 12 эшевеннов [3, р. 31]. Судебную власть осуществляли «Тринадцать». В их подчинении были сержанты, исполнявшие функции городской полиции [3, р. 33]. Мэтр-эшевен и «Тринадцать» назначали «Семь военных», которые обеспечивали безопасность города и командовали солдатами [3, р. 32]. Городская округа Меца, состояла из земель Порсайи, Порт-Мозель и Отр-Мозель, которыми руководили назначаемые правительством Меца мэры [3, р. 34].

Косвенно город представляли так называемые пенсионеры, которые получали от города ежегодные выплаты за оказываемые услуги. К ним принадлежали окружавшие Мец сеньоры, служившие городу в дни опасности, а также доктора права и теологии, представлявшие интересы города при папском дворе и в имперских делах [3, р. 35]. В целом политическая организация Меца в XIII–XV вв. напоминает таковую в городах Северной Италии [7, р. 7].

Находясь в выгодном географическом положении, Мец рано превратился в важный торговый и ремесленный центр франко-имперского пограничья. Мец был также крупным банковским центром. Средоточием ростовщичества были площадь и улица Менял, где располагались меняльные конторы, контролировавшие обмен денег. Ремесло менял в Меце считалось наиболее благородным

[4, р. 45, 47]. Корпорация менял, упраздненная в 1406 г., влияла на муниципальные законы регулировавшие деятельность других ремесел [9, р. 139–140].

Мец между Францией и империей. Мец на протяжении высокого и позднего Средневековья испытывал на себе растущее влияние Франции. Юридически Мец был частью империи. Представители Меца приносили германским императорам клятву верности, получая взамен подтверждение своих вольностей, прав и привилегий. Но власть императоров над Мецем была номинальной, они не имели сил и средств заставить Мец подчиниться своей воле. Так, в 1399 г. Венцеслав Люксембург не смог отнять у Меца данное ему ранее право высшей юстиции – бана (24 мая 1399) [10, р. 605].

В то же время укрепление королевской власти во Франции в XIV в. позволило ей вмешиваться в дела Лотарингии и Меца. Франкоязычный Мец был связан с Францией культурными и экономическими узами, а благодаря контролю над папами короли Франции имели в Меце лояльных по отношению к ним епископов. Некоторые сеньоры Меца были пенсионариями Франции и участвовали в ее войнах [3, р. 28]. Так, например, в 1384 г. часть сеньоров Меца служила королю Франции Карлу VI во Фландрии [10, р. 593]. В 1437 г. некоторые сеньоры Меца помогли Карлу VII против англичан при осаде г. Монтеро [11, р. 66].

В конце XIV в. Мец оказался втянут в борьбу Франции и империи, связанную с расколом Церкви. Мец принял сторону Франции и ее кандидата – авиньонского папы Клементы VII, в то время как Венцеслав Люксембург призывал поддержать римского папу Урбана V [12, р. 55]. В 1384 г. Клемент VII назначил епископом Меца Пьера де Люксембурга, сына коннетабля Франции, которому не было еще 16 лет [10, р. 594]. Венцеслав не признал юного епископа и выдвинул своего кандидата, которого, будучи в 1384 г. в Меце, склонял принять епископом [10, р. 596]. Мец не согласился на это, и отвергнутый претендент сколотил против города коалицию из местных феодалов [12, р. 56]. В 1388 г. благодаря Клементу VII епископом Меца стал еще один представитель французской знати – Рауль де Кузи, родственник Лотарингского дома [10, р. 600].

После низложения в 1400 г. Венцеслава Люксембурга (не признавшего этот акт) и выбора королем Римским Руперта Баварского в Германии стало два короля. К этому времени во Франции при психически больном Карле VI борьбу за власть вели Орлеанский и Бургундский дома. В условиях, когда было два папы, два короля и две враждующих группировки во Франции, Мецу трудно было оставаться нейтральным: он принял сторону Руперта, союзника герцога Бургундского, за которого были также Савойя, Бавария, Австрия, Венеция. В ответ Венцеслав предоставил в управление врагу Бургундского дома Луи Орлеанскому герцогство Люксембург, чтобы противопоставить его усиливающемуся бургундскому влиянию на франко-германском пограничье. Одновременно герцог Орлеанский начал борьбу с Мецем, с целью его подчинения [13, р. 122]. Здесь нужно подчеркнуть, что Луи Орлеанский действовал не только как проводник личных интересов,

но и интересов своего родного брата, короля Карла VI. Руперт Баварский знал о действиях герцога Орлеанского и через свою сестру Изабеллу, королеву Франции, старался отговорить его от развязывания большой войны в Лотарингии, указывая на имперские права в отношении Меца. Однако его увещания оказались тщетны [5, р. 54; 10, р. 611]. Только убийство Луи Орлеанского в 1407 г. по приказу Жана Бесстрашного, герцога Бургундского, положило конец его политике.

С 1415 г., после начала нового этапа Столетней войны между Англией и Францией и поражения французов в битве при Азинкуре, влияние Франции на лотарингский регион заметно ослабло. Оно проявлялось в основном через союзный Франции Анжуйский дом в лице Рене Анжуйского, ставшего с 1418 г. герцогом де Бар, а с 1431 г. – герцогом Лотарингским.

Успехи Франции в войне с Англией к концу 1430-х гг. усилили ее влияние на Лотарингию и Мец. Карл VII, окрыленный успехом, видел уже границы своего государства на берегах Рейна. Однако во второй половине 1430–начале 1440-х гг. амбиции Франции ограничивались походами отдельных французских капитанов с отрядами мародеров (экоршеров). Некоторые из них стремились утвердиться здесь и взять под контроль часть территории. Так, например, в 1434 г. окрестности Меца разорял Потон де Ксентрай с 1,5 тыс. французов [11, р. 63]. В 1441 г. около 3 тыс. французов вошли в земли Меца и разорили их в течение 3 недель, захватив г. Горц и т. д. [14, р. 82].

Самой значительной попыткой поставить Мец в зависимость от Франции был поход Карла VII в 1444 г. и осада города. Поводом к походу была обида, нанесенная жителями Меца герцогу Рене Анжуйскому. В реальности же Карлу VII нужно было удалить из страны наемников, оставшихся не у дел после подписания англо-французского перемирия в Туре в 1444 г. и одновременно сохранить их в боевой готовности до окончания перемирия с Англией [15, р. 26]. Также Карл VII хотел закрепить на берегах Мозеля, в том числе в Меце, и таким образом не дать утвердиться в Лотарингии Филиппу Бургундскому, который уже был хозяином Люксембурга и для которого Лотарингия оставалась последним препятствием не позволявшим соединить его северные и южные владения (т. е. Нидерланды и Бургундию).

Карл VII предъявил жителям города свои права верховного правителя, апеллируя к временам Карла Великого, и предложил Мецу принести ему клятву верности, на что Мец ответил молчанием. Тогда король начал войну. В сентябре 1444 г. город был окружен, а окрестные укрепления захвачены французской армией [15, р. 27]. Длительная осада вынудила обе стороны искать компромисс. В результате 25 февраля 1445 г. между Францией и Мецем был заключен мирный договор. Мец откупился огромной суммой в 84 тыс. золотых флоринов, но сохранил свою свободу [15, р. 38–39].

Мец и княжества пограничья. Среди княжеств франко-германского пограничья Мец выступал наравне с такими землями, как герцогства Лотарингия, Люксембург, Бар и епископство Мец. Политический ландшафт конца

XIV – первой половины XV в. характеризовался постоянными конфликтами между наиболее могущественными княжествами, епископствами и городами-государствами франко-германского пограничья, частой сменой союзов, вовлечением в борьбу многочисленных феодальных сеньюров, таких как графы де Сальм, де Саррбрюк, де Ла Марк, де Бламон, де Вернанбург и др.

Епископы Меца были наиболее близко связаны с городом, который был столицей их диоцеза. Они были также крупными феодалами, владения которых располагались в непосредственной близости от города. Однако их значительное влияние на Мец с годами неуклонно уменьшалось. После конфликта 1373–1376 гг. епископы больше не решались идти на противостояние с городской коммуной [16, р. 329].

Герцоги Лотарингии, Люксембурга и Бара, привлеченные богатством Меца, совершали неоднократные попытки подчинить себе город. В 1405 г. против Меца образовалась коалиция в лице Роберта, герцога де Бар и Луи Орлеанского, получившего в управление герцогство Люксембург [16, р. 330]. К этому союзу подключились графы Нассау, де Саррбрюк, де Саррверден, де Сальм и сеньор де Булэй [10, р. 609].

В противовес им Мец заключил союз с епископом Меца Раулем де Кузи и герцогом Карлом II Лотарингским [16, р. 331]. За помощь герцога Лотарингского Мец заплатил 10 тыс. франков и 1 тыс. франков ежегодной пенсии [17, р. 133]. Внутренняя смута, так называемая «жакерия» 1405 г., привела к поражению мессенцев в битве при Женетруа 24 ноября 1405 г., которое, к счастью для города, не стало катастрофой [10, р. 610–611].

Часть горожан, изгнанных в результате «жакерии», решила пойти на сговор с герцогом Орлеанским и Эдуардом маркизом Понт-а-Муссон (сыном герцога де Бар) и сдать им город, который предполагалось, разделить между обоими сеньорами. В ходе дальнейших переговоров герцог Орлеанский ужесточил условия сделки и согласился на раздел города при условии, что Эдуард де Бар принесет ему оммаж (вассальную присягу) за половину Меца [10, р. 611–612]. Мец, чтобы уладить конфликт, направил в июле 1407 г. в Париж посольство к герцогу Орлеанскому с целью добиться мира [17, р. 136]. Эдуард де Бар решил действовать сам и захватить Мец врасплох. Попытка оказалась неудачной [10, р. 613]. Более того, в 1407 г. Карл Лотарингский одержал победу при Шампиньоле, над коалицией крупных сеньюров, сколоченной герцогом Орлеанским. В плену оказалось множество графов и баронов, которых заставили заплатить за освобождение огромный выкуп (по 60 тыс. экю за графа и по 30 тыс. за барона) и заключить мир с герцогом Лотарингским и Мецем [10, р. 613–614]. Все это, а также убийство Луи Орлеанского в ноябре 1407 г., прекратило войну. Мир был подписан 2 июля 1408 г. Раулем де Кузи, епископом Меца, Карлом Лотарингским, городом Мецем, с одной стороны, и Робертом де Бар, его сыном Эдуардом маркизом Понт-а-Муссон, с другой [5, р. 54–55].

Герцог Лотарингский не сохранил надолго дружбу с мессенцами. Разные обстоятельства служили ему

поводом, чтобы разорвать союз, заключенный с ними. В 1415 г. Мец в союзе с герцогом де Бар, разрушил крепость Сольси, принадлежащую Анри де Ла Туру, вассалу герцога Лотарингского. Герцог поддержал своего вассала против Меца [17, р. 141]. В 1423 г. велась война между Мецем и герцогом Лотарингским из-за действий жителей г. Сольн против г. Омбурга [5, р. 56; 10, р. 618].

В сентябре 1427 г. началась длительная война между Мецем и герцогом Лотарингским, известная в истории как «война за корзину яблок». Действительно, в 1427 г. аббат монастыря Сен-Мартэн Николь Шайо нарвал корзину яблок в монастырском саду, находившемся на землях герцога Лотарингского, и повез их в Мец [5, р. 56]. Герцог заявил фискальные права на продажу овощей и фруктов со своих земель в городе, который, в свою очередь, отказался их признавать, сославшись на имевшиеся у него вольности и привилегии [10, р. 626; 17, р. 151]. Карл Лотарингский перекрыл все дороги в своем государстве в сторону Меца и просил о том же герцогиню Люксембургскую, но эта принцесса отказалась, не пожелав начинать вражду с важным для ее земель Мецем [10, р. 627]. Взаимное противостояние вылилось в периодическое разорение земель друг друга, тянувшееся более полутора лет.

Наконец, в июле 1429 г. герцог Лотарингский попытался захватить Мец силой. Он привлек к этому делу своих зятьев – Рене Анжуйского и герцога Баденского, а также герцога Баварского и архиепископа Кельнского. Однако армии в 10 тыс. конницы и 20 тыс. пехоты оказалось недостаточно, чтобы овладеть городом [10, р. 627]. Осада затянулась. При посредничестве епископа Меца, Конрада Байе де Боппара, и графа де Сальм удалось прекратить войну, длившуюся около 3 лет [18, р. 114]. Перемирие было заключено 7 декабря 1429 г. [10, р. 629–630]. Мир был заключен в 1431 г. после смерти Карла Лотарингского его преемником – Рене Анжуйским [5, р. 59].

20 августа 1433 г. в Меце прошел конгресс, на котором представители города, герцога Лотарингского, герцогини Люксембургской, епископа Меца ратифицировали договор о союзе на 10 лет [10, р. 631].

В 1444 г. герцог Рене Анжуйский начал новую войну против Меца в союзе с королем Франции, о которой говорилось выше. Результатом этой войны для Рене стало списание огромного долга перед Мецем, накопившегося у герцогов Лотарингии в течение 30 лет [13, р. 150].

Таким образом, в конце XIV–первой половине XV вв. Мец использовал свое экономическое могущество и пограничное положение как средства сохранения независимости внутри империи и по отношению к Франции. Попытки герцога Орлеанского в 1405–1407 гг. и Карла VII в 1444 г. подчинить Мец Франции оказались безуспешными. Императоры Священной Римской империи не имели сил ни подчинить Мец, ни даже оказать ему военную поддержку против Франции, ограничиваясь дипломатией.

На региональном уровне Мец выступал в качестве одной из основных сил, наряду с Лотарингией, Баром и Люксембургом. Мец посредством заключения ряда союзов сумел противостоять попыткам сначала герцога де Бар и его сына Эдуарда в 1405–1407 гг., а затем герцога

Лотарингского в 1427–1429 гг. и в 1444 г. получить власть над городом.

1. См.: Bour R. *Histoire illustrée de Metz*. Metz, 1950; Bour R. *Histoire de Metz*. Metz, 1978; Chazan M. *Les antiquités de Metz (XIe–XVIe siècle) // Le passé à l'épreuve du présent: appropriations et usages du passé du Moyen Âge à la Renaissance*, Pierre Chastang. Paris, 2008; Depoux M. *La seigneurie épiscopale de Metz, ses variations territoriales de 962 à 1415*. Thèse de l'École des Chartes. Paris, 1954; Gaspard F. *Études historiques du XIIIe au XVIe siècle sur le pays messin, la république messine et le Dauphinois Farel*. Lyon, 1900; Le Moigne F.-Y. *Histoire de Metz*. Paris, 1986; Marot P. *L'expédition de Charles VII à Metz (1444–1445)*. Documents inédits, Bibliothèque de l'École des chartes. Paris, 1941; Roemer F. *Les institutions de la République Messine*. Metz, 2007; Rolin Ch. *Nomeny, Seigneurie messine et Marquisat lorrain. Ses relations avec la France et l'Empire*. Metz, 1937.

2. Основные работы: *Étude sur la fortune d'un patricien messin du XIIIe siècle*, Arnoul Aixiet. Metz, 1939; *Note sur quelques documents concernant les cités lorraines au Moyen Âge // Revue historique de la Lorraine*. 1949. T. 83; *La ville de Metz aux XIIIe et XIVe siècles*. Nancy, 1950; *Recherches sur la vie économique de Metz au XVe siècle*. Le livre de comptes des merciers messins Jean le Clerc et Jacquemin de Moyeuve (1460–1461). Metz, 1951; *Histoire de la Lorraine*. Paris, 1951; *Le droit coutumier de la ville de Metz au Moyen Âge (t. I en collaboration avec J.-J. Salverda de Grave et E.-M. Meijers; t. III)*. Leiden, 1951–1967; *Les villes allemandes au Moyen Âge. Compétence administrative et judiciaire de leurs magistrats // Recueil de la Société Jean Bodin*. 6–8. Bruxelles, 1954–1956. *Lorraine et Bourgogne, 1473–1478*. Choix de documents. Nancy, 1982.

3. Larchey L. *Coup d'oeil sur la république messine pendant la seconde moitié du quinzième siècle // Journal de Jehan de Aubrion bourgeois de Metz avec sa continuation par Pierre Aubrion (1465–1512)*. Publié en entier pour la première fois par L. Larchey. Metz : F. Blanc, 1857. P. 25–56.

4. Schneider J. *La ville de Metz au XIIe au XIVe siècles*. Nancy : Georges Thomas, 1950. 606 p.

5. Worms J. *Histoire de la ville de Metz, depuis l'établissement de la république jusqu'à la révolution française*. Metz-Nancy-Paris : Alcan, Grimblo et Raybois, Dérache, 1849. 307 p.

6. Larchey L. *Les maîtres bombardiers canonniers et coulevriniers de la cité de Metz au Moyen Âge // Mémoires de la Société d'archéologie et d'histoire de la Moselle*. Année 1860. Metz : Rouseau-Pallez, 1861. P. 107–174.

7. Roemer F. *Les institutions de la république messine*. Metz : Serpenoise, 2007. 224 p.

8. Lepage H. *Le département de la Meurthe, statistique, historique et administrative : en 2 p.* Nancy : Peiffer, 1843. P. 1. 734 p.

9. Girardot A. *La République messine // Histoire de Metz, sous la dir. F.-Y. Le Moigne*. Toulouse : Privat, 1986. P. 137–166.

10. Histoire de Metz, par des religieux bénédictins : en 2 t. Metz : J.-B. Collignon, 1775. T. 2. 703 p.
11. Chronique de Metz de Jacomin Husson (1200–1525). Publié d'après le manuscrit autographe de Copenhague et celui de Paris, par H. Michelant. Metz : Rousseau-Pallez. 1870. 380 p.
12. Teissier G.F. Histoire de Thionville. Metz : Verronnais, 1828. 494 p.
13. Viville Cl. Ph. de. Dictionnaire du departement de la Moselle : en 2 t. Metz : Antoine, 1817. T. 1. 515 p.
14. Nimsgern J.-B. Histoire de la ville et du pays de Gorz, depuis les temps pres reculés jusqu'a nos jours. Metz : Lecouteaux, 1853. 354 p.
15. Chronique de Mathieu d'Escouchy : en 3 t. Paris : J. Renouard, 1863. T. 1. 534 p.
16. Parisot R. Histoire de Lorraine : en 2 t. Paris : Auguste Picard, 1925. T. 1. 584 p.
17. Huguenin J.-F. Les chroniques de la ville de Metz: 900 – 1500. Metz : S. Lamort, 1838. 896 p.
18. Bégin E.-Au. Boppart (Conrad Bayer de) // Biographie de la Moselle : en 4 t. Metz : Verronnais, 1829. T. 1. P. 113–116.

© Черкасов Д. Н., 2015

ПСИХОЛОГИЯ ВИГЛОХИСП

Галецкая И. И.

Общая характеристика психологического здоровья
и его основных критериев

Филатова А. Ф.

Медитация и личностное развитие

ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ПСИХОЛОГИЧЕСКОГО ЗДОРОВЬЯ И ЕГО ОСНОВНЫХ КРИТЕРИЕВ

Обоснована актуальность проблемы психологического здоровья, осуществлен анализ соотношения понятий психического здоровья и психологического здоровья. Приведены определение и характеристика психологического здоровья. Обосновано, что психологическое здоровье является воплощением социального, эмоционального и духовного благополучия (как ресурса и состояния) как предиспозиции обеспечения жизненных потребностей, достижения собственных целей, адекватного взаимодействия с людьми, социальным и иным окружением.

Ключевые слова: психологическое здоровье, психическое здоровье, жизненная перспектива, ценность, смысл.

GENERAL CHARACTERISTICS OF PSYCHOLOGICAL HEALTH AND ITS MAIN CRITERIA

The urgency of mental health problem is analyzed. The article discusses relationship between the concepts of mental and psychological health. The concept and characteristics of psychological health are defined. Psychological health is the epitome of social, emotional and spiritual well-being (as a resource and the state), as predisposition of providing necessities of life, achievement of own goals, adequate interaction with people and other social environment.

Keywords: psychological health, mental health, life perspective, value, meaning.

Психическое здоровье и психологическое благополучие являются важнейшими проблемами современности. С одной стороны, как главные составляющие качества жизни, с другой – как критерии уровня развития государства и одновременно факторы его развития. Кроме того, психическое здоровье, опосредствованное психосоматическими связями и психофизиологическими механизмами, образом жизни и поведением, является фактором соматического здоровья.

Несмотря на признание значимости психического здоровья для различных аспектов жизни человека и общественного развития, проблема психического здоровья, как указано в выводах Всемирной организации здравоохранения (ВОЗ), в течение длительного времени не получала должного внимания [1; 2]. И даже после того как она приобрела новое звучание, акценты и фокусы внимания нуждаются в конкретизации. Принятые ВОЗ программы и постановления, содержащие анализ проблемы в мире и наметившие главные задачи для ее решения, отмечают необходимость изменения подходов и повышения внимания к 1) лечению психических расстройств, 2) реабилитации лиц с психическими расстройствами, 3) стигматизации и дестигматизации психических расстройств, а также 4) профилактике психических расстройств [3, с.41]. Проблема психического здоровья в системе современных наук имеет два главных аспекта: свойства, особенности, механизмы и закономерности психических расстройств / болезней; свойства, особенности, механизмы и закономерности при отсутствии психических расстройств / болезней в контексте индивидуально-психологических свойств. Определенное, хотя и недостаточное, внимание уделено проблеме формирования психического здоровья и психологического здоровья, в частности. Однако основная масса исследований касается частных аспектов

психического здоровья, его особенностей при тех или иных психических расстройствах, роли определенных психологических факторов. В то же время недостаточное внимание уделено проблеме психологического здоровья, его функциональной организации в структуре психического здоровья.

Такое недостаточное внимание обусловлено рядом факторов. В частности, проблема психического здоровья находится в фокусе интересов и внимания как психиатрии, так и психологии, одновременно педагогики и ряда других отраслей, которые занимаются проблемами общественного развития, что вызывает отсутствие единого понимания и рассогласованность трактовок. Кажется, это должно было бы обеспечивать разноаспектность анализа и получение целостной картины и понимания, на самом деле прослеживается несогласованность и разнонаправленность, а также отсутствие комплексного системного подхода. Необходимость немедленного решения проблем, связанных с психическими расстройствами, да и вопросы социально-психологической адаптации и благополучия таких лиц привлекают к себе внимание в первую очередь. Психологическое же здоровье, как невидимый мир, ярко проявляющийся в случае его повреждения в форме различных расстройств и нарушений, затмевает первоначальную идею необходимости его формирования априори. Этому утверждению можно возразить, приведя в пример разнообразные подходы педагогики и психологии по формированию личности. Но наличие большого разнообразия подходов, которые иногда благожелательно списывают на мультипарадигмальность психологии, создает особые проблемы при попытке систематизировать результаты разных исследований и свести все к общему знаменателю.

Появление понятия психологического здоровья в психологии и психиатрии закономерно. Однако, несмотря на

различные дискурсы, это понятие не имеет единой трактовки и устойчивого содержания. Можно выделить три основных подхода к трактовке психологического здоровья в современной литературе: 1) психологическое здоровье и психическое здоровье употребляют как синонимы, не определяя, в чем заключаются различия; 2) психологическое здоровье рассматривается как аналог индивидуально-психологических свойств личности в контексте социально-психологической адаптации, самосознания и субъективного благополучия; 3) психологическое здоровье трактуют как аналог личностной зрелости, своеобразное идеальное гипотетическое состояние совершенства. Дискуссия касается также соотношения психического и психологического здоровья, их соразмерности и автономности [4]. В современной литературе, посвященной проблеме психического здоровья, его критериями считают психологические (личностные) свойства.

«Психологическое здоровье» как научное понятие появляется впервые в гуманистической психологии. В частности, Абрахам Маслоу в «Self-Actualizing People: A Study of Psychological Health» развивает понятие самоактуализации как качества здоровых, хотя не идеальных субъектов. В русскоязычных переводах «Psychological Health» (психологическое здоровье) обозначалось как психическое здоровье, т. е. «Mental Health». Похожая ситуация имела место также в терминологии на украинском («психологічне здоров'я» vs. «психічне здоров'я»), польском («zdrowie psychologiczne» vs. «zdrowie psychiczne»), а также немецком («Psychologische Gesundheit» vs. «Psychische Gesundheit») языке. И хотя термин «Psychological Health» присутствует в англоязычной научной психологической литературе, его значение не имеет детальной конкретизации. О психологическом здоровье говорит К. Роджерс, описывая полноценно функционирующего человека, критерии психологического здоровья определяет в рамках рационально-бихевиоральной психотерапии Альберт Эллис. Но тем не менее длительное время этот термин вообще отсутствует в русскоязычной психологической литературе. Хотя, ради справедливости, следует заметить, что и в англоязычной литературе его четкое определение отсутствует, а понятие «психологическое здоровье» иногда употребляется как метафорическое, а не научное. Справедливости ради, нельзя не упомянуть, что и понятие «психическое здоровье» довольно часто применяют как метафору. Вследствие понимания необходимости наличия термина, отличного от термина «психическое здоровье», предлагались, например «проприум» Гордона Оллпорта или более традиционный для русскоязычной литературы термин «личностное здоровье». Основные критерии психологического здоровья, которые сформулированы и описаны К. Роджерсом, А. Маслоу и А. Эллисом, являются чрезвычайно близкими по смыслу понятиями. Общий подход в понимании сущности психологического здоровья касается наличия разумного и постоянного благополучия в своей жизни, способности решения проблем, способности воспринимать свое окружение с относительной свободой от искажения [5, с. 36–37].

В русскоязычной литературе термин «психологическое здоровье» зазвучал благодаря работам Ирины Дубровиной, которая трактует его в более традиционном дискурсе педагогической психологии, определяя различия между психическим здоровьем, основу которого составляет полноценное развитие высших психических функций, психических процессов и механизмов, и психологическим здоровьем, основой которого является развитие личностной индивидуальности. И. Дубровина акцентирует внимание на том, что «сутью психологического здоровья является постепенное осознание и принятие растущим человеком особенностей своего психического развития, своей личности, своей индивидуальности», его важным компонентом является «активная позиция самого ребенка, его заинтересованность в своем психическом и личностном развитии», возможность «опираться на внутренние, личностно осознаваемые и принятые самоориентеры» [6, с. 19]. Резеда Хусаинова определяет психологическое здоровье как сложный феномен, содержащий когнитивно-оценочный компонент биологического, психологического и социального уровней его обеспечения, где исключительная роль принадлежит высшим психологическим формированиям, выполняющим функции организации, регуляции и обеспечения целостности жизненного пути [7, с. 21]. Александр Шувалов рассматривает понятие «психологическое здоровье» как сугубо человеческое измерение, научный эквивалент здоровья духовного, основа которого есть нормальное развитие человеческой субъективности [8, с. 89]. Несмотря на то, что термин «психологическое здоровье» рассматривается как реально существующий, сущность его остается неопределенной. Определение понятия, критериев и структуры психологического здоровья является одной из важных методических и методологических задач современной психологии, решение этой задачи возможно на основании транстеоретического анализа существующих близких за смыслом понятий, определения критериев и построения интегративной модели.

На основании анализа существующих трактовок понятий «психическое здоровье», «психологическое здоровье», а также ряда близких понятий рассматриваем психологическое здоровье как состояние функциональной ресурсности, которое предопределяет способность адаптации к реальным меняющимся условиям и антиципацией возможных последствий и изменений в сочетании с самореализацией и саморазвитием собственной идентичности. Поэтому психологическое здоровье можно рассматривать как проявление и критерий внутренней свободы, которая содержит одновременно ее предельные ограничения как «свободы для» в противовес «свободы от». Главными характеристиками внутренней свободы определяем благоразумие, духовную независимость, самообладание, способность находить, поддерживать и развивать интрапсихическое и интерперсональное равновесие.

Целесообразно рассматривать двухфакторную структуру психического здоровья: структурно-процессуальное психическое здоровье и психологическое здоровье.

Структурно-процессуальное психическое здоровье касается характеристик психических процессов и свойств когнитивной и эмоционально-волевой сфер. Психологическое здоровье является воплощением социального, эмоционального и духовного благополучия (как ресурса и состояния), поскольку является потенциальной предпосылкой обеспечения жизненных потребностей, самодетерминации субъекта, достижения собственных целей, адекватного и оптимального взаимодействия с людьми, социальным и другим окружением. Если структурно-процессуальное психическое здоровье касается механизмов, то психологическое охватывает сущностные свойства ценностно-мотивационной и ноогенной сфер человека, его убеждения, свойства Я и идентичность, а также духовную сферу. Психологическое здоровье является воплощением результатов социализации личности и фактором эффективности этого процесса и индивидуального развития и одновременно определяет особенности социально-психологической адаптации. Адаптация происходит путем объединения неосознаваемого и сознательного моделирования собственного поведения как индивидуальной стратегии и ситуативной тактики для достижения желаемого результата. На формулировку желаемой цели и способов ее достижения влияют внешние и внутренние социальные регуляторы. Внешними социальными регуляторами являются нормы поведения, правила, требования, пожелания и ожидания относительно поведения. Внутренние социальные регуляторы – интересы, потребности, ценностные и смысло-жизненные ориентации в совокупности определяют жизненные цели, критерии оптимума социальной адаптации и индивидуально приемлемые способы и формы социальной адаптации. Психологическими факторами особенностей социальной адаптации являются психологические свойства личности, индивидуальные когнитивные стили обработки информации, копинг-стратегии, способы и тенденции эмоционально-поведенческого реагирования в зависимости от социальной адаптации.

Адаптируемость является определяющим критерием психологического здоровья и проявляется не только в объективно диагностированной ситуации равновесия, субъективном чувстве удовлетворенности социальной ситуацией, но и предполагает отсутствие негативных эмоционально-поведенчески-личностных последствий в будущем и личностное развитие. Социальная адаптация – сложная система интегрально связанных реципрокными связями подсистем, любое изменение в любой из которых оказывается реакциями каждой из составляющих, которая может иметь положительное, отрицательное или нейтральное влияние на особенности и эффективность адаптации. Социальная адаптивность является критерием психологического здоровья, а социальная адаптация – процессом формирования психологических качеств, которые определяют уровень и степень социальной адаптированности. Психологическое здоровье, к сфере которого относятся потребности, ценностные ориентации, интересы, чувства, ментальность, идентичность, смысло-жизненные ориентации, чувство

когеренции, самоактуализация, Я-концепция, отражает уровень способности человека к реализации и развитию собственного потенциала, а также потенциал и ресурсность социальной адаптации.

Психологическое здоровье является проблемой национальной безопасности. Проблемой столь несомненной, сколь и неоднозначной. Национальная безопасность как «защищенность жизненно важных интересов человека и гражданина, общества и государства» является предпосылочным условием устойчивого развития общества. Как основные объекты национальной безопасности выступают «человек и гражданин – их конституционные права и свободы; общество – его духовные, морально-этические, культурные, исторические, интеллектуальные и материальные ценности, информационная и окружающая среда, а также природные ресурсы; государство – его конституционный строй, суверенитет, территориальная целостность и неприкосновенность» [9]. Психологическое здоровье является залогом субъектности человека в вопросах, касающихся национальной безопасности, основой для развития всех сфер общественной жизни, определяет потенциал сообщества и его способность к активной причастности к конструктивному развитию социально-экономической системы. Специфика смысло-жизненных ориентаций личности как один из главных компонентов психологического здоровья определяет структуру и организацию ценностных ориентиров общества и в то же время детерминирует общий фон и настроения по векторам перспективного развития. Сложно обойти признание того, что уровень психологического здоровья предопределяет способность к критическому и рациональному анализу. Критический анализ социально-экономической ситуации в государстве, особенно в случае низкого уровня экономического развития, отсутствия чувства стабильности и защищенности у граждан, формирует предпосылки к изменению поведения и появления новых общественных тенденций, в идеальном варианте направленных на реформирование, реорганизацию, переориентацию путем демократических реформ. Другой аспект высокого уровня психологического здоровья, который предусматривает наличие жизненной перспективы развития собственного потенциала и ответственности реализации собственной жизни, формирует вероятность игнорирования национальной идеи вообще или поиска возможностей самореализации в условиях других социально-экономических реалий путем эмиграции. И здесь особенно ярко проявляются противоречия между концепцией человека как цели социальной политики, человека как объекта социальной политики и как ее субъекта (ресурса) [10, с.162]. Когда психологическое здоровье рассматривается в аспекте национальной безопасности, невольно возникает вопрос «Психологическое здоровье для национальной безопасности, или национальная безопасность для психологического здоровья?». Такая постановка проблемы созвучна теории Силвана Томкинса [11, с. 355–356], который задается вопросом «Человек для ценностей или ценности для человека? Является ли человек по своей природе мериллом всего, целью самого себя, активной, творческой, думающей, лю-

блещей силой или же должен реализовывать себя только путем борьбы с чем/кем, в служении идеальной сущности, которая практически не зависит от человека? С. Томкинс утверждает, что выбор ответа зависит от ориентации на консерватизм или либерализм, которая, согласно теории полярности и теории скриптов, формируется путем инкорпорации нормативности либо гуманистичности. Эти личностные качества можно соотнести с уровнем автономности и самодетерминации, которые, согласно современным гуманистическим концепциям являются важными критериями психологического здоровья. В то же время автономия и самодетерминация как predispositions неконформизма и либерализма предполагают изменение стереотипных традиций, что может быть интерпретировано как угроза национальной безопасности. Преобладание чувства беспомощности и бессмысленности, низкий уровень самоэффективности удобно для манипулирования и формирования желаемого общественного мнения и желаемого поведения. В тоталитарных и авторитарных обществах, где все стороны общественной и индивидуальной жизни жестко регламентированы, психологическое здоровье может реально представлять угрозу безопасности национальному тоталитаризму. Вследствие этого можно ожидать либо смещение акцентов на менее либерально сопричастные аспекты проблемы психологического здоровья, либо искажение критериевой оценки.

Итак, нами предложена двухфакторная модель психического здоровья, включающая два компонента: структурно-процессуальное и психологическое здоровье. Психологическое здоровье является воплощением результатов социализации личности и фактором эффективности этого процесса и индивидуального развития одновременно. Успешность адаптации зависит не столько от особенностей и объективных свойств ситуации, сколько от особенностей и наличия индивидуальных ресурсов, адекватности и эффективности стратегий их применения: способность к адаптации является инстинктом собственной жизни и приобретенными навыками одновременно. Системой отчета когнитивной оценки является индивидуальная система ценностей и убеждений. Убеждение и ценности формируются в процессе социализации индивида, его адаптации к социальным нормам и требованиям и как своеобразный итог всего жизненного опыта. Индивидуальное развитие является осью, вокруг которой вращаются мысли и чувства, определяя поведение и отношение к окружающему миру. Психологическое здоровье является воплощением социального, эмоционального и духовного благополучия (как ресурса и состояния), поскольку это ведущая потенциальная предпосылка обеспечения жизненных потребностей по активному образу жизни, достижения собственных целей, адекватного и оптимального взаимодействия с людьми, социальным и другим окружением. Психологическое здоровье является воплощением последствий социализации и фактором эффективности этого процесса и индивидуального развития одновременно. Формирование индивидуальных ценнос-

тей и целей находится, с одной стороны, под влиянием меняющихся жизненных реалий, с другой – определяя желаемые представления о будущем, двигателем и определяющим ориентиром изменений. Индивидуальные ценности как мотивационные цели определяют ориентиры и фокусы жизненной перспективы личности, одновременно имплицитно сформируют predisposition векторам общественного развития.

1. Mental health: facing the challenges, building solutions: report from the WHO European Ministerial Conference. Report from the WHO European Ministerial Conference. – World Health Organization, 2005. 199 p. URL: http://www.euro.who.int/_data/assets/pdf_file/0008/96452/E87301.pdf (дата обращения 25.11.2014).

2. Psychological health and well-being: A new ethos for mental health A report of the Working Group on Psychological Health and Well-Being / ed. P. Kinderman, S. Tai. The British Psychological Society, 2009. – 34 p.

3. Моисеенко Р. О., Терещенко О. В., Марценковський І. А. Охорона психічного здоров'я дітей в умовах економічної кризи: де які проблеми ташляхи їх розв'язання // Здоров'я України. 2010. № 3 (14). С. 41–43.

4. Завгородня О. В. Проблема психологічного здоров'я : спроба теоретичного аналізу // Практична психологія та соціальна робота. 2007. № 1. С. 55–60.

5. Галецька І., Влох І. Психічне здоров'я vs. психологічне здоров'я: співвідношення понять // Психологічні аспекти стигматизації та реабілітації. Львів: Видавництво Романа Романка, 2007. С. 35–59.

6. Дубровина И. В. Психическое и психологическое здоровье в контексте психологической культуры личности // Вестник практической психологии образования. 2009. № 3. С. 17–21.

7. Хусаинова Р. М. Зависимость психологического здоровья учителя от возраста и стажа педагогической деятельности: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Казань, 2006. 26 с.

8. Шувалов А. Психологическое здоровье человека // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета IV: Педагогика. Психология. 2009. Вып. 4 (15). С. 87–101.

9. Закон України «Про основи національної безпеки України» від 19.06.2003 № 964-IV. URL: <http://www.zakon2.rada.gov.ua/laws/show/964-15> (дата обращения 25.11.2014).

10. Григорьева И. Современная социальная политика: возможности и ограничения. СПб.: ЛГУ им. А. Пушкина, 2011. 304 с.

11. Exploring affect : the selected writings of Silvan S. Tomkins / ed. by E. V. Demos. New York : Cambridge University Press, 1995. 510 p.

© Галецкая И. И., 2015

МЕДИТАЦИЯ И ЛИЧНОСТНОЕ РАЗВИТИЕ

В статье представлены различные точки зрения на медитацию. Выделены её виды, механизмы, стадии. Показано становление медитативных практик в буддизме и индуизме. Объясняется, как медитация останавливает «поток сознания». Даются рекомендации для начинающих практиковать медитативные техники.

Ключевые слова: медитация, индуизм, буддизм, сознание, личностное развитие.

MEDITATION AND PERSONALITY DEVELOPMENT

This article represents different points of view about meditation. Its types, mechanism and stages are discussed. The article shows the development of meditation practices in Buddhism and Hinduism. It is explained how meditation can stop the “stream of consciousness”. The recommendations for beginners who start practicing meditative techniques are given.

Keywords: meditation, Hinduism, Buddhism, consciousness, personality development.

Название статьи предполагает, что человек, стремящийся к личностному развитию (личностному росту), рано или поздно заинтересуется духовным развитием, и в частности медитацией. Как пишет современный отечественный психолог А. А. Филозоф, «личностный рост человека является условием его духовного развития, а духовность, в свою очередь, обуславливает новый уровень личностного роста. Поэтому процесс личностного и духовного роста образно можно представить как спираль, каждый виток которой свидетельствует о совершенствовании человека в целом» [1, с. 35].

Мой личный интерес к практике (а затем и к теории) медитации усилился в ходе (и после) IX научно-практической психотерапевтической экспедиции ППЛ (Профессиональной психотерапевтической лиги) в Индию, организованной Президентом ППЛ, профессором Виктором Викторовичем Макаровым в 2010 г. Тема данной экспедиции – «Медитации и духовность, жизнь и смерть, любовь и брак, семья и род в традициях индуизма, буддизма и агхори».

Взявшись, наконец, за написание статьи, посмотрела вначале определение медитации в психологических словарях, что привело к некоторому разочарованию. Кроме поверхностных и часто неточных определений, кочующих из одного источника в другой, ничего научного и непротиворечивого там не было обнаружено. Исключением (из просмотренных) является словарь белорусских авторов М. И. Дьяченко, Л. А. Кандыбович [2]. И лишь проведя достаточно широкий теоретический анализ самых разных источников, удалось сполна погрузиться в данную тему и хоть немного приблизиться к постижению тайн медитации.

Во-первых, следует отметить, что термин «медитация» появился на страницах наших популярных изданий сравнительно недавно. Прежде говорить о медитации было не принято, поскольку считалось, что любая медитация непременно связана с тем или иным мистическим учением или религией, предполагает слияние с Вселенной либо постижение истины путем озарения. Действительно, медитация составляет неотъемлемую часть йоги,

дзен-буддизма и других (преимущественно индийских) практик. Но сегодня уже хорошо известно, что занятия медитацией для преодоления внутренних разладов, расширения знаний о себе и личностного развития возможны вне всякой связи с какими-либо религиозными или философскими убеждениями. Тысячелетиями представители почти всех человеческих культур использовали ту или иную форму медитации для обретения душевного покоя и гармонии. Благотворный эффект медитации обуславливается не ориентированностью на религию, а свойствами нервной системы человека. Многовековой и обширный опыт свидетельствует о медитации как об эффективной психотерапевтической технике – универсальной и практически не имеющей противопоказаний.

В настоящее время во многих странах мира, как на Западе, так и на Востоке, медитация успешно применяется для профилактики и лечения повышенного кровяного давления, сердечно-сосудистых заболеваний. Она помогает избавиться от навязчивых состояний, тревожности, депрессии, повышенной агрессивности, улучшает концентрацию внимания. Медитация может быть использована также при поиске путей решения различных проблем. Под её влиянием возрастает способность использовать творческий потенциал и сделать свою жизнь целенаправленной и интересной.

Состояние, достигаемое в результате медитации, иногда называют «четвертым состоянием», подчёркивая тем самым, что это – и не бодрствование, и не быстрый (со сновидениями), и не медленный (спокойный) сон.

В указанном выше психологическом словаре *медитация* определяется как управляющее самовоздействие на свои психические состояния, на свои мысли и чувства. В восточных учениях медитация является центральным методом самовнушения. С точки зрения древней индийской психологии обыденные состояния бодрствующего сознания человека могут быть разделены на три вида:

1. Вы не способны сосредоточиться: мысли мелькают и путаются в голове, и вы не можете сосредоточиться на нужном вам деле. Такое состояние не может быть названо медитацией.

2. В вашем уме неотвязно крутится одна и та же мысль (музыкальный мотив, зрительный образ и т. д.) и вы никак не можете от него избавиться. Это состояние произвольной медитации.

3. Вы способны сосредоточиться на чем угодно по своей воле либо не думать о том, что вам в данный момент может помешать. Это пример собственно медитации [2, с. 133].

В своей развитой форме медитация предполагает не только способность удерживать сознание на какой-либо идее, объекте и т. д., но и умение останавливать «поток сознания», оставлять сознание «пустым» от привычных мыслей. Это также может называться «остановкой внутреннего диалога», «чистым сознанием». Оказывается, наши мысли могут быть пленой, через которую мы не способны видеть реальность.

Сознание в психологии большинство российских авторов определяют как высшую форму психического отражения действительности в виде обобщенной и субъективной модели окружающего мира в форме словесных понятий и чувственных образов. Индусы (а истоки медитативной практики восходят к древней культуре Индии) сознание трактовали широко, относя к нему и восприятие, и мышление, и память.

В российской психологии медитация трактуется как вполне реальный психофизиологический процесс, вызываемый посредством самовоздействия. Имея много общего с отточенными тренировками и самогипнозом, медитация обладает и специфическими особенностями. Посредством медитации достигается высшая степень концентрации внимания на определенном объекте или же, наоборот, полное «рассредоточение» внимания. В том и другом случае наступает остановка процессов восприятия и мышления, происходит особого рода чувственная изоляция человека от внешнего мира.

Электрофизиологические исследования энцефалограмм людей в глубокой медитации показывают несводимость их биоритмов ни ко сну, ни к бодрствованию и позволяют выдвигать гипотезы о нейрофизиологии особых измененных состояний сознания [3, с. 80].

Психологический анализ медитации показывает, что ведущим моментом, придающим ей неповторимую особенность, является временное выключение из комплекса психических процессов функции памяти. Именно это допущение позволяет объяснить происхождение тех психических явлений, которые имеют место при медитации и в период ее последствий. При медитации уровень «собственных шумов» мозга становится предельно низким и, следовательно, появляется возможность наиболее полного использования ассоциативных и интегративных процессов для решения определенных задач, которые формулирует самому себе медитирующий. Не исключено, что в этом случае значительно шире вовлекается в процесс решения та обширная сфера, функция которой известна под названием интуиции. «Образы высшего порядка формируются вне контроля сознания», – считает профессор Т. Н. Березина [4, с. 250].

Ошо (Шри Бхава-ван Раджниш) в своей «Оранжевой книге» пишет: «Медитация – это состояние чистого созна-

ния без содержания. Обычно наше сознание слишком переполнено чепухой, совсем как зеркало, покрытое пылью. Двигаются мысли, движутся желания, движутся воспоминания, движутся амбиции – это постоянная толчея!» [5].

Такое состояние не медитация. Противоположное и есть медитация.

Медитация – это осознание того, что я не есть ум. Когда это осознание идет глубже и глубже, появляются мгновения – мгновения тишины, мгновения чистого пространства, мгновения прозрачности, Медитация – это состояние не-ума, состояние не-воли, состояние не-деяния. Это расслабление. Когда нет толчеи мыслей и думание прекратилось, ни одна мысль не движется, ни одно желание не удерживается, и вы полностью молчаливы – такое молчание и есть медитация. И в этом молчании рождается истина [5].

Важно отметить, что Раджниш разводит такие понятия, как медитация и концентрация. «Медитация – это не концентрация. Если есть концентрация, то есть тот, кто концентрируется, и есть объект, на котором концентрируются. Есть двойственность. В медитации никого нет внутри и никого – снаружи. Нет никакого разделения между “в” и “вне”. “В” перетекает во “вне”, “вне” перетекает в “в”. Демаркационной линии, границы больше не существует, “в” есть “вне”, “вне” есть “в”; это недвойственное сознание» [5]. И вот самое замечательное в медитации – «поймать» этот «полёт», эту «неограниченность»! Этот «тихий восторг» не сравним ни с чем!..

В медитации не требуется никаких логических операций или выводов, вы не делаете ничего особенного – вы просто е с т ь.

Медитация как система духовной практики родилась на Востоке и принадлежит Востоку. Европейцы и американцы разными способами пытались «вратить» ее в свою культуру. Не все эти способы оказались удачными.

Как пишет В. В. Макаров [6, с. 5], цивилизация Запада учит людей работать, конкурировать, соревноваться; а значит, спешить и обгонять других, достигать поставленные цели; учит индивидуализму и стремлению к комфорту. В основе этих действий лежит напряжение сил и возможностей: физических, психологических, душевных. По мере развития постиндустриального общества в России, мы всё больше вытягиваемся в образ жизни, характерный для человека Запада. И у многих это хорошо получается, но часто в ущерб здоровью.

Цивилизация Востока учит избавлению от страданий, поиску высшего смысла, достижению покоя. В основе всех этих действий часто лежат особые пути расслабления и сосредоточения. Люди Востока реже используют алкоголь, избыточный приём пищи, табак, кофеин с целью регуляции своего жизненного тонуса.

Но сегодня люди Запада всё больше узнают о том, что путь познания – это не только обучение, накопление и приумножение в материальном мире. А это ещё и погружение в глубины собственной психики. Это внутренние путешествия. В частности, В. В. Макаров (совместно с Ю. В. Колбасиным) разработал практику переключения, сосредоточения и погружения «Океан» на материале

научно-практических психотерапевтических экспедиций в Индию [6; 7]. Данную практику можно выполнять как индивидуально, так и в группе. Она является современной и практически универсальной – интересной и полезной как для психического здоровья, так и для развития личности. (Автор данной статьи неоднократно участвовала в групповых занятиях под руководством В. В. Макарова на декадниках по практической психологии в Омске, в Москве, на Байкале).

Другой достаточно успешной «европеизированной» модификацией восточных медитативных и телесных техник можно считать метод аутотренинга Шульца. Однако принципиальное отличие его подходов – в наличии высокого уровня дисциплины и воли.

Отечественный психотерапевт А. А. Александров выделяет следующие виды медитации:

1. Медитация на мантрах. В этом случае объектом для сосредоточения является «мантра» – слово или фраза, многократно повторяемая, обычно про себя. Как правило, мантра составляется из нескольких санскритских слов, чаще других используется мантра «ом». Проживая в городе Омске, – мы можем чувствовать некоторую гордость и сопричастность к чему-то великому и особенному, ввиду такого созвучия. И это неоднократно отмечали зарубежные гости нашего города, имеющие отношение к медитированию на мантрах. А в Индии нам посчастливилось получить личную мантру от нашего учителя.

2. Медитация на янтрах (зрительная концентрация). Здесь объектом для предварительной концентрации является зрительный образ. В восточных культурах часто используются «янтры» – геометрические фигуры, предназначенные для медитации, например, «мандала» – квадрат внутри круга, символизирующая единство человека и вселенной.

3. Сосредоточение на физических действиях. Например, некоторые народы Востока используют в практике продолжительные хороводные танцы с повторяющимися движениями. Исполнителей этих танцев называют «танцующими дервишами». Медитативные переживания могут возникать также при длительном беге трусцой.

4. Решение парадоксальной задачи. Классическим примером являются дзенские «коаны». В этом случае для размышления дается парадоксальная на вид задача. Например, «Как звучит хлопок одной ладони?» (по [8]).

В тантрическом буддизме, распространенном в первую очередь в Тибете и распространяющемся тибетскими учителями по всему миру, медитативные практики сопровождаются мантрами и мудрами.

Мудры – ритуальные символические жесты, напоминающие фигуры, образуемые пальцами рук индийских танцовщиц. Мудры имеют символическое значение, резонансное тем или иным состояниям сознания. Видимо, они выполняют ту же функцию стимула, рефлекторно вызывающего нужную реакцию, что «якоря» в нейролингвистическом программировании. Только в отличие от «якоря», которым в нейролингвистическом программировании может быть любой стимул (прикосновение, звук, поза суггестора), мудры имеют фиксированное, освещенное

ритуалом, опозитизированное символическое значение, способствующее медитирующему в достижении высших состояний сознания [3].

Кроме этого, в медитативных практиках применяются запахи благовоний и музыкальные ритмы, что способствует также выходу сознания из обыденной реальности в его измененные формы.

Опыт, полученный в медитации, помогает лучше понимать не только себя, но и других людей. В обыденной жизни и общении собеседники обычно видят просто ту или иную категорию людей: «начальник», «студент», «бюрократ», «нерусский» и т. д. Бесстрастная позиция наблюдателя, непринужденный подход, какому учит медитация, необходим, чтобы освободиться от клише и увидеть человека таким, каков он есть: уникальным и неповторимым. Отказ от попыток анализировать его, искать какие-то скрытые мотивы помогает разглядеть в нем просто человека. И тогда в разговоре (а это лучший способ познания) внутренняя позиция собеседников будет такой же, что и в медитации: ненапряженность, отказ от категоричных оценок. Собеседники в этом случае станут интересными друг другу. Усилится откровенность, и ослабеет желание навязывать свое мнение. Молчание есть важнейший элемент медитации. И в разговоре главное, может быть, не слова, а молчание, умение слушать. Как часто в диалоге люди внимают только самим себе! Упиваются своим остроумием и красноречием. А ведь важно услышать не только то, что собеседник старается облечь в слова, но и то, что *остаётся невысказанным*. Порой это и есть главное. Вспомним слова из песни Булата Окуджавы «Как много, представьте себе, доброты / в молчанье, в молчанье...».

Или у Андрея Вознесенского: «Тишины хочу, тишины...».

Опыт медитации может помочь человеку понять великолепие жизни как таковой, научиться наслаждаться каждым ее мгновением. Например, забирая вечером ребенка из детского сада, женщина, усталая и голодная, спешит поскорее добраться домой. Ее раздражает медлительность ребенка. «Быстрее, быстрее», – тянет она его за руку. Надо еще успеть сделать столько дел. И в спешке она не замечает настоящего чуда: маленькой теплой ручонки в своей руке. И вместо того, чтобы спешить и нервничать, лучше подумать о том, что связывает ее и ребенка. Жизнь проходит быстро, наше бессмертие только в наших детях... Подумав об этом, можно ощутить в своей руке вечность...

Далее рассмотрим механизмы медитации, попытаемся разобраться, как же «работает» медитация, вызывающая порой такие разительные перемены в человеке – как в его организме, так и в личности. В разных странах мира проводятся научные исследования медитации. При этом используется самое совершенное оборудование для выявления происходящих в организме электрофизиологических, метаболических и химических изменений.

Уникальная особенность медитации заключается в том, что при ней уравнивается деятельность полушарий. Попытаемся объяснить, как это происходит.

Теоретический анализ работ, посвященных проблеме медитации, и практический опыт показывают, что процесс медитации включает три стадии: 1) расслабление, 2) сосредоточение, 3) собственно медитационное состояние.

Рассмотрим каждую из стадий.

Расслабление. Устранение чрезмерного нервно-мышечного напряжения (релаксация) является условием начала медитации. Чтобы облегчить расслабление и сосредоточение, медитировать следует в спокойном месте, обеспечивающем изоляцию от шума, яркого света и других внешних раздражителей. Это требование обязательно для начинающих, но для людей, овладевших искусством медитации, правила становятся менее категоричными. Лучше всего медитировать сидя на полу в позе, исключая излишнее мышечное напряжение, но не лежа, поскольку это положение провоцирует засыпание. Можно сидеть на стуле; в любом случае голова, шея и туловище должны находиться на прямой линии. Йоги обычно медитируют в позе «лотоса».

В Индии под руководством А. В. Сингха мы практиковали медитацию сидя на стульях на террасе гостиницы старейшего индийского города Варанаси, наблюдая рассвет над рекой Ганг (которую индусы называют не Ганг, а Ганга).

Сосредоточение. Находясь в спокойном месте и приняв удобное, расслабленное положение, сокращается число нервных импульсов, идущих к центральной нервной системе. Но и в таких условиях левое полушарие головного мозга продолжает активно функционировать, и в начале каждого сеанса медитации в голову сами собой приходят различные мысли. Для успеха медитации следует, однако, всякую мыслительную активность прекратить или свести к минимуму.

Внимание не должно задерживаться на том, что вы видите, слышите, ощущаете или знаете. «Все мысли, как только они возникают, должны быть отброшены, и даже сама мысль об искоренении мыслей тоже должна быть изгнана», – пишет новосибирский исследователь культурно-психологических традиций и буддизма Н. В. Абаев (цит. по: [3]). И. Шэток, проходивший трёхнедельную практику погружения в медитативное состояние, разработанную на основе древних буддийских практик в Рангуне (Бирма) исследовал техники успокоения мыслей. Практически все они связаны с сужением сознания, фиксации его не на понятийные формы, а на непосредственные ощущения, поступающие от органов чувств. Например, практика многодневной фиксации на ходьбе, включающей непрерывное осознание каждого движения, или концентрация внимания на процессе вдоха и выдоха ведут к сужению сознания, а затем к переходу к его измененным формам. Всякий раз, когда ум отклоняется от своего объекта, внимание привлечено к чему-то внешнему; нужно отметить в уме этот факт и мягко, но настойчиво вернуть его к предмету созерцания. И в этом процессе произойдет то, что неизбежно должно произойти, внешний мир станет удаляться из ваших сознательных мыслей [9]. Цель буддиста, по И. Шэтоку, заключается в приобретении випасаны (прозрения). Только тогда, когда ум успокоен,

прозрение, или интуиция, может получить доступ к переживаниям, лежащим в основе буддийской доктрины. Они возникают спонтанно в сознании как визуальные образы или как предельно достоверные сюжеты, напоминающие притчи [3]. Через совпадение блаженства и пустоты человек обнаруживает *вместерожденную мудрость* [10].

Таким образом, это и есть третья стадия медитативного процесса – *собственно медитационное состояние*. Медитация является каналом «прямого непосредственного познания» (В. Ф. Петренко, В. В. Кучеренко). В разных традициях это обозначается как «озарение», «йоговская интуиция», «сошедшая благодать», «прямое видение», «пророческое видение». Медитативное знание целостно и не дискретно. Оно не содержит в себе каких-либо конструктов. «У него не существует свойства «хорошее» и «плохое», «большое» и «маленькое», «красивое» и «безобразное», в этом заключается его недвойственность. Сущность его абсолютно чиста» [10]. И когда мы, вслед за В. Ф. Петренко и В. В. Кучеренко, определили медитацию как прямой канал познания, то открытым остается вопрос: а познание чего? Возможно ли открытие какой-либо позитивной информации о мире, о себе, о прошлом и настоящем, а может быть, и о будущем? (Представления о невременном характере медитативных состояний допускают такую возможность) [10]. Не опровергая и не утверждая данный факт, согласиться дополнительно можно со следующими положениями. Медитация может останавливать «поток сознания», прерывая процесс вербальной категоризации. Измененные состояния сознания ведут к изменениям форм категоризации мира, себя, других [11]. Процесс декатегоризации «я» как шелуху снимает стереотипы привычных форм осознания собственной персоны, значимости «Я». И здесь этот процесс, по-видимому, когерентен важнейшей человеческой проблеме – проблеме духовности. Под духовностью авторы статьи «Медитация как непосредственное познание» [3] понимают *обретение смысла человеческих деяний и самой жизни*. Можно согласиться с данным определением. Нечто (поступок, жизнь человека, существование цивилизации) имеет смысл в контексте, выходящем за рамки означаемого, в контексте чего-то большего, в которое это нечто включено. Об этом писали многие отечественные психологи, раскрывая тему духовности. Отдавая им всем дань уважения и признательности, ограничимся в данной статье перечислением некоторых из них. Это Ф. Е. Васильюк, В. П. Зинченко, В. В. Знаков, А. Ш. Тхостов, В. Д. Шадриков. Изучая труды данных авторов, поднимаясь по «духовной вертикали», человек осознает как мимолетность собственного бытия, так и его значимость как звена рода, носителя национальной и общечеловеческой культуры и, наконец, носителя частицы, искры Мирового Духа (или Интегрального сознания). Феномен духовности, возникнув в первую очередь в рамках религиозного сознания, где высшим мерилom вечности, абсолютной системой отсчета, является Бог, на наш взгляд, не есть феномен только религиозного сознания. Расширение границ идентичности (а процесс медитации раздвигает границы идентичности) расширяет контекст существования

и наполняет смыслом и бесконечным личностным развитием бытие человека.

1. Филозоф А. А. Характерологическая акмеология в пространстве клинической терапии духовной культурой // Психотерапия. 2011. № 3. С. 34–40.

2. Дьяченко М. И., Кандыбович Л. А. Краткий психологический словарь: Личность, образование, самообразование, профессия. Минск: Хэлтон, 1998. 399 с.

3. Петренко В. Ф., Кучеренко В. В. Медитация как непосредственное познание // Развитие личности. 2008. № 2. С. 49–87.

4. Березина Т. Н. Надсознательное как образование высшего порядка // Мир психологии. 2014. № 1. С. 240–253.

5. Раджниш (Ошо) Ш. Б. Оранжевая книга. Измерение неведомого. СПб.: Издат. группа «Весь», 2009. 224 с. URL: <http://www.LitPortal.Ru> (дата обращения 06.02.2015).

6. Макаров В. В. Практика переключения, сосредоточения и погружения «Океан» // Профессиональная психотерапевтическая газета. 2009. Сентябрь. С. 5–6.

7. Макаров В. В. Экспедиции души. М.: Академический Проект, 2008. 191 с.

8. Вачков И. В. Основы технологии группового тренинга. Психотехники: учеб. пособие. М.: Изд-во «Ось-89», 2000. 224 с.

9. Шэток И. Опыт внимательности. Киев, 2008. URL: <http://www.LitPortal.Ru> (дата обращения 09.02.2015).

10. Дандарон Б. Д. Письма о буддийской этике. СПб.: Алтейя, 1997. 338 с.

11. Петренко В. Ф., Кучеренко В. В., Вяльба Ю. А. Психосемантика измененных состояний сознания // Психологический журнал. 2006. № 5. С. 16–27.

© Филатова А. Ф., 2015

ВИГЛОГЛОГИЯ КУЛЬТУРОЛОГИЯ

Бакулина С. Д.

Специфика и способы интеграции культурно-исторического наследия в жизнь современного региона

Избушева А. М.

Бренд юбилейного города в современной российской культуре

Матвеева С. И.

Коммуникационные проекты в библиотеках Кунгура

Раубо К. В.

Бренды в социокультурной парадигме современного китайского общества

Таранова Ю. В.

Коммуникативные тенденции формирования туристического имиджа городов и регионов в условиях сетевого общества

**СПЕЦИФИКА И СПОСОБЫ ИНТЕГРАЦИИ
КУЛЬТУРНО-ИСТОРИЧЕСКОГО НАСЛЕДИЯ
В ЖИЗНЬ СОВРЕМЕННОГО РЕГИОНА**

Статья актуализирует проблему самопрезентации регионального пространства посредством культурно-исторического наследия, которое не только выступает механизмом сохранения самобытного наполнения территории, отражает ментальные особенности населения, но и несет в себе культурные и цивилизационные коды нации, определяет содержание территориальных брендов. Музеи, библиотеки, архивы являются хранителями культурно-исторического наследия, они способны сыграть ведущую роль в продвижении территории, в том числе на внутреннем и внешнем рынках туристических услуг, чему способствует развитие культурного и познавательного туризма, включающего комплекс интерактивных программ.

Ключевые слова: культурно-историческое наследие, культурная индустрия, регион, приватизация памятников, девелопмент, интерактивные формы работы, туристический маршрут.

**SPECIFICS AND MEANS OF INTEGRATION
OF CULTURAL-HISTORICAL HERITAGE
IN THE LIFE OF MODERN REGION**

The article covers the problem of self-presentation of the regional space by means of cultural-historical heritage that is not only the mechanism of preserving the authenticity of the territory and features mental frames of mind of the population, but also keeps cultural and civilization codes of the nation and defines the content of the territory brands. Museums, libraries, archives are keepers of the cultural-historical heritage and can play a leading role in territory branding in the inner and outer markets of tourism services, and the development of cultural and educational tourism including complex of interactive programs makes it possible.

Keywords: cultural-historical heritage, cultural industry, region, monuments privatization, development, interactive methods of work, tourist route.

Вопрос о роли культурно-исторического наследия в развитии современных регионов не случаен. С одной стороны, современная *культурная индустрия* как конгломерат критериев развития массовой культуры, закреплённых в региональном пространстве, ориентирует производителя на создание единообразных, стандартизированных продуктов в области искусства, живописи, литературы, использующий методы тиражирования, формирует общество потребления. При этом целью становится прибыль, а созданная иллюзия свободы человека, потребляющего престижное, стандартное, формирует равнодушие к проявлению собственной инициативы и творчества. Параллельно с данным процессом актуализируется потребность человека в развитии *творческой индустрии*, для которой характерна новационность, авторская оригинальность, штучность и эстетическая значимость; она позволяет уйти от унификации современной жизнедеятельности и определить Место как нечто ценностно и уникально наполненное. В этой связи особое место занимает культурно-историческое наследие, способное определить основу для поддержания региональной идентичности и развивать идею самопрезентации территории в ее уникальных формах.

Согласно федеральному законодательству, *специфика культурно-исторического наследия* складывается из трех основных составляющих:

1) условий формирования объектов в результате исторических событий;

2) ценностного значения объектов с точки зрения истории, археологии, архитектуры, градостроительства,

искусства, науки и техники, эстетики, этнологии или антропологии, социальной культуры;

3) наличия фактов, свидетельствующих о развитии эпох и цивилизаций, являющихся подлинным источником информации о зарождении и развитии культуры [1].

Культурно-историческое наследие (материальное и нематериальное) способно выступить механизмом, поддерживающим тенденцию самопрезентации территории. Сложившись исторически в течение длительного периода с учетом ментальных особенностей населения, оно обладает своеобразным ценностным капиталом, который, не только понятен, а потому принимаем своими жителями, но и привлекает внимание внешних и внутренних туристов, находящихся в поиске новых открытий, ощущений, событий. Современными хранителями культурно-исторического наследия выступают музеи, библиотеки, архивы, они выполняют функции, способные сыграть ведущую роль в продвижении территории, в том числе на внутреннем и внешнем рынках туристических услуг.

На сегодняшний день *значение сохранения и регенерации культурно-исторического наследия* как для отдельных регионов, так и страны в целом определяется тремя основными тезисами:

– *наследие несет в себе культурные и цивилизационные коды нации*. На нем основывается идентичность населения. При утрате наследия происходит потеря опоры и корней, без которых невозможно никакое развитие. Вне этой среды нация теряет свой интеллектуальный и творческий потенциал. Для русских сохранение материальных носителей наследия – памятников – особенно

значимо, поскольку наша историческая и культурная память максимально предметна и не существует без привязки к «малой родине»;

– *объекты культурно-исторического наследия – это важный актив современных регионов, он может приносить прибыль и существенно влияет на экономическое развитие территории;*

– *культурное наследие определяет содержание территориальных брендов.* Регионы стремятся перераспределить в свою пользу туристические потоки, и культурно-историческое богатство все чаще используется в качестве эффективного инструмента утверждения лидерства, продвижения и региональных, и национальных интересов на международной арене.

Основным противоречием в вопросе сохранения и презентации объектов культурного и исторического наследия, с одной стороны, является необходимость изыскать средства для содержания и реставрации многочисленных памятников, а с другой – интегрировать объекты наследия в хозяйственную жизнь региона и ввести их в экономический оборот.

Сегодня наиболее актуальными способами сохранения культурно-исторического наследия путем интеграции их в жизнь современного региона и введения их в экономический оборот являются приватизация, девелопмент, продажа исторической ауры, развитие культурного и познавательного туризма.

1. Доминирующим способом сохранения объектов культурного наследия (памятников истории и культуры) является *приватизация памятников с наложением бремени на частных собственников.* Согласно охранному обязательству, собственники должны финансировать, организовывать и выполнять работы по сохранению объектов, в том числе их реставрацию, воссоздание, ремонт, приспособление для современного использования или иных необходимых мероприятий. Несмотря на то, что принятый в 2002 г. Федеральный закон «Об объектах культурного наследия» допускает наряду с государственной собственностью частную собственность на памятники архитектуры, приватизация объектов наследия так и не получила распространения в России, что связано с неразделенностью федеральной и муниципальной собственности на памятники и отсутствием в законе однозначного определения предмета охраны. Так, не вполне ясно, на какие именно элементы памятника распространяется охранный режим, например, можно ли вносить изменения в интерьер и внутреннюю планировку. Нередко основанием для приватизации становится неудовлетворительное техническое состояние объекта и отсутствие бюджетных ассигнований на его реконструкцию. Именно по этой причине памятник истории и культуры «Здание бывшей табачной фабрики Г. Я. Серебрякова» в Омске был приватизирован ООО «Вояж», занимающимся организацией грузовых перевозок.

2. По состоянию на сегодняшний день основным способом капитализации объектов наследия, применяемым в России, фактически является *девелопмент* – придание новой функциональности объекту наследия и приведение

его в соответствие с предъявляемыми рынком недвижимости стандартами: например, стандартами комфортности жилья, стандартами функциональности офисных или торговых помещений. Наиболее широко и успешно девелопмент используется для регенерации районов рядовой исторической жилой и промышленной застройки, которая сама по себе не является памятником и самостоятельной культурной и исторической ценности не имеет.

Помимо того, что девелопмент во всем мире представляет собой наименее щадящий способ регенерации объектов наследия, в России ситуация усугубляется тем, что государство не предоставляет инвесторам никаких экономических стимулов к бережному обращению с реконструируемым памятником и к сохранению его подлинности. В этих условиях усилия инвестора, как правило, направлены на поиски путей обхода жестких ограничений, накладываемых российским законодательством об охране памятников.

3. Особым способом интеграции культурно-исторического наследия в социальное пространство современного региона является *продажа ауры или бренда места.* Спецификой механизма является фактор, при котором привлекательность исторических районов, городов используется для увеличения стоимости новой недвижимости.

4. В современной действительности набирает обороты *развитие культурного и познавательного туризма,* создание на базе объектов наследия туристических продуктов и брендов. Туризм – это наиболее очевидный и традиционный способ капитализации объектов наследия и обеспечения возврата инвестиций в реконструкцию и содержание памятников. Известно, что с середины 1990-х гг. доля туризма в мировой торговле услугами составляет более 30 %, а ежегодный рост инвестиций в индустрию туризма составляет около 35 %. На сегодняшний день туризм является одним из самых прибыльных видов бизнеса и сегодня использует до 7 % мирового капитала. Для развития данного механизма продвижения информации об объектах культурного наследия как основополагающих в вопросе исследования специфики российских регионов необходима системность и быстрое реагирование на запросы как внешних, так и внутренних туристов. Информация, в свою очередь, активно презентуется виртуальными турами, путеводителями, создающими интригу и позволяющими сделать выбор туриста в пользу того или иного путешествия: Туристические маршруты Омской области [2]; Знакомство с городской культурой Омска [3]; Нескучный путеводитель по Новосибирску [4].

Ни один из этих методов нельзя признать идеальным, каждый из них имеет свои существенные недостатки. Поэтому, если говорить об успешных примерах регенерации объектов наследия, как правило, эти методы применяются в комплексе.

В условиях поиска форм привлечения населения к музейной среде с целью развития культурного и познавательного туризма актуальным сегодня видится комплекс интерактивных программ. Как показывает современная практика, одной из самых успешных и апробированных в последнее время является погружение в среду, под-

держиваемую и создаваемую культурно-историческим наследием.

Интерактивность в музее может быть, во-первых, ориентирована на современные способы развития творческих возможностей (хенд-мейд, рисунок песком), во-вторых, основана на привлечении внимания к объектам культурно-исторического наследия (материального и нематериального) как элементам воссоздаваемой аутентичной среды. Отсюда формами интерактивности могут быть интерактивные программы («Покровская ярмарка», «Большие троички хороводы»), интерактивные элементы в экскурсионной программе (изготовление керамических изделий в рассказе о быте и ремесле населения), интерактивная деятельность в виде экскурсий. Так, например, особенностью проекта «Виртуальные прогулки по старинному Тобольску» является возможность использования бесплатного приложения для устройств операционной системы Android, iOS или Windows Phone. Приложение автоматически определяет местонахождение пользователя и предлагает познакомиться со старинными фотографиями ближайших к нему исторических объектов, а также использовать функцию «дополненная реальность». Таким образом, при наведении камеры смартфона на здание или улицу можно увидеть архивное изображение поверх современного вида, регулируя прозрачность фотографии. Проект уникален еще и тем, что в нем можно найти и просмотреть редкие архивные изображения зданий, которые не сохранились или были перестроены в процессе развития города [5].

Актуальная форма привлечения внимания к уникальной составляющей регионального историко-культурного наследия является разработка сайтов, содержащих виртуальные экскурсии. Так, в рамках выполнения государственной программы «Информационное общество» и в целях выполнения Указа Президента Российской Федерации от 7 мая 2012 г. № 597 создан *единый портал популяризации культурного наследия «Культура. РФ»*. В свободном доступе на портале размещены *виртуальные экскурсии* по музеям и объектам культурного наследия России, лекции известных деятелей культуры и мастер-классы выдающихся деятелей искусств, создан национальный календарь событий. Начато *размещение фильмов* режиссеров с мировыми именами из списка «100 фильмов», а также бесплатно предоставленных фильмов Свердловской киностудии. В настоящее время в свободном доступе на портале размещено 33 виртуальных музея; 370 лекций известных деятелей культуры и мастер-классов выдающихся мастеров искусств; 67 художественных и документальных фильмов; 61 видеозапись концертов классической музыки, хореографии [6].

При разработке интерактивных форм работы стоит учитывать *тенденцию, поддерживаемую современным туристом*: не отдыхать, но узнавать новое, слушать и смотреть. Как показывает практика, заинтересованность

туристов растет особенно в сборных (не корпоративных) турах. Современный турист – это развитый, информированный человек. Нередко он выстраивает свою поездку, связанную с событийными турами. При условиях утраты интереса к привычному маршруту причину стоит искать в устоявшемся формате, который не поддерживает интерес и потому не пользуется популярностью. Отсюда элементы интерактивности, мастер-классы привлекают внимание: человек получает познавательное удовлетворение от самостоятельно сделанного предмета, который является элементов нематериального культурного наследия региона. Этому способствует возможность переключиться от умозрительного постижения к тактильному.

Культурная индустрия – важная форма культурного производства. Она обеспечивает массовое распространение типовых культурных образцов, созданных в стандартных формах и по стандартным технологиям, соответствует стандартным идеологическим задачам. Это черта глобального мироустройства. Положительный результат – обеспечение комфортного существования человека ввиду образования единых экономических связей, транспортных систем, социальных норм, стандартизации и массового распространения наиболее эффективных культурных практик. Однако, с другой стороны, неповторимость, уникальность места, закреплённая в историко-культурном наследии, способны сплотить, объединить вокруг знаковых для территории объектов, выстроить диалог с местом благодаря не только поиску ответов на вопросы, но и открытию для себя нового знания.

1. Федеральный закон Российской Федерации от 25 июня 2002 г. № 73-ФЗ «Об объектах культурного наследия (памятниках истории и культуры) народов Российской Федерации» // Российская газета. 2002. 29 июня. № 116–117.

2. Туристические маршруты Омской области. Путеводитель. Омск: ПА «Компаньон», 2014. 120 с.

3. Знакомство с городской культурой Омска: творческий блокнот студента. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2014. 52 с.

4. Гамалей Т. Ю. Нескучный путеводитель по Новосибирску. Новосибирск: Агентство «Сибпринт», 2014. 144 с.

5. Виртуальные прогулки по старинному Тобольску выходят на международный уровень // Портал «Сиб-Туризм». URL: <http://www.sibturizm.ru/index.php/novosti/virtualnye-progulki-po-starinnomu-tobolsku-vyhodyat-na-mezhdunarodnyy-uroven.html> (дата обращения 10.11.2014)

6. Портал культурного наследия России «Культура. РФ». URL: <http://www.culture.ru/performance/list> (дата обращения 18.11.2014).

© Бакулина С. Д., 2015

**БРЕНД ЮБИЛЕЙНОГО ГОРОДА
В СОВРЕМЕННОЙ
РОССИЙСКОЙ КУЛЬТУРЕ**

В статье рассматриваются вопросы использования технологий территориального брендинга через организацию юбилейных событий. Автор анализирует теоретические аспекты проблемы, предлагает анализ позиций различных научных направлений о предмете исследования – юбилее города. Автор подробно анализирует существующую российскую практику, выявляет типичные проблемы, возникающие при подготовке юбилея территории и брендировании этого события.

Ключевые слова: территориальный брендинг, бренд территории, юбилей, юбилейные события, специфика организации события, юбилей города, концепт пространства.

**BRAND OF AN ANNIVERSARY CITY
IN THE CONTEMPORARY
RUSSIAN CULTURE**

The article covers the problem of territory branding through anniversary event organization. The author analyses the theoretical aspects of the problem and suggests analysis of the attitudes of different scientific schools to the stated above problem – the anniversary of a city. The detailed analysis of the Russian experience is provided. The typical problems of preparing the anniversary of the region and branding this event are stated.

Keywords: territorial branding, territory brand, anniversary, anniversary events, specifics of the event organization, anniversary of a city, concept of space.

Согласно концепции Ф. Котлера современная цивилизация – это цивилизация потребления. Мир условно делится на потребителей (покупателей), производителей и непосредственно товары. В качестве последних выступают и территории, различные по своему масштабу. Среди ресурсов можно также отметить богатую историю данного края, взаимосвязь с известными историческими личностями, прекрасную архитектуру, в общем, все то, что можно назвать историко-культурным наследием.

Возникает ситуация, когда сама историческая память в этих условиях выступает как продукт и товар, которыми территория начинает торговать. Разработка бренда в контексте исторической памяти одновременно рассматривается властными элитами как возможность привлечения денег в регион. К этому следует отнести использование важных исторических дат, в том числе и юбилеев исторических событий. В современной России наблюдается настоящий бум празднования знаменательных дат городов.

Очевидно, что понятие «бренда» и «брендинга» в большей степени соотносится с экономикой, нежели со сферой истории или культуры. Однако данная тематика интересна и востребована в среде теоретиков (историков, культурологов, географов). Авторитетное мнение этих специалистов, их знания и опыт органы власти не привлекают к процессу закладывания того фундамента, который впоследствии должен стать основанием для разработки бренда города, готовящегося к празднованию круглой даты.

Юбилейная дата прежде всего связана с исторической памятью (индивидуальной и коллективной), также взаимосвязана с популярным (в настоящее время в среде ученых) объектом исследовательского интереса – идентичностью и с исследованиями, связанными с ней.

Пьер Нора вводит понятие места памяти, описывая явления ускорения истории, вследствие которого произошло разрушение коллективной памяти социальных групп. *Lieux de memoire* – места памяти – места, «где память кристаллизуется и находит свое убежище» [1, с. 17], где она сохраняется и может быть воплощена. Проблема разрушения приводит еще к одному интересному явлению – идентичности – и ее связи с исторической памятью [1, с.17]. Об исторической памяти как об «измерении индивидуальной коллективной/социальной памяти – ... об историческом прошлом или, вернее, символической репрезентации исторического прошлого» [2, с. 414] пишет Л. П. Репина. Она презентует это понятие и как сложный социокультурный феномен, и как компонент самоидентификации и индивида, и группы, и общества. С. И. Маловичко связывает актуализацию темы исторической памяти, сознания как социокультурного контекста с обращением к стилям мышления [3]. Германский профессор Ян Ассман отмечал важную роль памяти о прошлом в построении культурных идентичностей [4]; Отто Герхард Эксле говорит о рассматриваемом явлении как о «новой исторической парадигме», опираясь на работы Н. Анциферова, И. М. Гревса и приходит к выводу, что «...“история памяти” в форме изучения “мест памяти”...» [5, с. 310] и *urban studies* возникли еще в 1920-х гг. в российской исторической науке.

Говоря об источниках негативного влияния (искажения, утраты) на идентичность, доктор философских наук А. В. Дахин отмечает такие факторы, как «столкновение интересов уникальности места в пространстве конкретного исторического города и унитарности политики региональных властей», Ф. Йейтс, вводит понятие «общегородской *loci-совокупности* как базовой структуры

коллективной идентичности городского сообщества» [6, с. 6].

Продвижение территории с теоретических позиций разрабатывается в междисциплинарном поле. Дискуссионными площадками становятся научные конференции, симпозиумы, форумы, в их числе Всероссийская научная конференция «Влияние петровской эпохи на развитие сибирских городов (история, краеведение, культура)», Международная научно-практическая конференция «Продвижение территории через культурные бренды: использование новых коммуникационных технологий», Всероссийский научный симпозиум «Проблемы культуры городов России: теория, методология, историография, исследовательские модели и практики», Всероссийская конференция с международным участием «Культура и интеллигенция России: Личности. Творчество. Интеллектуальные диалоги в эпохи политических модернизаций», форум Омск-2016 «Город, где я хочу жить», в рамках которого проходила научно-практическая конференция «Проблемы сохранения и развития историко-культурной среды» в преддверии 300-летия основания Омска. Вопросы, связанные с комплексным изучением города рассматривались на Всероссийской научно-практической конференции «Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города в переходный период». Обсуждалась не только тема юбилея, но был поставлен вопрос его использования. Для властей – это некий ресурс; для ученых – научный сюжет (прежде всего это относится к историкам, культурологам, урбанистам), где юбилей должен «латать дыры... в городской идентичности» [7, с. 15]; для маркетологов – в том числе средство заработка. О комплексном изучении региона с позиций региональной истории заявляют участники Грибушинских чтений [8, с. 4].

Кандидат культурологических наук А. Г. Евтушенко дает определение термину «юбилей» «...это сложносоставной процесс, включающий в себя помимо духовных, ряд материальных аспектов, обязательно реализующихся в юбилейном процессе... Экономический аспект юбилейного процесса очевиден в признании за юбилеем статуса инструмента функционирования региональных экономик и важной политической доминанты» [9, с. 13].

Как праздник юбилей включает в себя этапы: организацию и проведение мероприятия. Праздник в качестве конечного результата предполагает закрепление культурной памяти: создание музеев, открытие памятников, презентации книг, посвященных юбиляру, конкурсы, концерты массовые театрализованные представления, фестивали и пр.

В исследовательском поле соединения концептов пространства и памяти существует проблема манипулирования историческим сознанием посредством воздействия на историческую память. Эти процессы связаны с политикой, проводимой государством (не только русским, обращаясь к новой парадигме «истории памяти», обнаруживаем то, «...что в Германии называют “политикой по отношению к прошлому” или “политикой воспоминаний”»

[5, с. 309], т. е. по своей сути то же самое). Когда одни события словно стираются с лица российской истории и все пишется заново. Тогда можно говорить про историческую политику и политику государства.

Спецификой юбилеев городов с 2000-х гг. становится появление не только новых черт (использование властью данного ресурса для решения различных социально-экономических и даже политических проблем), но и в целом трансформируется представление о значении этого процесса и отношение к нему. В некоторых случаях, когда нет возможности попросить средств из бюджета в связи с отсутствием предстоящих юбилеев, возникают случаи фальсификации.

Сотрудник Московского центра Карнеги Н. Петров описывает подобный случай в Казани. Речь идет о прошедшем в 2005 г. 1000-летию города. Обоснованием его стала найденная в 1997 г. на раскопках Кремля чешская монета, датированная 929–930 г. Соответственно, становится совершенно непонятно, на каком основании установлена такая дата юбилея.

Н. Петров делает вывод, с которым сложно не согласиться: «юбилей города/региона, особенно когда дата круглая, — это то, что способствует привлечению всеобщего внимания и средств, созданию и раскрутке имиджа. Беда в том, что такие юбилеи редки — не на каждый начальственный век выпадают. Местные власти поэтому выискивают и отмечают юбилеи, но уже не региона, а событий из его истории, памятников архитектуры, известных земляков...» [10, с. 92].

А. Г. Евтушенко проводя исследования проблематики современных юбилеев составил определенный рейтинг «самых дорогостоящих юбилеев первого десятилетия XXI века». Расходы, осуществленные на подготовку и проведение мероприятий, исчисляются миллиардами рублей (в скобках указаны в том числе из бюджетов РФ и регионов, из средств инвесторов): на первом месте 1000-летие Казани в 2005 г. – 81,3 (7); на втором 300-летие Санкт-Петербурга в 2003 г. – 60; на третьем 1000-летие Ярославля в 2010 г. – 60 (3); на четвертом 100-летие Государственной думы в 2006 г. 50 (приблизительная цифра, точных данных нигде не опубликовано); 450-летие Астрахани в 2008 г. – 9,3 (2) [10, с. 93].

Потребность в удовлетворении острой необходимости своих политических амбиций также является поводом, объясняющим своего рода «юбилейный бум». «Подготовка юбилеев важна не только с экономической, но и с политической точки зрения. Чиновники борются за честь быть почитателями региональной истории, радателями о нуждах горожан. Победа в юбилейной гонке означает не только контроль над финансовыми потоками, но и улучшение своего имиджа. В Петербурге основная борьба разворачивалась между администрацией губернатора Яковлева и полпредствительством во главе с Виктором Черкесовым. В Пскове праздник параллельно готовили два оргкомитета: один из них возглавлял губернатор Евгений Михайлов, другой — мэр Пскова Михаил Хоронен» [10, с. 94].

Помимо «юбилейного бума», в нашей стране происходит еще и «брендинговый бум». Можно проследить определенную взаимосвязь между этими процессами, которая объясняется вызовом времени, исходя из концепции Ф. Котлера о современной цивилизации потребления (где историческая память выступает как товар), важностью повода (круглая дата), появлением дополнительных средств из государственного или муниципального бюджета и источников внебюджетного финансирования (меценаты, инвесторы, спонсоры).

В российском пространстве существует представление о том, что приглашенные специалисты, способны по некоей технологии создать бренд чужого для них и неизвестного города. Впоследствии получается, что разработанный бренд не работает (например, Омск, Ярославль). Изначально разработка не фиксируется как некое сопутствующее мероприятие, приуроченное к годовщине или юбилею города, но на практике все именно так и происходит. В пределах нашей страны есть профессионалы, которые отходят от этой модели и считают, что бренд города неразрывно связан с идентичностью его жителей (например, Денис Визгалов, Василий Дубейковский). Такое понимание близко представителям социально-гуманитарного направления, активно занимающихся изучением города (В. Г. Рыженко).

Актуализация вопросов, связанных с брендингом территории при подготовке к юбилею также инициируется представителями власти. Правительством РФ были рассмотрены и утверждены «Концепция продвижения национального и региональных брендов товаров и услуг отечественного производства на 2007–2008 годы», концепция «Программы улучшения инвестиционного имиджа России за рубежом» до 2012 года, «Концепция создания международного финансового центра в РФ» до 2012 года в Москве, «Стратегия развития туризма в РФ на период до 2015 года», «Концепция долгосрочного социально-экономического развития РФ на период до 2020 года». Далее эти документы начинают применяться субъектами РФ и муниципалитетами, запуская механизмы и по подготовке к юбилею, и по разработке бренда. Чаще всего это происходит в тесной связи между собой. Здесь можно выделить свои специфические черты:

- привлечение PR-ков, менеджеров, маркетологов, рекламщиков и дизайнеров, зачастую не являющихся местными жителями;

- к мероприятиям, связанным с созданием бренда, не привлекаются местные ученые: историки, культурологи, урбанисты и др. – все те, кто занимается изучением города в одном проблемном поле, но с разных позиций;

- в перечне основных причин разработки бренда описаны привлечение инвесторов, туристов, решение кадровой проблемы и проблем, связанных с миграцией, существованием, экономическим развитием;

- нет инициативы со стороны заказчиков и разработчиков бренда по вовлечению в этот процесс местных жителей, которые впоследствии отвергают разработанный бренд и его логотип, так как не идентифицируют себя с ним [11].

Возможным для решения данной проблемы представляется выстраивание диалогов по вопросам создания бренда юбилейного города, подготовки и проведения праздничных торжеств между властью, населением, учеными-теоретиками (историками, культурологами, географами и т. д.) и учеными-практиками (специалистами PR, менеджерами, маркетологами, рекламщиками, дизайнерами). Учитывая мнение представителей различных социальных групп, общностей, в том числе представителей гуманитарной отрасли знания, а не исключительно власти, предоставляет возможность создание эффективного бренда. То есть такого, который может стать еще и новым способом закрепления исторической и культурной памяти.

1. Проблематика мест памяти // Франция-память / П. Нора, М. Озуф, Ж. де Люимеж и др. СПб.: Изд-во С.-Петербур. ун-та, 1999. С. 17–50.

2. Репина Л. П. Историческая наука на рубеже XX–XXI вв.: социальные теории и историографическая практика. М.: Кругъ. 2011. 560 с.

3. Маловичко С. И. История исторической науки: поиск методологического инструментария в период парадигмальных измерений // Харківський нац. ун-т ім. В. Н. Каразіна. Харків: НМЦ «СД», 2000. Вип.10. 2010. С. 70–84.

4. Ассман Я. Культурная память: письмо, память о прошлом и политическая идентичность в высоких культурах древности. М.: Языки славянской культуры, 2004. 363 с.

5. Эксле О. Г. «История памяти» – новая парадигма исторической науки // Теория и методы исторической науки: шаг в XXI век: материалы Междунар. науч. конф. / отв. ред. Л. П. Репина. М.: ИВИ РАН, 2008. 394 с.

6. Рыженко В. Г. Образы и символы советского города в современных исследовательских опытах: региональный аспект: монография / науч. ред. В. П. Корзун. Омск: Изд-во ОмГУ, 2010. 340 с.

7. Кузнецк – Сталинск – Новокузнецк: проблемы города в переходный период : сб. науч. тр. II Всерос. науч.-практ. конф., Новокузнецк, 3–4 дек. 2012 г. / под ред. И. П. Басалаевой, Е. Б. Макаревой; науч. ред. И. П. Басалаева; Кемровский гос. ун-т. Новокузнецк, 2010. 426 с.

8. Дементьев Б. П. Региональная история: проблемы осмысления и изучения // Грибушинские чтения – 2009. Музей в пространстве и времени: тез. докл. и сообщ. VII межрегиональной науч.-практ. конф. (г. Кунгур, 23–25 апреля 2009 г.). Кунгур, 2009.

9. Евтушенко А. Г. Юбилей как социокультурный феномен: автореф. дис. ... канд. культурологии. М., 2012. 28 с.

10. Евтушенко А. Г. Юбилей российских городов как важный инструмент функционирования региональных экономик // Вестник МГУКИ. Теория. История культуры. М., 2012. № 3 (47). С. 91–94.

11. Бренд области. URL: <http://www.omsk-kprf.ru/?q=node/5480> (дата обращения 10.06.2011).

© Избушева А. М., 2015

КОММУНИКАЦИОННЫЕ ПРОЕКТЫ В БИБЛИОТЕКАХ КУНГУРА

В статье осмысливается опыт работы библиотек Кунгура, направленный на изменение в обществе отношения к книжной и читательской культуре, на поддержку культурных инициатив, способствующих повышению престижа чтения и роли библиотеки в обществе. Проекты, описанные в статье, содержат широкий историко-литературный контент и реализованы с использованием медиа и коммуникационных технологий.

Ключевые слова: библиотека, продвижение чтения, встречи с писателями, изменение общественного мнения, опыт работы по формированию читательского сообщества, газеты о культуре, литературный проект, Кунгур.

Продвижение Кунгура как одного из самых значительных и крупных историко-культурных центров Пермского края невозможно вывести на качественно новый уровень без развития информационных центров, коими на сегодняшний день являются библиотеки, объединенные в Централизованную библиотечную систему города (МБУК «ЦБС г. Кунгура»). Каждая из библиотек имеет «свое лицо»: Центральная городская библиотека им. К. Т. Хлебникова, Центральная детская библиотека им. Б. С. Рябина и библиотека № 3 им. К. Я. Мамонтова приоритетным направлением выбрали мемориальную деятельность. Их задачей стало сохранение исторической памяти, продвижение и популяризация наследия людей, чье имя носят библиотеки.

Библиотека № 2 работает с читателями пожилого возраста. Более 15 лет здесь действует клуб пенсионеров «Оптимист». Библиотека № 6 активно работает с молодежью, а также продвигает творчество своих читателей через выставки-экспозиции «Библиооаэция». Библиотека № 5 на протяжении ряда лет позиционирует себя как библиотека-бестселлер, собирая в своём фонде новинки массовой литературы.

Муниципальный общедоступный информационный центр (МОИЦ) – специализированная библиотека, обеспечивающая доступ населения к правовым и экономическим документам, содействующая реализации прав граждан на бесплатную юридическую помощь.

Библиотеки МБУК «ЦБС г. Кунгура» по-своему продвигают город: «Сити-квест», «Флэш-моб», «Библиотечные скамейки» – каждый из этих проектов заслуживает особого внимания. Успешными являются проекты, направленные на изменение в обществе отношения к книжной и читательской культуре, на поддержку культурных инициатив, способствующих повышению престижа чтения и роли библиотеки в обществе. К таким проектам относятся «Культурный трафик через Кунгур», «Литературная

COMMUNICATIVE PROJECTS OF THE LIBRARIES IN KUNGUR

The article centers its attention on the reflection of working experience of libraries of the city of Kungur. The work of the libraries is dedicated to the change of the readers' attitude to the book and reading culture and the support of cultural initiatives that enhance prestige of reading and the role of libraries in the society. The projects that are described in the article include wide historical-literary content and are implemented with media coverage and communication technologies use.

Keywords: library, reading promotion, meetings with the writers, public opinion change, work experience in readers' society formation, newspapers about the culture, literary project, the city of Kungur.

карта Кунгура», «Кунгур литературный». Руководитель проектов – С. И. Матвеева

Проект «Культурный трафик через Кунгур». Запечатательной традицией становится посещение Кунгура известными российскими писателями и литераторами. Так, в рамках проекта «Культурный трафик через Кунгур» в городе побывали Е. И. Трофимова, преподаватель МГУ, с мастер-классом «Скорби и радости Лидии Чарской», состоявшимся в рамках Грибушинских чтений. Неоднократно в Центральной городской библиотеке им. К. Т. Хлебникова проходили встречи с земляком, писателем, журналистом, краеведом С. Останиным. Сергей Останин родился и вырос в Кунгуре, в настоящее время работает в военной редакции ИТАР ТАСС (Москва). На творческой встрече с читателями Сергей Останин рассказывает о том, какие книги он читал в детстве и читает сейчас, о своих любимых писателях и писателях, которых он открыл благодаря их дневникам и письмам.

В 2011 г. город посетила известная писательница Мария Арбатова. На встречу пришли люди, интересующиеся ее творчеством. Разговор с читателями М. Арбатова начала с рассказа о работе над фильмом «Испытание смертью» из серии «Поединки», сценарий для которого она писала вместе с мужем Шумитом Датта Гупта. После просмотра 1-й серии фильма из зала были заданы многочисленные вопросы, читателей интересовало всё: её биография, творческий процесс, участие в избирательных компаниях, феминизм, мнение о современных писателях и т. д. Присутствующие узнали, например, что М. Арбатова пишет тогда, когда есть время, а его всегда не хватает, сейчас к изданию готовится новый роман о разведчике Козлове. Мария Ивановна часто работает в жюри различных литературных премий, поэтому читает много произведений и молодых, и уже известных авторов.

В сентябре этого же года, в рамках V Краевого форума книги «Читай, губерния!» в г. Кунгур приехала известная

российская писательница – королева детектива Александра Маринина. Она прибыла в Кунгур в сопровождении двух близких ей людей – своего литературного агента Натана Яковлевича Заблоцкиса и подруги Ирины Сергеевны Козловой.

Встреча с А. Марининой прошла в режиме «вопрос-ответ». Писательнице было задано множество вопросов: часто ли она встречается с библиотечными работниками и выступает в библиотеках, соответствует ли образ Насти Каменской, созданный Еленой Яковлевой, её представлению об этой героине, откуда берутся сюжеты произведений, как идёт работа над книгой, реальные события описываются в книгах или вымышленные и многие другие. После ответов на вопросы, Александра Маринина дала автографы всем желающим, а их было немало, автограф-сессия продолжалась более часа.

В марте 2012 г. гостями города стали молодые талантливые писатели – Владислав Пасечник (Барнаул) и Константин Комаров (Екатеринбург). Если приезд лауреата престижной российской литературной премии «Дебют» В. Пасечника (автор книги «Модэ») был запланирован, то приезд в Кунгур поэта, литературного критика К. Комарова стал неожиданным сюрпризом. Программа пребывания в городе была насыщенной: музеи, экскурсии, поднятие на колокольню Тихвинского храма, поездка на Белую гору, посещение склепа Грибушиных и Ледяной пещеры. А самое главное – встречи с горожанами, для которых молодые писатели стали настоящим открытием. Константин Комаров не только прекрасно декламировал поэтические тексты И. Бунина, Н. Гумилева, В. Маяковского, стихи собственного сочинения, но и высказал свое мнение о необходимости чтения, значении литературного слова в процессе духовного возрождения России, в котором ключевая роль принадлежит молодежи.

В. Пасечник рассказывал о себе, о создании повести «Модэ», за которую и получил премию, зачитывал отрывки, обозначил цель своего приезда в Кунгур – найти следы пророка Заратуштры. Эти встречи «зацепили» читателей благодаря непринужденной обстановке, шуточной словесной пикировке между писателями, искренности гостей, которые ответили на вопросы: «Почему главного героя «Модэ» сделали предателем?», «С кого написаны персонажи «Модэ?», «С чего начать писательское творчество?», «Как стать писателем, поэтом?», «Как найти свою тему?» и др. После поездки в Кунгур, мы узнали, что молодой писатель работает над новым романом, название которого еще не утверждено. «Могу сказать одно – говорит В. Пасечник, – основные действия будут происходить в городе Кунгуре. Я побывал там на пленере, и меня привлекли некоторые интересные факты из истории и культуры города. Один большой эпизод, кстати, уже готов».

В октябре этого же года в Кунгуре побывала известная писательница Лариса Васильева – автор более 20 поэтических сборников, книг «Кремлевские жены», «Дети Кремля», «Василиса» и др. Встреча прошла на одном дыхании. Было задано множество вопросов. На вопрос «Чем приглашались вам Кунгур?» Л. Васильева ответила «Во-первых, Пуп Земли. Я думаю, что если на этот пуп будет ложить-

ся женщина, которая хочет родить, то непременно родит. И это уже кое-что...». Ларису Васильеву тепло поздравили, вручив подарки и цветы, после чего она с удовольствием оставляла автографы читателям на своих книгах. Георгий Васильев, ее сын, после приезда написал: «вспоминаем о Кунгуре как о рае. Мама и я сердечно благодарим Вас за Ваше внимание и превосходный прием и передаем горячий привет...». Под впечатлением от поездки в Кунгур и Белогорский монастырь Л. Васильева написала повесть «Исчезновение императора, или Нет дыма без огня».

В 2013 г. запоминающимся событием для кунгуряков стала встреча с иностранными гостями. В Кунгур приехали Александр Александрович Пушкин, последний прямой потомок поэта А. С. Пушкина, вице-президент Международного фонда им. А. С. Пушкина, с женой Марией Александровной.

Александр Пушкин рассказывал: «Я – пятое поколение ветви Пушкиных и назван в честь своего прадеда – старшего сына поэта, Александра, который всю жизнь прослужил в армии, воевал за освобождение Балкан, был награжден золотой Георгиевской саблей и орденами Российской империи. Умер в чине генерал-лейтенанта, оставив от двух браков пятерых сыновей и восемь дочерей. Один из внуков поэта – Николай, от второго брака с Марией Павловой – эмигрировал после революции в Бельгию. Его сын Александр Николаевич женился на бельгийке – в этом браке и родился я, Александр Александрович Пушкин, которому суждено завершить мужскую линию Пушкиных на земле. Моя супруга, Мария Мадлен Дурново-Пушкина, тоже связана семейными корнями с великим поэтом: ее прабабушка Мария Александровна – дочь от первого брака (с Софьей Ланской) того же Александра Александровича, старшего сына поэта. То есть Мария Мадлен – прапраправнучка гения. Мало того, она еще и родственница Гоголя».

Александр Александрович Пушкин по профессии инженер-электронщик. Около тридцати лет проработал в компании Alcatel, занимаясь, в частности, укреплением отношений с Россией. Два года назад по специальному указу президента В. Путина получил гражданство России. Подробно Александр Александрович рассказал о работе международного фонда им. А. С. Пушкина, который оказывает помощь больным детям.

После раздачи автографов и общения с кунгуряками гости совершили экскурсию по Кунгуру: побывали в музее истории купечества, на колокольне Тихвинского храма, в Ледяной пещере.

Вместе с Пушкиными в городе побывал Дмитрий Борисович Кошко (Франция) журналист, председатель координационного совета российских соотечественников во Франции, президент ассоциации «Франция-Урал», один из главных инициаторов премии «Русофония», член экспертного совета Института ЕврАзЭС, правнук пермского губернатора в 1911–1914 гг. Ивана Францевича Кошко.

Переговоры о встрече с Дмитрием Кошко велись с августа 2012 г. Дмитрий писал «О Кунгуре я лично знал по тому, что о нем писал мой прадед Иван Францевич. И даже один раз проехал через Ваш город из Перми в Екате-

ринбург». В следующем письме поясняет «...мой прадед был Пермским губернатором до 1914 года. Он написал воспоминания и в них пишет о Кунгуре. Эти записки у Демидовского института в Екатеринбурге». На встрече с жителями Кунгура Д. Кошко подарил библиотеке книгу «Воспоминания губернатора» (деда Ивана Францевича Кошко), а также раритеты – изданные в Париже в 1929 г. «Очерки уголовного мира царской России: воспоминания бывшего начальника московской сысской полиции и заведующего всем уголовным розыском империи», написанные братом его деда Аркадием Кошко. Один экземпляр хранится в Париже, а другой – у нас, в Центральной городской библиотеке им. К. Т. Хлебникова, в фонде редких книг.

Проект «Культурный трафик через Кунгур» заинтересовал столичных писателей. Наш небольшой город оказался в центре внимания. Гостеприимство горожан, аура старинного купеческого города, встречи способствуют появлению творческих идей и продвижению чтения.

Проект «Литературная карта Кунгура». В современных библиотеках актуальной задачей является продвижение чтения через интернет-пространство. Впервые в Пермском крае создан универсальный информационный сайт «Литературная карта Кунгура» – карта в электронном виде, на которую нанесены объекты, связанные с литературной средой города: писатели-уроженцы Кунгура, писатели- гости города, местные авторы, публикующие художественные произведения, а также литературные события – конкурсы, фестивали, праздники... Именно то, что связано с книгой, библиотекой, литературным творчеством. Литературно-краеведческая информация доступна широкому кругу пользователей не только Пермского края, но и за его пределами. Со времени открытия сайта более 300 000 посещений. В 2012 г. проект стал лауреатом премии Пермского края в сфере культуры и искусства.

Литературная карта, состоит из нескольких разделов: Кунгур – историческая справка; Литературные улицы Кунгура; Библиотеки города; Литературные праздники; Литературные объединения, Литературные дебюты; На театральных подмостках; Город-актер. Калейдоскоп имен связанных с нашим городом включает имена В. Астафьева, Б. Рябинина, Е. Евтушенко и многих других. С каждым новым гостем (М. Арбатова, Е. Трофимова, А. Маринина, Л. Васильева и др.) пополняется сайт.

Благодаря интернет-ресурсу краеведы смогли расширить материалы своих исследований по истории улиц города, связанных с писателями. Экскурсоводы получили дополнительный материал для экскурсий, позицио-

нируя Кунгур как территорию, богатую литературными традициями. Педагоги учебных заведений смогли получить дополнительный материал по литературному краеведению, учащиеся и студенты используют его в подготовке уроков и в написании научно-исследовательских работ для НОУ (Научное общество учащихся), при этом любители литературы размещают на сайте свои стихи и прозу.

Литературная карта Кунгура стала вкладом в литературное образование учащихся школ и ССУЗов города, путем проведения презентаций в библиотеках, учреждениях культуры и учебных заведениях города, распространения печатной продукции, размещения рекламы в СМИ. Проект позволил поднять на новый уровень имидж библиотеки в местном сообществе, привлечь потенциальных и виртуальных пользователей.

Проект «Кунгур литературный» является продолжением предыдущего проекта. В 2014 г. в Кунгуре появилась газета «Кунгур литературный» (тираж 999 экземпляров, выходит 1 раз в месяц, распространяется во все библиотеки Пермского края). Газета создана для тех людей, которые не мыслят своей жизни без литературных произведений и их авторов. Ведь мир книг настолько разнообразен и интересен, что затягивает туда своих почитателей с головой. На страницах газеты мы рассказываем о том, что происходит в мире литературы Кунгура, все, что может быть интересно не только взрослому начитанному человеку, но и простому школьнику и студенту. Кстати, использовать материалы можно как преподавателю для подготовки к тому или иному уроку, так и учащимся различных учебных заведений. Думаем, интересный материал для сочинений и творческих работ сможет подобрать любой любознательный ученик.

Мы, в свою очередь, стараемся сделать так, чтобы материал, размещенный на страницах газеты был интересен читателям. Надеемся, что с нашей помощью мир литературы для них еще шире раскроет двери!

Библиотеки Кунгура становятся местом встреч с интересными людьми, что, несомненно, способствует их позиционированию в местном сообществе, популяризации чтения, а также Кунгура и Пермского края в целом. Результаты проектов: проведены творческие встречи с известными российскими и зарубежными писателями и журналистами в учреждениях культуры и образования Кунгура. Увеличился спрос на произведения приглашенных писателей, книги разбираются мгновенно и читаются в течение нескольких месяцев. Встречи оставляют положительные воспоминания на долгие годы.

БРЕНДЫ В СОЦИОКУЛЬТУРНОЙ ПАРАДИГМЕ СОВРЕМЕННОГО КИТАЙСКОГО ОБЩЕСТВА

В статье феномен бренда рассматривается с точки зрения элемента социокультурной парадигмы современного китайского общества. Раскрывается культурно-символическая значимость бренда и его «виртуальная» сущность. Кроме того, бренд рассматривается как важный компонент коммуникативного аппарата в современной реальности, которая носит глобализационный и интернациональный характер. Выделяется тот факт, что бренд представляется важным и неотъемлемым компонентом процессов общественного воспроизводства, которые, в свою очередь, являются одним из основных факторов, влияющим на изменения в общественной, межличностной и даже внутренней жизни личности. Статья описывает особенности кросс-культурной коммуникации на примере адаптации «западных» брендов в рамках современного китайского общества.

Ключевые слова: бренд, социокультурная парадигма, современное китайское общество, кросс-культурная коммуникация, глобализация.

BRANDS IN THE SOCIO-CULTURAL PARADIGM OF THE MODERN CHINESE SOCIETY

The article considers the phenomenon of brand as the element of socio-cultural paradigm of the modern Chinese society. The cultural and symbolic significance and «virtual» essence of the brand are revealed. Moreover, the brand is considered as the important component of the communicative instrument in modern reality which has global and international character. The article points out the fact that the brand is an important and inherent component of social reproduction processes which influence on social, interpersonal and even individual interior life changes. The article gives the description of special aspects of cross-cultural communication at the examples of «west» brands adaptation in the modern Chinese society.

Keywords: brand, socio-cultural paradigm, modern Chinese society, cross-cultural communication, globalization.

Появление такого феномена, как «бренд» в КНР неразрывно связано с формированием общества потребления, сложно говорить о бренде в ситуации дефицита и планового распределения. Реформы Дэн Сяопина, заложив основы роста китайской экономики, определили характер современного китайского общества, в котором все более важную роль играют потребители.

Одновременно процессы глобализации изменяют представления о расстоянии как о более-менее значимом факторе коммуникации. Отражается это и в экономической сфере: транснациональные компании, международные бренды стали явлением повседневности. Парадокс заключается в том, что наметившаяся динамика эфемеризации дистанции, понимаемой как расстояние от точки А до точки В, и дистанции между представителями различных этносов, лежащая в области того, что принято называть культурой, в последние десятилетия приобретает, скорее, обратный вектор. Примером тому и крах политики мультикультурализма в Европе, и введение интернет-цензуры и увеличение тарифов на перевозки или вовсе отмена таковых (перевозок) в связи с международными финансовыми кризисами различной этиологии.

В этом контексте изучение закономерностей формирования единого коммуникативного пространства, где акторами являются представители различных культурных парадигм, анализ принципов трансформаций базовых коллективных идентичностей представляется фактором устойчивого развития всего сообщества.

В кризисной ситуации как никогда остро ставится вопрос о тождественности общества самому себе. Вследствие чего в центре внимания оказываются практики формирования идентичности, раскрывающие механизмы целеполагания, с одной стороны, и логику внутрисоциальных трансформаций – с другой. Наиболее репрезентативным является изучение процессов идентификации в ситуации такого типа общественных трансформаций, как глобализация, так как здесь в ситуацию взаимодействия вступают такие сложноустроенные социальные макро-субъекты, как цивилизации, вследствие чего можно говорить о формировании определенного типа цивилизационной идентичности. Механизмы формирования, воспроизведения и трансляции идентификации данного типа, ее роль в повседневных практиках будут рассмотрены далее.

Необходимо учитывать то, что малые социальные формы (этносы, нации), составляющие основу современного мира, в силу установившихся многоуровневых социокультурных и политико-экономических связей, неспособны существовать вне рамок цивилизации, взаимодействуя между собой для сохранения политической, экономической и другой целостности. Во избежание терминологической путаницы стоит уточнить, что в данном контексте под цивилизацией понимается «устойчивая социокультурная общность людей и стран, сохраняющих свое своеобразие и целостность на больших временных отрезках, несмотря на внешние влияния» [1, с. 334].

Однако такой подход требует определенности в отношении понятий «культура» и «цивилизация». В связи со сложившейся в социально-гуманитарных науках терминологической расплывчатостью и неоднозначностью употребления данных категорий, вопрос о соотношении указанных понятий является особенно актуальным [2, с. 16]. В контексте представленной работы достаточно указать, что цивилизация предполагает включение отдельных культур в качестве составных частей, являясь образованием более масштабным и устойчивым. Так, например, именно с вызовом Западной цивилизации (а не культур, ее составляющих) столкнулся Китай в середине XIX в. в период своего «открытия».

Такое возможно лишь при наличии определенного вида идентичности, который выступает в качестве «общего знаменателя» для разрозненных социальных образований. Собственно идентичность, предлагает аксиологическое основание взаимодействия социальных субъектов, определяющее уникальность процессов производства и развития, происходящих в социуме [3, с.78] Цивилизационная идентичность, в свою очередь, является идентичностью «высшего» уровня, включающей в себя основные варианты социальных идентичностей, определяет, таким образом, и логику кросскультурного взаимодействия.

Рассматривая глобализацию как особый вариант общественных трансформаций, необходимо уточнить, что китайские исследователи воспринимают данные процессы как вариант модернизационных преобразований [4, с. 28], отличительной особенностью которых является наличие «значимого другого», с которым общество соотносит себя в процессах преобразований. Наличие «значимого другого» в качестве контр-субъекта и собственно трансформирующегося общества в качестве субъекта позволяет, применительно к Китаю, говорить о процессах глобализации как системе социальной деятельности, где ведущей деятельностью является процесс формирования идентичности (идентификации), чьим содержанием становится обмен живой и опредмеченной деятельностью между субъектами.

В этом контексте чрезвычайно интересно рассмотреть феномена бренда. Различные исследователи по-разному определяют данное явление [5, с. 150; 6, с. 40; 7, р. 14], однако общим является указание на включенность бренда в коммуникативные процессы, а также признание его «виртуальной» природы [8]. Бренд концентрирует в себе значимое культурно-символическое содержание и существует как некоторое символическое единство субъекта коммуникации и среды его существования. Физическим воплощением бренда являются его атрибуты – все осязаемые или осознаваемые особенности, идентифицирующие бренд, доносящие до потребителя те выгоды, которыми этот бренд обладает (дизайн, название, слоган, ассортимент, сервис, дизайн помещений, рекламное сообщение, каналы продвижения, структура сбыта и т. д.).

Обращаясь к изучению феномена бренда в описываемой выше системе глобализации, представляется

возможным говорить о культурно-символической, виртуальной составляющей бренда как о живой деятельности, разделяющей представления о прошлом, настоящем и будущем субъекта, а физическое воплощение бренда, наряду с фиксированными формами памяти, образами, принять в качестве опредмеченной. Внутренним опосредованием данного обмена деятельностью между субъектом и контрсубъектом становятся заимствования: феномены «чужой современности», подлежащие освоению и служащие для форсирования изменений и сокращения различий между субъектами. Обмен деятельностью постоянно изменяет субъектов, а тем самым и систему в целом, являясь источником ее постоянного обновления [9, с. 148–149], т. е. источником для саморазвития системы.

В ситуации подобных преобразований у «масс» и «элит» формируются различные ценностные системы, противоречащие друг другу. «Элиты» в значимом другом видят источник обновления, образец силы, благополучия, модель своего «завтра», залогом которого является именно новизна. Для «масс» преобразования имеют смысл лишь в силу наличия их генетической связи с прошлым, т. е. традиционности. В связи с этим элиты, заинтересованные в обеспечении эффективной коммуникации с массами, прибегают к «кодированию» инновационных ценностей, помещая их в прошлое, создавая «новую традицию» [10, с. 273]. Посредством чего запускается механизм легитимации новации через традицию. Таким образом, через совмещение пространственного (свой – чужой) и временного (прошлое – настоящее – будущее) кодов происходит создание новой ценностной реальности, предлагаемой обществу [11, с. 135].

В ситуации глобализационных изменений глобальные корпорации – неотъемлемый компонент актуального настоящего, характеризующий интегративные процессы современного общества. Открывая свои филиалы, предлагая товары и услуги потребителям стран и регионов, находящихся в различных культурных, экономических, политических условиях, они (в лице своих идеологов) транслируют ценности общества, определяемого как общество потребления.

Для рассмотрения взяты иностранные бренды Mercedes-Benz и BMW, воплощающих «люксовый» сегмент потребления.

Автомобильный рынок в Китае растет высочайшими темпами. Достаточно сказать, что Шанхайский автосалон в настоящее время является самым крупным в мире. Базовой ценностью общества потребления является свобода выбора, автомобиль – это воплощение свободы, личной свободы. Официально, население Китая составляет около полутора млрд человек, причем большая часть проживает в приморских провинциях Поднебесной. В ситуации такого скопления людей, а также приняв во внимание то, что до 1990-х гг. поездки по стране строго регламентировались [12, с. 40], собственный автомобиль действительно становится объектом мечтаний. При этом автомобили, безусловно, являются статусной вещью, обращение к определенной фирме становится способом манифестации принадлежности человека к определенной

группе. Несмотря на то, что в Китае успешно существуют и продолжают появляться собственные автомобильные бренды, предпочтение в классе «люкс» отдается скорее немецким BMW и Mercedes-Benz.

BMW, аббревиатура от Bayerische Motoren Werke (Баварские моторные заводы), чьим логотипом стало стилизованное изображение вращающегося пропеллера, а девизом «Sheer Driving Pleasure» (С удовольствием за рулем). Но действительный шедевр – это перевод аббревиатуры BMW на китайский язык. Вообще перевод на язык, понятный жителям Поднебесной, требует в абсолютном большинстве случаев иероглифической записи в отличие, например, от японского языка, что предоставляет определенный простор для творчества и, главное, автоматически включает понятие в контекст китайской культуры. На китайский язык BMW было переведено как 宝马 [Bǎomǎ], что дословно может быть переведено как «драгоценная лошадь». Замечательный пример, когда, сохранив звучание, удалось привнести новые смыслы, отсутствовавшие в оригинальной версии. Во-первых, абсолютно понятно, что данная категория товаров предназначена для перевозок, во-вторых, иероглиф «драгоценный» содержит в себе графему «нефрит», а нефрит, согласно китайской традиции, носят великие люди (например, при оформлении медалей пекинской олимпиады использовались нефритовые кольца). Таким образом, инородная аббревиатура BMW превратилась в узнаваемое, имеющее коннотации с китайской культурой, название.

Ближайший конкурент BMW – Mercedes-Benz. Название состоит из двух имен: первое – имя (не настоящее, а домашнее) дочери бизнесмена, заказавшего первый автомобиль, второе – имя изобретателя и разработчика автомобиля. Логотип – трехлучевая звезда – символ успеха продукции на земле, воде и в воздухе (помимо автомобилей компания производила судовые и авиационные двигатели). Позже звезда была вписана в кольцо с лавровым венком – дань прошлым победам автомобилей на гонках. Новый лозунг компании, действующий с 2010 г. «The best or nothing» (Самое лучшее или ничего). На китайский язык название фирмы переводится несколькими вариантами: 奔驰 [bēnchí] «мчаться» или «нестись галопом», 宾士 [bīnshì] «воин», 平治 [píngzhì] «спокойное правление» (схоже с 治平 [zhìpíng] – девизом царствования 1064–1067, при династии Сун).

Замечательно, что данные бренды, олицетворяющие роскошь и успешность, предлагают различные трактовки данных категорий. Так, BMW через свой лозунг «С удовольствием за рулем», очевидно, предлагает своему потребителю место за рулем автомобиля, а не в салоне, где комфортно располагаются владельцы Mercedes. Удовольствие от поездки водитель может получить при сочетании в его автомобиле трех факторов: дизайна, мощности, технологии. Таким образом, бренд «драгоценная лошадь», транслирует идею уважаемого, молодого и энергичного владельца, в отличие от владельца Mercedes, где упор делается на уважение, традиции и роскошь. Благодаря выбранной стратегии, бренд BMW стал символом «нового азиатского успеха» [13], отчетливо проводя границу

между «новым» и «старым», поддерживает новое поколение китайских бизнесменов в достижении экономического и социального статуса.

В завершение автомобильной темы остается сказать, что продажи столь популярных в Европе компактных хэтчбеков от производителей автомобилей премиум-класса оказались в Китае провальными. Причина очевидна – бренд, оставшись по форме иностранным, стал частью китайской культуры, важным социальным маркером. Вписавшись в китайское культурное поле, его функционирование стало определяться ценностями, обусловленными местной цивилизационной идентичностью. В Китае, где иерархия – одна из основ социальной целостности и стабильности, статусной вещью не может владеть человек, не достигший искомого статуса. Ну не может простолюдин управлять «драгоценной лошадью».

Таким образом, можно говорить о том, что иностранные бренды, попадая в Китай для своего успешного продвижения должны, сохраняя иностранный флер, одновременно осознаваться как часть китайской культуры. Этого можно добиться посредством иероглифического перевода названия, использования традиционных ценностей в стратегиях и практиках продвижения. С другой стороны, будучи феноменом «чужой современности», попадая в иную среду, бренд способствует трансформации и «принявшего его» общества, и общества «источника трансформации». Адаптировав западные модели, Китай сегодня диктует условия: в Пекине открываются «китайские» автомобильные конструкторские бюро, а из голливудских фильмов удаляются упоминания о Китае, имеющие негативный характер [14; 15].

1. Новая философская энциклопедия: в 4 т. / Ин-т философии РАН; Нац. обществ.-науч. фонд; науч.-ред. совет В. С. Степин, А. А. Гусейнов, Г. Ю. Семигин и др. М.: Мысль, 2010. Т. 3. 440 с.

2. Сайко Э. В. Цивилизация в пространственно-временном континууме социальной эволюции и проблема ее системного слома // Цивилизация. Восхождение и слом: Структурообразующие факторы и субъекты цивилизационного процесса / отв. ред. Э. В. Сайко. М.: Наука, 2003. 453 с.

3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: Медиум, 1995. 323 с.

4. Яньсянь Янь Государственная власть и изменения в культуре Китая // Многоликая глобализация / под ред. П. Бергера и С. Хантингтона. М.: Аспект Пресс 2004. 382 с.

5. Райс Л., Райс Э. 22 закона создания бренда. М.: АСТ, 2003. 159 с.

6. Тамберг В., Бадьин А. Бренд: боевая машина бизнеса. М.: ЗАО «Олимп-Бизнес», 2005. 240 с.

7. Mariotty J. Smart Things to Know about Brands and Branding. Capston Pub, 2001. P. 14–18.

8. Запесоцкий Ю. А. Бренд как фактор эволюции современной массовой культуры // Вопросы культурологии. 2009. № 10. С. 56–58.

9. Фофанов В. П. Социальная деятельность как система. Новосибирск: Наука, 1981. 303 с.

10. Вальдман И. А., Куратченко М. А. Социальные модернизации образования в Китае: сетевой контекст инноваций в системе самоорганизации трансформирующегося общества // Философия образования. 2010. № 3 (32). С. 271–278.

11. Вальдман И. А. Социокультурная рефлексия свободы: политогенез и культурно-историческая память // Высшее образование в России. 2010. № 12. С. 131–136.

12. Герт К. Куда пойдет Китай, туда пойдет мир: как китайские потребители меняют правила игры. М.: ООО «Юнайтед Пресс», 2011. 271 с.

13. Немецкие люксовые бренды – знакомство с BMW (2010) // CCTV.com. URL: <http://auto.cntv.cn/20100527/103303.shtml> (дата обращения 5.01.2015)

14. Mercedes-Benz будет создавать автомобили в китайском стиле // Autonews.ru. URL: http://www.autonews.ru/automarket_news/news/1700275/ (дата обращения 5.01.2015)

15. Дракон расправил крылья: как Китай подчиняет себе Голливуд. (2013) // Lenta.ru. URL: <http://lenta.ru/articles/2013/04/06/lung/> (дата обращения 5.01.2015)

© Раубо К. В., 2015

УДК 353

Ю. В. Таранова
Yu. V. Taranova

КОММУНИКАТИВНЫЕ ТЕНДЕНЦИИ ФОРМИРОВАНИЯ ТУРИСТИЧЕСКОГО ИМИДЖА ГОРОДОВ И РЕГИОНОВ В УСЛОВИЯХ СЕТЕВОГО ОБЩЕСТВА

COMMUNICATION TENDENCIES OF TOURIST IMAGE CONSTRUCTION OF CITIES AND REGIONS IN DIGITAL SOCIETY

В статье автор рассматривает актуальные вопросы территориального туристического брендинга, подробно останавливаясь на технологии формирования имиджа территории. Анализирует современные коммуникационные тренды, такие как возрастание влияния субъективных факторов на формирование имиджа региона, увеличение количества субъектов, влияющих на формирование имиджа территории, сочетание инструментов классического информационного маркетинга территорий оффлайн и цифрового территориального PR.

Ключевые слова: туристический бренд, информационный маркетинг, имидж региона, цифровой территориальный маркетинг, коммуникационные инструменты.

The author researches the problem of tourist territory branding and technologies of territory image formation. The contemporary communication trends are analyzed as well as the increase of influence of subjective factors on image of the region formation, the increased number of the subjects that influence the territory image formation and the combination of classic offline media marketing instruments and digital territory PR.

Keywords: tourist brand, media marketing, image of the region, digital territory marketing, communication instruments.

Туристический имидж территории может быть определен как совокупность эмоциональных и рациональных представлений о своеобразии и специфике территории как о привлекательной для туризма, обусловленных ее природно-географическими особенностями, историческим развитием и иными факторами, сформированных в сознании групп общественности (реальные и потенциальные туристы) [1, с. 242].

Имидж территории в сознании реального или потенциального туриста формируется на основании поступающих из разнообразных источников многочисленных сообщений:

- о природно-географических особенностях территории;
- об историческом и культурном наследии территории;

– о ярких событиях, которые ассоциируются с данной территорией;

– об уровне жизни населения, стоимости продуктов питания, различных товаров, билетов для проезда в общественном транспорте, билетов в музеи;

– о законах и традициях государства;

– о политическом режиме государства и политической стабильности в государстве,

– об уровне безопасности и т. д.

Формирующийся в результате потребления всей этой информации имидж территории зачастую многогранен и противоречив. В условиях сетевого общества процесс формирования имиджа территории приобретает еще более сложный характер.

Сформулируем и рассмотрим современные тенденции формирования туристического имиджа городов и регионов.

Возрастание влияния субъективных факторов на формирование имиджа региона.

Как известно, на формирование имиджа региона влияет большое количество факторов, связанных со специфическими особенностями территориального субъекта. И. П. Черная в статье «Маркетинг имиджа как стратегическое направление территориального маркетинга» [2] выделяет «объективные» факторы – «совокупность конкурентных преимуществ и недостатков»: интеллектуальный и инновационный потенциал региона, уровень развития социальной сферы и т. д. и «субъективные» факторы, под которыми понимают коммуникативные потоки, опирающиеся на оценку территории отечественными и иностранными политиками, предпринимателями, туристами на основе собственных впечатлений, наблюдений и опыта. В концепции информационного общества, когда территориальный имидж превращается в продукт, который творят множество личных опытов отдельных субъектов, все большее значение, наряду с абсолютными факторами объективной реальности, приобретают именно эти субъективные факторы. Эта тенденция напрямую связана со следующей.

Беспрецедентное увеличение количества субъектов, влияющих на формирование имиджа территории.

Контекст сетевого общества, стремительное развитие digital-технологий привели к беспрецедентному увеличению количества субъектов, влияющих на формирование имиджа территориального субъекта, и значительно усложнили их типологизацию.

В теории территориального имиджмейкинга принято классическое разделение групп общественности на внешнюю и внутреннюю.

К внутренней общественности традиционно относят проживающих на территории региона. Это население региона в целом, различные социальные группы, бизнес-субъекты, общественные организации и т. п. К внешней общественности относят представителей зарубежных стран и иностранных регионов.

Кроме того, региональные субъекты можно типологизировать следующим образом: индивидуальные и институциональные субъекты; оказывающие существенное и незначительное влияние на формирование имиджа региона; целенаправленно формирующие имидж региона и спонтанно, стихийно формирующие имидж региона.

То есть в качестве источников информации имиджевого характера туристической направленности могут выступать следующие субъекты:

1. Комитеты правительства и их пресс-службы.
2. Туристические операторы и агентства.
3. Перевозчики.
4. Гостиницы и иные средства размещения.
5. Информационно-туристские центры.
6. СМИ.
7. Местные жители.
8. Собственно сами туристы (общаясь со знакомыми, размещая информацию о своем визите в социальных сетях, на интернет-форумах) и т. д.

В современном обществе практически каждый представитель региональной общественности в той или иной степени оказывает (или потенциально способен оказывать) влияние на формирование имиджа территории. Однако субъекты различаются по характеру своего участия в формировании имиджа региона.

Взяв за основу социальную технографическую методику Дж. Берноффа, несколько упростим ее и адаптируем для такого субъекта, как регион [3, с. 55]. Так, одни субъекты создают контент (ведут блог о регионе/городе, поддерживают сайт, посвященный региону/городу, размещают свои видеоролики на видеохостингах и т. п.), другие – критикуют и рецензируют контент (оставляют комментарии к постам в блогах и на форумах, редактируют статьи о регионе в интернет-энциклопедиях, пишут отзывы на туристических сайтах о гостиницах и ресторанах), а третьи – отслеживают контент и анализируют его (читают посты в блогах и комментарии к ним, смотрят видеосюжеты, читают сообщения на форумах, аккумулируют и синтезируют информацию). Но при этом все они принимают участие в формировании имиджа территориального субъекта.

Естественным и логичным следствием таких современных трендов, как использование digital-технологий в маркетинге и PR, в том числе территориальном, зарождение Web-волн, стремление потребителей принимать участие в разработке и функционировании интересующих их продуктов и проектов явилось появление и активное распространение технологии краудсорсинга.

Вовлечение стейкхолдеров в построение территориальных брендов.

Краудсорсинг имеет своей базой философию соучастия и ориентирован на горизонтальные связи, характерные для сетевого общества, где субъекты бизнеса и потребители, обладающие схожими ценностями, интересами и стремлениями, сотрудничают для достижения общих целей.

М. Каваратзис [4], Ф. Котлер [5] и другие исследователи отмечают насущную необходимость переосмыслить роль стейкхолдеров компаний и территориальных образований в жизни и развитии этих субъектов. «Стейкхолдеров» (заинтересованных сторон) стоит воспринимать как активные группы людей, которых можно мотивировать и вовлекать в процесс построения территориального бренда.

М. Каваратзис приводит три причины возрастающей важности роли стейкхолдеров в территориальном брендинге [4].

1. Брендинг территорий представляет собой общественную деятельность менеджмента, а подобная деятельность нуждается в поддержке обществом.

2. Возрастает популярность концепции брендинга соучастия в целом. Процесс брендинга предстает как процесс диалога между группами стейкхолдеров по формированию бренда. Так, территориальные бренды создаются при соучастии множества заинтересованных граждан, и влияние месседжей, транслируемых посредством официальных брендинговых коммуникаций, не является определяющим и единственным.

3. Развиваются цифровые и онлайн технологии. Появление удобных, доступных и эффективных каналов коммуникации и образование сетевых сообществ, посвященных территориям, способствуют появлению территориальных брендов, которые создают и которыми управляют множество стейкхолдеров, наполняющих их смыслами.

Сочетание инструментов классического информационного маркетинга территорий оффлайн и цифрового территориального PR.

В условиях информационного, сетевого общества, наряду с классическими технологиями, все большее применение находят онлайн-технологии формирования имиджа региона. Кроме того, классические технологии также претерпевают определенного рода трансформации.

Так, классическая технология территориального PR – организация специальных мероприятий – приобретает иные значимость и масштаб. Хорошо организованные специальные мероприятия во все времена служили эффективным стимулом развития городов и регионов, привлекали внимание журналистов, способствовали привлечению туристов за счет эмоциональной и ассоциативной привязки к имиджу конкретного территориального субъекта.

Тенденцией нашего времени является расширение аудитории специальных мероприятий за счет роста вторичной аудитории. К вторичной аудитории относятся лица, которые не присутствуют на мероприятии лично, однако мероприятие их все же касается. Это друзья и родственники участников мероприятия, аудитория СМИ, аккредитованных на мероприятие, аудитория блогеров и т. п.

За счет активности пользователей социальных сетей, распространяющих информацию о мероприятии посредством доступных им каналов, вторичная аудитория специальных мероприятий значительно возрастает, охватывая

не только друзей и родственников участников мероприятий и аудиторию аккредитованных на мероприятие СМИ, но и пользователей социальных сетей, аудиторию блогеров, их знакомых и обычных пользователей, набирающих в строке поиска свой запрос.

Как видим, все выявленные тенденции тесно связаны между собой и свидетельствуют о том, что в условиях современной реальности уже нельзя формировать имидж территориальных субъектов, руководствуясь только прежними приемами и правилами.

1. Таранова Ю. В. Туристический имидж территории. Подходы к измерению // Средства массовой информации в современном мире. Петербургские чтения: материалы 50-й Междунар. науч. конф. СПб.: Филологический ф-т СПбГУ, 2011. С. 241–244.

2. Черная И. П. Маркетинг имиджа как стратегическое направление территориального маркетинга // Маркетинг в России и за рубежом. 2002. № 4. С. 13–18.

3. Ли Ч., Бернофф Д. Взрывная Web_Волна: Как добиться успеха в мире, преобразованном интернет-технологиями: пер. с англ. М.: Альпина Паблишерз: Изд-во Юрайт, 2010. 276 с.

4. Kavaratzis M. From “necessary evil” to necessity: stakeholders’ involvement in place branding // Journal of Place Management and Development. 2012. Vol. 5. No. 1. P. 7–19.

5. Котлер Ф., Картаджайя Х., Сетиаван А. Маркетинг 3.0: от продуктов к потребителям и далее – к человеческой душе / [пер. с англ. А. Заякина]. М.: Эксмо, 2012. 240 с.

© Таранова Ю. В., 2015

ПЕДАГОГИКА

Викторов Д. В.

Здоровьесберегающая компетентность студенческой молодежи

Жукова О. Н.

Развитие одаренности школьников при решении изобретательских задач в информационно-коммуникационной образовательной среде

Кошелев В. А.

Подготовка PR-специалистов в условиях конвергенции информационного пространства

Лаздина Т. И.

Научно-исследовательская деятельность как фактор развития общекультурных компетенций студентов педагогического вуза

Морозова М. А.

Возможности использования корпоративных ресурсов в социальной сети Facebook при обучении немецкому языку в вузе

Мухтаров Т. С.

Проблемы интеграции образовательного пространства Республики Казахстан в условиях продолжающихся глобализационных процессов

Навойчик Е. Ю.

Формирование профессиональной компетенции учителей истории и обществознания в пространстве образования как открытой системы

Сафонова Л. А.

Современные онлайн-ресурсы и их дидактическое значение

Щукин Д. В.

Метод проектов: педагогическая технология в образовательной среде высшей школы

ЗДОРОВЬЕСБЕРЕГАЮЩАЯ КОМПЕТЕНТНОСТЬ СТУДЕНЧЕСКОЙ МОЛОДЁЖИ

Традиционное образование и массовая педагогическая практика ориентированы преимущественно на достижение нормативного уровня физических кондиций учащихся. Программно заданная цель нередко подменяется идеализированными продуктами познания, полученными специалистами. Здоровьесберегающая компетентность должна быть направлена на формирование здорового образа жизни, проявляющееся в общей способности и готовности к здоровьесберегающей деятельности, основанной на интеграции теоретических знаний и практического опыта.

Ключевые слова: студенты, здоровье, физическое воспитание, здоровьесбережение, компетентность.

THE HEALTHCARE COMPETENCE OF THE STUDENT YOUTH

The existing traditional education and mass pedagogical practice are focused primarily on achieving the standard level of physical condition of students. The programmatically set goal is often replaced by idealized products of the knowledge received by the professionals. The healthcare competence should be focused on the formation of healthy life style manifested in overall ability and readiness for healthcare activities, based on the integration of theoretical knowledge and practical experience.

Keywords: students, health, physical education, health care, competence.

В соответствии с документами законодательной и нормативной базы – законом РФ «Об образовании» и типовыми положениями об образовательных учреждениях, здоровье выступает как мера качества жизни людей и конечный результат государственной политики: возможность гражданам относиться к своему здоровью как к непреходящей ценности, основе продления здорового рода, сохранению и укреплению трудового потенциала, повышению эффективности подготовки конкурентоспособного специалиста.

Инструментальным обеспечением более осмысленного, целенаправленного, в наибольшей мере соответствующего индивидуальным особенностям и возможностям каждого студента использования средств физической культуры выступает здоровьесбережение, предполагающее: воспитание через организацию и руководство разнообразными видами физкультурно-оздоровительной деятельности и оздоровительных технологий, отказ от диктаторских приемов побуждения к занятиям физической культурой, получение учащимися удовлетворения от занятий, ориентацию на радостную перспективу, поддержку развивающейся личности.

Показано также, что востребованная обществом сторона физической культуры, интегрируясь с образованием, сохраняет и улучшает функции и свойства здоровья, необходимые для качественных функциональных, физиологических, ценностных характеристик человека, путём взаимодействия и взаимоотношения вовлечённых оздоровительных мероприятий [1, с. 4]. Результатом этой интеграции явилось современное физическое воспитание.

Физическое воспитание – неотъемлемый элемент здоровьесбережения в рамках внедрения достижений различных учебных заведений и специально организо-

ванного педагогического воздействия – позволило выделить проблему оздоровления как отдельной личности, так и всего общества в целом в отдельную задачу образования [2, с. 21].

Учитывая, что организм человека является многокомпонентной сложноорганизованной системой, его здоровье не может характеризоваться каким-либо одним признаком и является многомерным понятием [3, с. 50], и поэтому через систему здоровьесбережения должно войти всё, что необходимо человеку для развития здоровой личности [4, с. 8]. Являясь составной частью здоровья, здоровьесбережение проявляется во всех видах жизнедеятельности человека, специально организованных для полноценно здоровой жизни на каждом этапе его возрастного развития.

Стоит сказать, что здоровье человека не сводится к некоторой природной данности: оно формируется, укрепляется, и, к сожалению, утрачивается. Поэтому как категория компетентностная здоровье характеризуется наличием опыта здоровьесберегающей деятельности, тесно связывающего обобщённые характеристики свойств здоровья человека, посредством которых организм обеспечивает сохранение постоянства внутренней среды по отношению к внешней.

Отсюда здоровьесберегающая компетентность представляет собой перманентный процесс трансформации основных сторон физического воспитания и самовоспитания (содержательной, процессуальной, результативной) и их компонентов, выражающий практическую ориентированность личности на базе сформированных физической культурой знаний и умений в направлении сохранения и укрепления как индивидуального, так и общественного здоровья, формирования здорового образа жизни, проявляющееся в общей способности и готовности к здоровь-

есберегающей деятельности, основанной на интеграции теоретических знаний и практического опыта. Для этого имелись следующие основания.

Первое основание состоит в том, что для здоровьесберегающей компетентности, наряду с традиционными для педагогики средствами словесного и наглядного воздействия, используются специфические средства. Основное среди них – физическое упражнение. Применяемые в комплексе с оздоровительными силами природы, гигиеническими факторами, общепедагогическими и другими средствами, физические упражнения как перцептивная деятельность воздействуют не только на функциональные возможности органов, систем органов и организм в целом, но также на психику и интеллект человека. С помощью физических упражнений можно целенаправленно воздействовать на форму тела и здоровье человека. Все эти воздействия могут давать положительные и отрицательные для человека результаты.

Второе основание состоит в том, что в условиях процессов демократизации общества, для которых характерно усиление автономности личности, все компоненты физического воспитания должны проектироваться и реализовываться с учетом здоровьесберегающего измерения. Это значит, что физическое воспитание должно привлекать к себе человека, быть потребно, интересно и полезно человеку, осознаваться как необходимое ему явление сохранения и укрепления здоровья. Это требует выхода за рамки сложившегося в течение многих лет подхода, когда человек рассматривался в процессе физического воспитания в основном как организм, и перехода к разностороннему учету его особенностей как субъекта физического воспитания, индивида, индивидуальности, личности.

Третье основание состоит в том, что необходимость здоровьесберегающей компетенции обусловлена государственными интересами, которые нашли свое отражение в ряде важнейших документов, связанных с развитием физической культуры и спорта в стране и оздоровления народа. В соответствии с ними здоровьесбережение должно пронизывать цель, задачи и содержание всего учебно-воспитательного процесса, в том числе и физического воспитания.

Для оценки эффективности здоровьесберегающей компетенции при реализации данной интегративной технологии весьма актуален вопрос о показателях, критериях и уровнях этой эффективности, которые, несомненно, отличаются от общепринятых в практике учебных заведений.

Исходя из того, что показателями образованности студенческой молодежи на определенном этапе является результативность педагогического процесса, критерии будут выступать как признак, на основании которых производится классификация изменений, а уровень должен характеризоваться относительно устойчивым, своеобразным состоянием, содержательным наполнением системных составляющих и степенью развития функциональных элементов.

Поскольку здоровьесберегающая компетентность неразрывно связана со здоровьем, невозможно найти критерий, который интегральным образом позволил бы измерить эту совокупность, поэтому целесообразно в роли показателей использовать закономерности функционирования организма по результатам его деятельности, присущие всем системам организации физического воспитания, зависящие от уровня функций жизненно важных органов и систем, а именно выявленные нами обобщенные характеристики определенных представлений о здоровье: адаптируемость, рациональность, восстанавливаемость, мобилизуемость, развиваемость.

Адаптируемость – процесс направленной адаптации организма к тренировочным воздействиям. Адаптируемостью, в отличие от адаптации, можно управлять, т. е. способствовать повышению выносливости своего организма. Для оценки влияния занятий физическим воспитанием на адаптируемость использовалось тестирование по индексу Руфье.

Рациональность – процесс самоорганизации, позволяющий динамически и адекватно приспособлять организм к изменениям обстановки для удовлетворения возникшей потребности. Это возможность моментального построения любых дробных комбинаций, обеспечивающих функциональной системе получение полезного приспособительного результата. Для диагностики данного свойства использовались программы-диагностики.

Восстанавливаемость – свойство организма, происходящее после прекращения работы и заключающееся в постепенном переходе физиологических и биохимических функций к исходному состоянию. Это не только процесс возвращения организма к предрабочему состоянию, к тем изменениям, которые обеспечивают повышение функциональных возможностей организма, входя в стадию сверхвосстановления. Это прежде всего время, в течение которого происходит восстанавливаемость после выполнения определенной работы. Наиболее доступным показателем восстанавливаемости является пульс или частота сердечных сокращений (ЧСС) и уровень артериального давления (АД).

Мобилизуемость – это знания о методах и средствах здорового образа жизни, а также регламентированные им постоянные повторяющиеся действия: утренняя разминка, регулярные тренировки, организация питания, отдыха, восстановление, учёт физических нагрузок и оценка результатов их применения, объективная самооценка возможностей и способностей физкультурно-оздоровительной деятельности и физического самосовершенствования.

Развиваемость – новое качественное состояние организма человека, которое выступает как возможное хаотичное изменение его состава или структуры (т. е. возникновение, трансформация или исчезновение его элементов или связей) в сферах сердечно-сосудистой системы, системы дыхания и системы крови, в статической и динамической работах. В качестве диагностического механизма следует использовать адаптационный потенциал учащихся.

ся в состоянии относительного мышечного покоя и после статической нагрузки.

Таким образом, здоровьесберегающая компетентность интегральным образом позволяет оценить здоровье студента не отдельным признаком, на основании которого производится оценка, а комплексной характеристикой показателей – совокупностью взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к здоровью, созданных в процессе решения задач физического воспитания.

Кроме того, следует учитывать также следующее обстоятельство: большинством студентов физическое воспитание воспринимается в отрыве от процесса их профессионального образования, несмотря на то, что оба эти педагогических процесса представляют собой диалектическое целое. Введение здоровьесберегающей компетентности придает процессу физического воспитания студентов научные черты объективности и достоверности, методологически сближая его с процессом образования. Перевод процесса физического воспитания в рамки здоровьесберегающей компетентности в отношении большинства обучающихся, а не только узкого круга физически одаренных студентов, существенно повышает его когнитивные возможности, выводя на первый план творческое отношение индивида к собственному здоровью, вооружая его действенным инструментом здоровьесбережения.

Данные положения проверялись нами в ходе опытно-экспериментальной работы, которая проводилась со студентами Южно-Уральского государственного университета, Тюменского государственного университета и Сибирской автодорожной академии. Выбор данных учебных заведений высшего профессионального (нефизкультурного) образования не случаен. ЮУрГУ, ТюмГУ и СиБАДА являются ведущими региональными вузами в своих областях, а поэтому на основании эмпирических данных о состоянии здоровья обучающихся в них студентов можно делать вполне достоверные выводы о состоянии физкультурного образования студенческой молодежи не только региона в целом, но и иных сходных по состоянию социально-экономического развития субъектов Российской Федерации.

В ходе опытно-экспериментальной работы нами осуществлялся контроль за обобщенной характеристикой определенных оценочных представлений о здоровье (адаптируемость, интенционность, восстанавливаемость, мобилизуемость, развиваемость), созданных в процессе решения задач физического воспитания, а также за уровнями их развития. Проведение диагностики этих характеристик здоровья осуществлялось ежегодно в мае.

В нашем случае педагогическая диагностика должна рассматриваться как установление и изучение признаков, характеризующих состояние различных элементов физкультурного образования и условий его реализации на каждом уровне. Также в научных изданиях нами выявлены следующие пути перехода с одного уровня на другой: усложнение развития элементов, приводящее к усложнению структуры; создание более совершенной системы отношений между элементами, предполагаю-

щее доразвитие элементов до уровня развития структуры; одновременное совершенствование элементов и структуры.

Могут быть выделены следующие показатели, характеризующие наличие негативных, нейтральных и позитивных тенденций в значениях каждого из критериев:

– нейтральная мобилизуемость: студент обнаруживает неудовлетворительные знания, грубые ошибки в теории, неумение анализировать материал;

– позитивная мобилизуемость: студент понимает сущность теоретического материала, достаточно полно, без ошибок, аргументированно может его изложить, приводя примеры из практики;

– негативная мобилизуемость: в знаниях студента имеются пробелы, он не может логично и четко изложить материал, аргументировать его, в том числе примерами из личного опыта и опыта других людей;

– нейтральная адаптируемость: студент строго выполняет индивидуальную для него норму нагрузок;

– позитивная адаптируемость: выполняемые учебные нагрузки способствуют постоянному повышению индивидуальной нормы;

– негативная адаптируемость: организм студента адаптируется лишь к незначительным нагрузкам;

– нейтральная восстанавливаемость: образовательные нагрузки сопоставимы с развившимися внутри организменными запасами энергоресурсов;

– позитивная восстанавливаемость: восстановление происходит практически сразу после восприятия нагрузок;

– негативная восстанавливаемость: студент не успевает восстановиться к моменту получения новых нагрузок, что ведёт к накоплению утомления;

– нейтральная интенционность: заметна активность студента в образовательном процессе, инициативность в достижении результатов проявляется репродуктивно;

– позитивная интенционность: характеризуется усилением концентрации внутриорганизменных энергетических потенциалов, представляющих новации;

– негативная интенционность: студент малоактивен и неинициативен;

– нейтральная развиваемость: наблюдаются тенденции к общей стабилизации здоровья студента;

– позитивная развиваемость: заметны тенденции к укреплению здоровья в целом;

– негативная развиваемость: проявляются тревожные тенденции в сторону снижения показателей здоровья студента.

Принципиальный вопрос правильности и точности измерения требует обоснования уровней развития оцениваемого факта педагогической действительности – здоровьесберегающей компетентности.

К высокому (преобразующему) уровню мы отнесли студентов, имеющих не менее четырёх позитивных и одну нейтральную характеристику из совокупности взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к здоровью, созданных в процессе решения задач физического воспитания.

К среднему (принимающему) уровню относятся студенты, имеющие не менее двух позитивных и двух нейтральных характеристик из совокупности взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к здоровью.

К низкому (зависимому) уровню относятся студенты, не имеющие позитивных характеристик из совокупности взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к здоровью.

По результатам полученных показателей уровней обобщенных характеристик здоровья учащихся в экспериментальных и контрольной группах формирующего эксперимента можно обосновать уровни физкультурного образования (табл.).

Таблица

Группа	Кол-во человек в группе	Высокий уровень		Средний уровень		Низкий уровень		Достоверность различия
		Кол-во	%	Кол-во	%	Кол-во	%	
КГ	73	2	2,7	43	58,9	28	38,4	$P < 0,05$
ЭГ-1	312	58	18,6	224	71,8	30	9,6	$P > 0,05$
ЭГ-2	353	74	20,9	237	67,2	42	11,9	$P > 0,05$
ЭГ-3	305	211	69,2	94	30,8	0	0	$P < 0,05$

Более наглядную картину сформированных уровней здоровьесберегающей компетентности можно представить на рисунке.

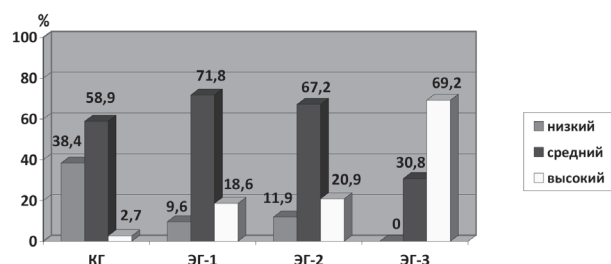

Рис. Гистограмма уровней здоровьесберегающей компетентности

У 38,4 % студентов КГ (более 1/3) низкий уровень здоровьесберегающей компетентности. Такие учащиеся часто не готовы вести здоровый образ жизни, сопротивляются педагогическому воздействию. Имеют серьезные вредные привычки, с которыми не в состоянии справиться в отсутствие педагогического контроля или в случае потери ценных для него отношений. Не понимают ценности здоровья. В эти рамки ставят его окружающие: родители, педагоги и т. д.

У студентов КГ размытые потребности ведения здорового образа жизни и занятий физической культурой вследствие того, что система знаний и умений несформирована. Учащиеся обладают некоторым объемом знаний о мониторинге здоровья, о способах оценить свои физи-

ческие качества и функциональное состояние. Анализ проведенного исследования показал, что студенты КГ самостоятельно не занимаются физкультурно-оздоровительной деятельностью, нерегулярно посещают занятия по физическому воспитанию, мотивы к самостоятельным занятиям существуют в виде неопределенных желаний и целей, просматривается мотив занятий только за зачет по предмету, уровень физической подготовленности низкий. Наблюдаемые изменения связаны с физическими особенностями отдельных индивидуумов внутри выборки и не являются закономерными.

Учащиеся ЭГ-1 и ЭГ-2 (71,8 и 67,2 % соответственно) находятся на среднем уровне развития здоровьесберегающей компетентности. Они обладают определенным представлением о здоровом образе жизни, его компонентах, понятийным аппаратом в области сбережения индивидуального здоровья, системой знаний и умений занятий физкультурно-оздоровительной деятельностью, устойчивым положительным отношением к ней. У некоторых студентов возможно наличие вредных привычек, разрушающих здоровье, но они имеют некоторую готовность избавиться от них. К такому шагу их может подтолкнуть ухудшение самочувствия, педагогический и медицинский контроль. Имеют четкие знания о целях, задачах, методах мониторинга здоровья, умеют исследовать показатели здоровья, физических кондиций и функционального состояния самостоятельно.

У студентов ЭГ-3 в 69,2 % отмечается высокий уровень здоровьесберегающей компетентности. Они имеют осознанную цель вести здоровый образ жизни, взрослую позицию, усиливающую готовность к соблюдению здорового образа жизни. Такие студенты имеют высокий уровень духовного развития, зачастую не имеют вредных привычек, разрушающих здоровье. Воспитательная работа в ЭГ-3 заключалась в информировании и контроле за состоянием здоровья. Присутствует индивидуальная концепция здорового образа жизни, формы и методы его ведения, которую они не представляют без занятий физической культурой. Налицо ценностное отношение к здоровью, которое проявляется в их жизни повседневно в качестве сформированных умений ведения здорового образа жизни. Учащиеся не только выполняют рекомендации преподавателя, но и постоянно расширяют поле видов физкультурной деятельности, занимаются пропагандой видов спорта среди своих сверстников. Физкультурно-оздоровительная деятельность базируется на индивидуальных особенностях, результатах целенаправленно осуществляемого мониторинга здоровья и физического состояния.

Данные направления положены в основу физкультурного образования в рамках созданного в Южно-Уральском государственном университете (ЮУрГУ) Института спорта, туризма и сервиса (ИСТиС), согласно которого оздоровление учащихся в образовательном пространстве разворачивается посредством взаимодействующих, взаимозависимых, взаимообусловленных и дополняющих друг друга подсистем формирования приспособительных механизмов к реальным условиям жизнедеятельности,

проявляющихся в способности формирования индивидуальной системы поведения личности.

В рамках ИСТиС ожидаемый результат – здоровьесберегающая компетентность – отождествлен с совокупностью обобщенных характеристик определённых представлений о здоровье, созданных в процессе решения задач физического воспитания, посредством которых организм человека обеспечивает сохранение постоянства внутренней среды по отношению к внешней: рациональность, подразумевающую направленность на здоровый образ жизни посредством выбора самостоятельной физической активности; адаптируемость, способствующую повышению результативности; восстанавливаемость, возобновление показателей функционального состояния организма после физических нагрузок, т. е. ликвидация состояния утомления; мобилизуемость, ориентирована на знания о методах и средствах здорового образа жизни, а также регламентированные им постоянные повторяющиеся действия: утренняя разминка, регулярные тренировки, организация питания, отдыха, восстановление, учёт физических нагрузок и оценка результатов их применения, объективная самооценка возможностей и спо-

собностей физкультурно-оздоровительной деятельности и физического самосовершенствования; развиваемость, возникновение определенных сдвигов (как в положительную, так и в отрицательную стороны), ведущих к качественным изменениям в здоровье.

1. Сериков С. Г. Обеспечение паритета образованности и здоровья учащихся в теории и практике образования: автореф. дис. ... д-ра пед. наук. Челябинск, 2002. 39 с.

2. Виленский М. Я. Основы здорового образа жизни студентов. М., 1995. 216 с.

3. Троян С. В. Синонимический ряд «здоровый»: о смыслах, входящих в концепт «здоровье» // Вестник ОмГПУ. Гуманитарные исследования. 2014. № 2(3). С. 48–50.

4. Викторов Д. В. Здоровьесбережение: проблемы развития мотивации у студентов вузов: монография. Омск: Изд-во ОмГПУ, 2009. 142 с.

© Викторов Д. В., 2015

УДК 376.09-056.45:004.9

О. Н. Жукова
O. N. Zhukova

РАЗВИТИЕ ОДАРЕННОСТИ* ШКОЛЬНИКОВ ПРИ РЕШЕНИИ ИЗОБРЕТАТЕЛЬСКИХ ЗАДАЧ В ИНФОРМАЦИОННО-КОММУНИКАЦИОННОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ

DEVELOPMENT OF SCHOOL STUDENT'S GIFTEDNESS OF INVENTIVE PROBLEM SOLVING IN THE INFORMATION AND COMMUNICATION EDUCATIONAL ENVIRONMENT

В статье на основе аналитического обзора современных концепций одаренности и теории развития творческой личности предложены примеры заданий для телекоммуникационного обучающего проекта «Твори! Выдумывай! Пробуй!», направленного на развитие интеллектуально-творческого потенциала школьников.

Ключевые слова: детская одаренность, теория решения изобретательских задач, информационно-коммуникационная образовательная среда, творческие способности, креативность.

The paper offers the examples of tasks for telecommunication training project "Create! Invent! Try!" directed at development of intellectual and creative school student's potential on the basis of an analytical review of modern concepts of giftedness and creative personality development theory.

Keywords: child's giftedness, theory of inventive problem solving, information and communication educational environment, creative ability, creativity.

Стремительные изменения во всех сферах жизни общества ставят перед системой образования новые задачи, от решения которых зависит возможность сохранения и преумножения потенциала страны. Одна из них – развитие детской одаренности, которая является неотъемлемой частью более широкой проблемы полной самореализации личности в образовательной и профессиональной деятельности, в семье и общественной жизни.

* Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного фонда, грант № 15-16-55013.

В науке до сих пор не существует ни общепринятой теории одаренности, ни единого и универсального ее определения. Напротив, по мере изучения все яснее становится ее сложность и многоплановость, невозможность ее определения с помощью одного или нескольких признаков. Это привело к созданию более ста теорий одаренности, в каждой из которых нашли отражение разные грани и уровни этого многоликого феномена.

Авторы «Рабочей концепции одаренности» (Д. Б. Боявленская, В. Д. Шадриков, Н. С. Лейтес и др.) попыта-

лись обобщить современное состояние знаний в области психологии одаренности и определили ее как «системное, развивающееся в течение жизни качество психики, которое определяет возможность достижения человеком более высоких (необычных, незаурядных) результатов в одном или нескольких видах деятельности по сравнению с другими людьми» [1, с. 7]. В этом определении особенно важны положения о системном (а не одномерном или суммарном) и динамичном (а не раз и навсегда заданном) характере одаренности.

В той же концепции одаренный ребенок определяется как ребенок, который выделяется яркими, очевидными, иногда выдающимися способностями (или имеет внутренние предпосылки для таких достижений) в том или ином виде деятельности. В этом определении, на наш взгляд, именно добавленное в скобках подчеркивает понимание детской одаренности как высокого потенциала.

В основе большинства зарубежных программ обучения одаренных детей лежит трехкольцевая модель Дж. Рензулли, согласно которой одаренность определяется взаимодействием трех основных кластеров человеческих качеств: общих интеллектуальных способностей, превышающих средний уровень, высокой креативности и высокой увлеченности задачей [2, с. 215]. Одаренными и талантливыми признаются дети, обладающие этой композицией качеств или способные их развить и приложить в любой потенциально ценной области человеческой деятельности.

С середины XX века психологами с помощью исследований было замечено, что определение одаренности с помощью тестов интеллекта IQ приводит к пропуску детей с высоким творческим потенциалом (креативностью): в 20 % школьников с высшими показателями IQ не входили до 70 % тех, кто входил в 20 % детей с самыми высокими творческими способностями [3, с. 18]. В это время дискуссии стал вызывать вопрос о соотношении креативности и интеллекта: креативность понимается и как высший уровень развития интеллекта, и как один важных компонентов в общей структуре интеллекта, и как сложная структура, включающая логический интеллект в качестве компонента. Уровень интеллекта рассматривается и как минимальный, и как верхний порог креативности.

Согласно концепции Дж. Гилфорда креативность как дивергентное мышление (лат. *divergentia* – расхождение, тип мышления, идущего в разных направлениях) характеризуется шестью параметрами [4, с. 162]:

- 1) способностью к обнаружению и постановке проблем;
- 2) «беглостью мысли» (количество идей, возникающих в единицу времени);
- 3) оригинальностью (способностью производить идеи, отличающиеся от общепринятых взглядов, отвечать на раздражители нестандартно);
- 4) гибкостью – способностью продуцировать разнообразные идеи;
- 5) способностью усовершенствовать объект, добавляя детали;

6) способностью решать проблемы, т. е. способностью к анализу и синтезу.

Гилфорд рассматривал креативность (дивергентное мышление) как общую творческую способность.

В концепции А. М. Матюшкина о творчестве как центральном звене психического развития одаренность понимается как творческий потенциал [3, с. 35]. Такое понимание отличается от общепринятого определения одаренности детей, подразумевающего более быстрое, легкое и прочное усвоение учебного материала и демонстрацию высоких достижений. Для того чтобы понять природу одаренности, считает автор, нужно понять творчество не как итог, а как источник, центральное звено психического развития человека. Все специальные способности развиваются из этого общего основания, если они достигают уровня творчества в науке, технике и культуре.

Таким образом, понимание детской одаренности как потенциала, а детских достижений – лишь как одного из его проявлений принципиально отличается от общепринятого критерия одаренности как «успешности» и перемещает акцент с отбора одаренных детей на содействие полной реализации их творческих возможностей.

С точки зрения автора теории развития творческой личности Г. С. Альшуллера, способность к творчеству – не талант, а природа человека. Творчество – норма человеческого бытия. Творческие способности есть у всех, но творческий «генетический клад» сам по себе не открывается, пока не возникнет потребность у общества и не появится возможность реализации у личности. Творчество происходит не по принципам «потому что» или «для того чтобы», а «несмотря ни на что». Творческий процесс спонтанно возникает и завершается [5, с. 47; 6].

Итак, мы определяем творческие способности в контексте общих интеллектуальных способностей и считаем, что главное не отбирать ярких детей, а максимально развивать их таланты. Под творчеством в широком смысле мы рассматриваем деятельность в ситуации неопределенности, направленную на получение результатов, обладающих объективной или субъективной новизной.

Мы предполагаем, что привлечение школьников к участию в телекоммуникационном обучающем проекте «Твори! Выдумывай! Пробуй!», направленном на знакомство с приемами решения изобретательских задач, разработанным и реализованным на образовательном портале «Школа» ОмГПУ (<http://www.school.omgru.ru>) будет способствовать выявлению и развитию как экстраординарной, или особой, так и высокой нормы одаренности школьников 6–8 классов.

Исследователями установлено, что для развития креативности совершенно необходимо подкрепление начальных способностей влиянием среды, которая обладает «...высокой степенью неопределенности и потенциальной многовариантностью, а также содержит образцы креативной деятельности и ее результаты» [7, с. 47].

Как отмечает В. В. Давыдов, «нельзя выявить подлинные глубины творческого потенциала человека, оставаясь лишь в пределах устоявшихся форм его деятельнос-

ти и уже принятых систем обучения и воспитания, так как в других условиях жизни и в других системах обучения и воспитания этот потенциал может существенно меняться» [7, с. 142].

По мнению И. Г. Захаровой [8], если, согласно концепции креативности как дивергентного мышления Дж. Гилфорда, креативность в той или иной мере присуща каждому человеку, но ее проявлению препятствуют влияние среды, запреты, социальные шаблоны, то можно трактовать роль элементов открытого образования, усиления акцента на самостоятельную работу как весьма позитивный момент.

Приведем примеры заданий телекоммуникационного проекта.

Первое задание. Необходимо разрешить проблемную ситуацию методом мозгового штурма с помощью фиксации идей в онлайн сервисе по созданию интеллект-карт <https://www.coggle.it> (рис. 1).

Служащие в новом многоэтажном здании фирмы стали всё чаще жаловаться на плохую работу лифтов, особенно в часы пик: долгое и томительное ожидание, нарастающее раздражение... Перед руководством фирмы встала проблема: либо увеличить число лифтов, либо заменить лифты на скоростные. Но всё это дорого и неэффективно. Как разрешить данную проблему?

Рис. 1. Предложенная школьникам проблемная ситуация

Авторский комментарий. Отметим, что задача, представленная в виде данной проблемной ситуации, является открытой: она не имеет четкого однозначного условия и строгого алгоритма решения, но имеет набор возможных ответов (решений).

Открытые задачи могут быть двух типов: изобретательские и исследовательские. Данная задача является изобретательской. В таких задачах требуется что-нибудь придумать (изобрести) или найти выход из нестандартной (проблемной) ситуации. Перед командами вовсе не ставится цель найти контрольный ответ. Контрольный ответ для изобретательской задачи – это конкретное решение, которое было принято на практике, т. е. внедрено.

Учитывая нестандартность задач, а следовательно, и всю сложность оценки заданий творческого характера, нами были разработаны следующие критерии оценивания: эффективность решения (достигнуто ли требуемое в задаче?), оптимальность (оправдано ли такое решение?), оригинальность (ново ли решение или решение обыденное?), разработанность (достаточно ли подробно описан ход решения или решение на уровне идей?). По каждому из этих четырех критериев можно получить от 0 до 2 баллов.

Данная задача адресована команде, в которой может быть от трех до шести школьников 6–8 классов. Сформулируем правила решения этой ситуационной задачи на основе технологии учебного мозгового штурма (авт. А. А. Гин) (рис. 2).

1. В своей команде выберите секретаря, который будет фиксировать идеи.
2. Обсудите задачу и уточните её условия.
3. Зафиксируйте все выдвинутые идеи в онлайн сервисе по созданию интеллект-карт <https://coggle.it/>.
4. Обсудите все идеи решения, добавьте замечания (пояснения) относительно идей решения в виде комментариев
5. Полученную интеллект-карту в сервисе <https://coggle.it/> сохраните как изображение (*.png).
6. Отберите наиболее интересные решения (2-5 решений), зафиксируйте их в текстовом редакторе Microsoft Word.
7. В текстовом редакторе вставьте полученное изображение с интеллект картой.
8. Сохраните файл под именем «2.2_название команды» (*.doc или *.docx) и отправьте на проверку.

При обсуждении соблюдайте следующие правила

- учитесь слушать и слышать друг друга;
- никакой критики на начальном этапе выдвижения идей;
- каждый имеет право на идею, принимаются любые идеи, даже самые абсурдные;
- старайтесь найти в каждой идее рациональное зерно, возможность её усовершенствовать и найти применение в других условиях.

Рис. 2. Правила решения ситуационной задачи

Интерфейс онлайн сервиса <https://www.coggle.it> прост и незатейлив, позволяет фиксировать идеи прямо в окне браузера. В центре располагается текстовое поле для ввода центрального понятия интеллект-карты (в нашем случае это вопрос о разрешении проблемы), а справа и слева расположены кнопки добавления новых ветвей (в нашем случае это идеи решения) и подветвей (в нашем случае это комментарии относительно идей решения, если они возникли у команды) (рис. 3).

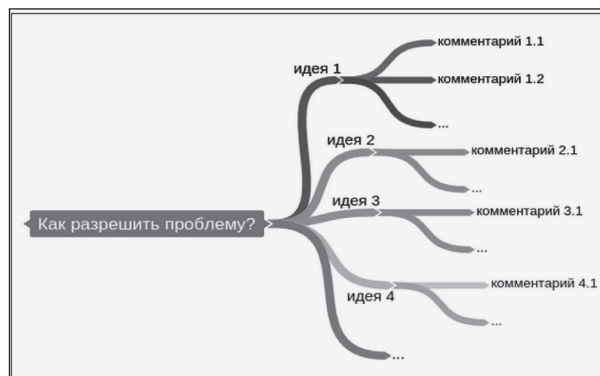

Рис. 3. Шаблон для фиксации идей в online сервисе <https://www.coggle.it>

Одной из основных областей применения интеллект-карт является мозговой штурм, который используется при коллективном решении задач и позволяет генерировать оригинальные и эффективные идеи.

Второе задание. Познакомьтесь с приёмами разрешения противоречий в технике (рис. 4), попробуйте в следующих примерах указать, какой из приведенных примеров использован (рис. 5), а также предложить несколько вариантов решения следующей задачи, воспользовавшись одним из приёмов и подсказкой (рис. 6).

Задача науки и техники - разрешать противоречия в интересах людей. Г. С. Альтшуллер предложил серию приёмов для разрешения противоречий:

- приём изменения окраски: изменение окраски или степени прозрачности объекта, внешней среды; использовались красящие добавки, меченые атомы и др.;
- приём предварительного исполнения: заранее изменить (полностью или частично) объект, чтобы предупредить негативные последствия или неожиданные действия;
- приём "заранее подложенной подушки": нужно компенсировать относительно невысокую надёжность объекта заранее подготовленными средствами;
- приём "наоборот": вместо действия, диктуемого условиями задачи, осуществить обратные действия, т. е., например, сделать движущуюся часть объекта неподвижной и наоборот.

Рис. 4. Информация командам для ознакомления

Вопрос 1
Пока нет ответа
Балл: 1,00
Отметить вопрос

Знаменитые "бегущие дорожки", на которых космонавты, спортсмены пробегают многие километры, оставаясь на месте.

Выберите один ответ:

- приём "заранее подложенной подушки"
- приём изменения окраски
- приём "наоборот"
- приём предварительного исполнения

Рис. 5. Задание на выбор приёма разрешения противоречия

Вопрос 5
Пока нет ответа
Балл: 1,00
Отметить вопрос

Попробуйте предложить несколько вариантов решения следующей задачи, воспользовавшись одним из приёмов и подсказкой.

Один американский кинотеатр стал прогорать. Оказалось, зрители были недовольны тем, что во время киносеанса дамы не снимают шляп и загромождают экран. И чего только не делала администрация кинотеатра! Повесили объявление в гардеробе, просили по громкоговорителю быть вежливыми - результат нулевой. Как же заставить упрямых дам снимать шляпы во время киносеанса?

Подсказка: приём "заранее подложенной подушки".

Абзац B I

Рис. 6. Задача, предложенная для решения с помощью метода ТРИЗ

Авторский комментарий. Командам предлагается познакомиться с одним из методов решения творческих задач – методом разрешения противоречий, для этого предварительно на основе рассмотрения противоречий на примере сказочных сюжетов, в обыденной жизни, в ло-

гике и в технике вводится понятие противоречия в широком смысле: «Противоречие – это столкновение взаимоисключающих требований к одному и тому же объекту или одному и тому же элементу объекта».

Правильным ответом является вариант «приём "наоборот"»: в данном примере-ситуации противоречие между необходимостью двигаться (бежать) и необходимостью оставаться на месте.

Данное тестовое задание с автоматизированной проверкой результата в большей степени направлено на развитие интеллектуальных способностей школьников.

Контрольный ответ, т. е. конкретное решение, которое было принято на практике, такой: «Изменить текст объявления: «Во время сеанса просим дам снять шляпы. К пожилым людям это не относится», но могут быть предложены и другие, не менее оригинальные, решения, например, решение «поднять выше экран и обеспечить удобный угол просмотра, поставив экран под углом и установив спинки кресел параллельно ему» или решение «устроить конкурс на лучшую женскую причёску».

Итак, на основе приведенных заданий телекоммуникационного обучающего проекта «Твори! Выдумывай! Пробуй!», основные цели которого – знакомство с секретами творчества и методами решения творческих задач, с теорией решения изобретательских задач мы показали, как при помощи информационно-коммуникационной образовательной среды могут быть созданы условия для реализации интеллектуально-творческого потенциала одаренных детей.

1. Рабочая концепция одаренности / Д. Б. Богоявленская, В. Д. Шадриков, Ю. Д. Бабаева и др.; отв. ред. Д. Б. Богоявленская. М., 2003. 95 с.

2. Рензулли Дж., Рис С. М. Модель обогащающего школьного обучения // Основные современные концепции творчества и одаренности / под ред. Д. Б. Богоявленской. М., 1997. С. 214–242.

3. Щепланова Е. И. Неуспешные одаренные школьники. М.: БИНОМ. Лаборатория знаний, 2014. 245 с.

4. Ильин Е. П. Психология творчества, креативности, одаренности. СПб.: Питер, 2009. 448 с.

5. Альтшуллер Г. С. Творчество как точная наука. М.: Совет. радио, 1979. 403 с.

6. Фонд Г. С. Альтшуллера. URL: <http://www.altshuller.ru/> (дата обращения 02.03.2015).

7. Давыдов В. В. Теория развивающегося обучения. М., 1996. 544 с.

8. Захарова И. Г. Информационные технологии в образовании : учеб. пособие для студентов высш. учеб. заведений. М.: Издат. центр «Академия», 2010. 192 с.

© Жукова О. Н., 2015

ПОДГОТОВКА PR-СПЕЦИАЛИСТОВ В УСЛОВИЯХ КОНВЕРГЕНЦИИ ИНФОРМАЦИОННОГО ПРОСТРАНСТВА

Материал статьи направлен на разработку новых стандартов и средств обучения студентов по специальности «Связи с общественностью» в условиях конвергенции информационного пространства при помощи исследования существующих программ обучения в Новосибирском государственном техническом университете.

Ключевые слова: подготовка специалистов, связи с общественностью, конвергенция информационного пространства.

TRAINING OF PR-SPECIALISTS IN THE CONVERGENCE CONDITIONS OF INFORMATION SPACE

The aim of this study is development of new standards and aids for teaching students in “Public Relations” specialization in terms of convergence of information space by studying the existing training programs in the Novosibirsk State Technical University.

Keywords: training of specialists, public relations, convergence of information space.

В настоящее время проблеме коммуникативного пространства уделяется весьма большое внимание со стороны представителей различных видов гуманитарного знания. Но более всего этот концепт формулируется культурологами и лингвистами, которые в качестве определения дают следующую формулировку: коммуникативное пространство – это совокупность сфер общения, в которых личность реализует свое речевое намерение в соответствии с принятыми в данном социуме правилами и нормами общения. Эта формулировка игнорирует включенность коммуникативного пространства в пространство социальное (хотя социальный характер подразумевается, поскольку субъектом общения называется человек).

В современном образовательном процессе большинство факторов не учитывают конвергентность коммуникативной среды и информационного пространства, в связи с чем возникают неверные трактовки целей образовательных программ и содержания образовательных программ. Конвергенция (от лат. *convergo* — приближаюсь, схожусь) — сближение или совпадение двух и более сущностей. В английском языке *convergence* означает «схождение в одной точке». М. Павликова дает следующее определение, ссылаясь при этом на канадского исследователя СМИ и коммуникаций Дэниса Макуэйла: «Это распространение одного и того же содержательного продукта по разным каналам, разными средствами» [1, с. 37].

Определение понятия коммуникативного пространства достаточно сложная теоретическая задача. Формула «социология пространства», как и понятие, изобретена Г. Зиммелем. Одна из больших его работ так и называется: «Социология пространства». Есть два подхода к пониманию социального пространства: субстанциалистский и структуралистский. [2, с. 13]

Согласно первой трактовке пространство состоит из субстанций, т. е. индивидов, их групп и организаций, соединенных социальными отношениями. Социальное пространство обладает материальной субстанцией –

людьми. Определить положение человека или какого-либо социального явления в социальном пространстве означает определить его (их) отношение к другим людям и другим социальным явлениям, взятым за такие «точки отсчета».

Во второй трактовке социальное пространство – это надиндивидуальная реальность, состоящая из структурированных социальных отношений. Для понимания природы коммуникативного пространства, структуралистская концепция социального пространства наиболее подходящая. По определению П. Бурдьё, социальное пространство – это «ансамбль невидимых связей, тех самых, что формируют пространство позиций, внешних по отношению друг к другу, определенных одни через другие, по их близости, соседству или по дистанции между ними, а также по относительной позиции: сверху, снизу или между, посередине». По мнению Бурдьё, существует «пространство отношений, которое столь же реально, как географическое пространство» (пер. автора) [3, р. 55]. По сути, можно говорить о том, что коммуникационное пространство является формой, оболочкой социального пространства, поскольку является пространством культуры. Можно согласиться с В. М. Лоскутниковой, которая считает, что сущностные особенности социальных процессов эксплицируются путем анализа механизмов коммуникации, когда коммуникативное пространство предстает как аутентичная форма социальной реальности. Мир материальной культуры – это мир артефактов. Культура задает форму. Если пространство, по сути, есть фиксации разнообразия разнородных объектов, коммуникативное пространство есть зафиксированное разнообразие коммуникативных каналов, сообщений, адресатов и адресантов.

В широком смысле конвергенция может пониматься не только как взаимное влияние явлений, но и взаимопроникновение технологий, стирание границ между ними, слияние. А. Г. Качкаева предлагает следующую классификацию конвергенции:

– конвергенция как бизнес-стратегия медиахолдинга;

- конвергенция как тактика;
 - конвергенция как «переупаковка»;
 - конвергенция в сфере сбора и производства информации;
 - конвергенция как новый вид подачи информации.
- [4, с. 35]

Таким образом, конвергенция может пониматься как передача единого контента разными средствами (с помощью текста, звука или видео) и по разным каналам коммуникации (пресса, телевидение, радио, Интернет).

Объединенные коммуникации (персональные и интуитивные, гибкие и надежные, удобные, доступные в любом месте, с помощью любого устройства и интегрированные) предлагают унификацию присутствия, связь в реальном (мгновенная пересылка сообщений, телефония, обмен видео и приложениями) или в почти реальном времени (электронная почта, голосовая почта, SMS). Они в первую очередь призваны решить проблемы, связанные с растущей сложностью управления, обеспечения безопасности и поддержки деятельности мобильных глобальных организаций. Определение объединенных коммуникаций гораздо шире, чем интегрированных коммуникаций, и включает коммуникации, интегрированные в бизнес-процессы.

Профессионально-трудовая социализация – это совокупность процессов, в разной степени регулируемых и позволяющих будущему работнику, специалисту усваивать систему установок, норм, ценностей, соответствующих осваиваемой социальной роли профессионала. В рамках данного процесса в рекламном и PR-образовании осуществляется аксиологический подход, происходит развитие отношений обучаемого к журналистике и к себе как журналисту.

Какими знаниями и умениями должен обладать специалист для дальнейшей успешной профессионально-трудовой социализации и качественной работы в своей области?

Качества, которые необходимы специалисту PR, условно можно разделить на 3 сферы:

1. Коммуникативную.
2. Эмоционально-волевую.
3. Познавательную.

Это разделения достаточно условно, так как можно сказать, что некоторые качества могут относиться сразу к нескольким сферам либо выходить за рамки данной классификации.

Коммуникативная сфера является одной из основ, так как специалисту PR в постоянно приходится налаживать и поддерживать контакты с самыми разными людьми, и это умение является ключевым для его профессиональной деятельности.

Необходимой базой для развития этой сферы является такое качество человека, как потребность в общении с другими людьми. То есть изначальное желание быть включенным в межличностное общение, находиться среди людей, ориентация на совместную деятельность, потребность в привязанности и эмоциональных отношениях с людьми.

Также играет немаловажную роль способность к эмпатии. Эмпатия способствует сбалансированности межличностных отношений, и наличие этого качества является необходимым условием эффективной деятельности специалиста PR. Сюда же можно отнести и умение выслушивать другого человека, способность воспринять точку зрения другого. Высокий уровень развития этих качеств поможет специалисту PR легче устанавливать контакт с другими людьми, находить решения, удовлетворяющие потребности обеих сторон.

Важнейшее качество, относящееся к речевой коммуникации – это ораторское мастерство. Существует множество приемов завоевания аудитории, правил достижения эмоциональности выступления. Необходимо не просто ознакомиться с этими техниками, а отработать их на практике, внести в свою жизнь и постоянно использовать.

Второй уровень коммуникаций, который также необходим для изучения в процессе овладения техниками и методами связей с общественностью в коммуникативной сфере – это невербальные коммуникации. Основными характеристиками для невербальных средств общения являются движение, пространство и время. В процессе личных коммуникаций важное значение имеет коммуникационно-дистанционные зоны, расстояние, на котором люди привыкли общаться. Нарушение привычной дистанции вызывает дискомфорт у участников. При постоянном общении с людьми специалисту PR необходимо знать о невербальных видах коммуникации и применять свои знания на практике.

Следующая сфера развития специалиста – эмоционально-волевая, включающая несколько наиболее важных качеств.

В первую очередь для успешной деятельности и обучения необходимо самообладание, самоуправление – способность контролировать свои чувства, поведение в сложившейся ситуации. В работе по связям с общественностью могут складываться различные ситуации, где человек должен будет сохранить контроль над ситуацией, над собой и быстро отреагировать на воздействие, постараться повернуть новую ситуацию в нужном для себя направлении.

Ещё одно важное качество – потребность в достижениях, стремление к достижениям, в котором отражена фундаментальная человеческая потребность – двигаться вперед и достигать поставленные цели. Так, можно выделить ряд особенностей, присущих людям, имеющим желание достигать поставленных целей:

- 1) этим людям наиболее предпочтительнее ситуации, в которых можно брать на себя ответственность в решении проблем;
- 2) они не склонны подвергать себя слишком большому риску, а ставят перед собой достаточно умеренные цели, стараясь, чтобы риск в значительной мере был рассчитан и предсказуем;
- 3) люди, имеющие потребность в достижении цели, хотя конкретная обратная связи, информирующей их о том, насколько успешно они справляются с заданием [3, р. 101]

Также важно иметь способность к самокритике, поскольку это будет способствовать дальнейшему личностному росту.

В познавательной сфере необходимо выделить несколько качеств, которые необходимы любому специалисту гуманитарного профиля.

В первую очередь необходима гибкость ума, способность заниматься несколькими проблемами одновременно, которая поможет быстро переключаться между поставленными задачами и рассматривать одну и ту же проблему с разных точек зрения.

Креативность – способность к творческому решению задач. Эта важная способность для специалиста PR. «Связи с общественностью» не являются точной наукой и в деятельности специалиста PR нет раз и навсегда установленных правил и жестко закрепленных рамок для решения задач. Невозможно выделить алгоритм по решению задач, к каждой из задач специалист PR должен подходить творчески, учитывая «плюсы» и «минусы» такой задачи. Поэтому работа в области PR – возможность в полной мере проявить свои способности и реализовать творческий потенциал.

Целью профессиональной подготовки в условиях конвергенции, которая требует разработки и внедрения новых форм и методов обучения, является определенный тип специалиста – универсального PR-специалиста.

Конвергенция коммуникации означает появление моделей коммуникации, которые ранее были абсолютно самостоятельными и автономными. Именно дихотомия массовой и межличностной коммуникации в современную эпоху перестает быть абсолютной оппозицией и на основе этих двух моделей возникает новая модель – конвергентная.

На данный момент конвергентная модель подготовки специалистов не развита, попытки включить в образование различные мультимедийные и мультиструктуральные элементы, безусловно, происходят как в России, так и в зарубежных вузах. В дальнейшем необходимо вести поиск и утверждение педагогических направлений в условиях конвергенции информационного общества. Резуль-

таты работы будут направлены на модернизацию образовательных программ и включение в список изучаемых предметов актуальных трендов и новейших технологий, используемых в специальности по направлению подготовки специалиста.

Конвергенция коммуникаций означает возникновение новых моделей социальных коммуникации, при этом старые модели не прекращают быть значимыми, и не заменяются новыми. Новые начинают действовать параллельно со старыми. Конвергенция коммуникации представляет из себя некоторую репрезентацию конвергенции экономических систем, являющихся, в свою очередь, имплантацией социального действия, которые производит коммуникация через предметно-вещественные объекты.

Таким образом, специалист должен обладать так называемым мульти-образованием, которое будет включать в себя как классические уровни знания, так и постоянно обновляющиеся и совершенствующиеся современные знания, подходящие конвергентному коммуникативному и социокультурному пространству. Подобный подход требует введения новых стандартов и новых принципов образования для будущих PR-специалистов.

1. Павликова М. Сетевые технологии и журналистика: Эволюция финских СМИ. М.: РИП-холдинг, 2001. 290 с.

2. Зиммель Г. Социология пространства // Зиммель Г. Избранное: в 2 т. М.: Лениздат, 1996. Т. 2. 375 с.

3. Perspectives on Multimedia: Communication, Media and Information Technology by Robert Burnett (Editor), Anna Brunstorm (Editor), Enders G. Nilsson (Editor). London: Wiley, 2004. 351 p.

4. Качкаева А. Г. Журналистика и конвергенция. Почему и как традиционные СМИ превращаются в мультимедийные. М.: Эксмо, 2010. 302 с.

© Кошелев В. А., 2015

НАУЧНО-ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ КАК ФАКТОР РАЗВИТИЯ ОБЩЕКУЛЬТУРНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ПЕДАГОГИЧЕСКОГО ВУЗА

Важной задачей современного профессионального образования является развитие общекультурных компетенций студентов. В статье описаны общекультурные компетенции студентов педагогического вуза, выявлены факторы их развития. Выделены механизмы исследовательской деятельности, наиболее продуктивные образовательные технологии ее организации в педагогическом вузе.

Ключевые слова: научно-исследовательская деятельность, интерактивные методы обучения, компетентность, мотивация, образовательная технология, общекультурная компетенция.

RESEARCH ACTIVITIES AS THE FACTOR OF THE DEVELOPMENT OF GENERAL CULTURAL COMPETENCES OF STUDENTS OF PEDAGOGICAL UNIVERSITIES

The development of intercultural competence of students is an important task of modern professional education. The article describes the general cultural competences of students of pedagogical universities and factors of their development. The research mechanisms and the most productive educational technologies of the research organization in pedagogical universities are selected.

Keywords: research activities, interactive teaching methods, competence, motivation, educational technology, general cultural competence.

Отличительными особенностями образования в XXI веке является его ориентация на «свободное развитие человека», развитие его творческой инициативы, самостоятельность обучаемых, конкурентоспособность, мобильность будущих специалистов [1]. В связи с этим возрастает необходимость повышения профессиональной компетентности педагога, которая становится предметом специального всестороннего рассмотрения [2].

Введенный приказом Министерства труда и социальной защиты РФ профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования» предполагает не только установление единых требований к содержанию и качеству профессиональной педагогической деятельности, но и разработки федеральных государственных образовательных стандартов педагогического образования [3], в которых особое место отводится компетентности выпускников вуза.

Ссылаясь на исследования И. А. Зимней [4], отметим, что компетентность всегда есть актуальное проявление компетенции, и основанный на компетентности подход характеризуется усилением собственно прагматической и гуманистической направленности образовательного процесса. При этом «компетенцию» можно рассматривать как совокупность взаимосвязанных качеств личности, задаваемых по отношению к определенному кругу предметов и процессов. В то же время компетентность, по мнению А. В. Хуторского, – это владение человеком соответствующей компетенцией, включающей его личностное отношение к ней и предмету деятельности. Иными словами, компетенция это требование к образовательной подготовке обучаемого, а компетентность – определенное качество личности обучаемого и мини-

мальный опыт по отношению к деятельности в заданной сфере [5].

А. В. Хуторской отмечает необходимость детализации компетенций в зависимости от возрастной ступени обучения, учебного предмета и образовательной области и приводит следующий перечень компетенций: ценностно-смысловые, общекультурные, учебно-познавательные, информационные, коммуникационные, социально-трудовые и личностного самосовершенствования. Согласно этому в каждой образовательной области следует точно определить необходимое и достаточное число связанных между собой реальных изучаемых объектов, формируемых при этом знаний, умений, навыков и способов деятельности, составляющих содержание определенных компетенций [6].

Профессионально-педагогическое образование предусматривает в качестве конечного результата обучения на каждом уровне подготовки и направления освоение обучающимися общекультурных компетенций.

А. В. Хуторской считает, что общекультурная компетенция – широкий круг вопросов, по отношению к которым обучающийся должен быть хорошо осведомлен, а именно: познание и опыт деятельности в области национальной и общечеловеческой культуры; духовно-нравственные основы жизни человека и человечества, отдельных народов; компетенции в бытовой и культурно-досуговой сфере, например, владение эффективными способами организации свободного времени. Сюда же относится опыт освоения студентом научной картины мира, расширяющейся до культурологического и всечеловеческого понимания мира [7].

Согласно Федеральному государственному образовательному стандарту высшего профессионального

образования по направлению подготовки 44.04.04 – Профессиональное обучение (экономика и управление) (квалификация магистр) [8], утвержденному Приказом Минобрнауки РФ от 19 мая 2010 г., выпускник магистратуры должен демонстрировать следующие общекультурные компетенции, т. е. способность и готовность:

- совершенствовать и повышать свой интеллектуальный и общекультурный уровень;
- самостоятельно осваивать новые методы исследования, изменять научный и научно-педагогический профиль своей профессионально-педагогической деятельности;
- свободно пользоваться русским и иностранным языками как средством делового общения;
- повышать уровень социально-профессиональной мобильности;
- использовать на практике навыки и умения организации научно-исследовательских, научно-отраслевых работ, управления коллективом;
- реализовывать профессионально-педагогическую деятельность на основе гуманитарных и культурных ценностей;
- формировать свой индивидуальный стиль профессионально-педагогической деятельности;
- принимать ответственность за свои решения в рамках профессиональной компетенции, принимать нестандартные решения, решать проблемные ситуации;
- осуществлять самооценку, ценностное социокультурное самоопределение, культурное саморазвитие;
- самостоятельно приобретать с помощью информационных технологий и использовать в профессионально-педагогической деятельности новые области знаний;
- использовать углубленные знания правовых и этических норм при оценке своей профессионально-педагогической деятельности;
- расширять и углублять свое научное мировоззрение;
- демонстрировать навыки работы в научном коллективе;
- демонстрировать активное общение в научной, отраслевой и социально-общественной сферах деятельности;
- глубоко осмысливать и формулировать диагностические решения профессионально-педагогических проблем путем интеграции фундаментальных и специализированных знаний в сфере профессионально-педагогической деятельности;
- проводить научные эксперименты и оценивать результаты исследований;
- анализировать, синтезировать и обобщать информацию;
- эксплуатировать современное оборудование (приборы) в соответствии с целями основной образовательной программы магистратуры;
- презентовать результаты своей научной деятельности.

Вместе с тем анализ выпускных квалификационных работ студентов и опыт преподавательской деятельнос-

ти показывает, что большинство студентов затрудняются в определении научного аппарата и теоретико-методологической базы исследования, положений, выносимых на защиту, оформлении выводов по разделам и заключения; некоторые студенты не выдерживают научно-исследовательский стиль, нарушают требования к оформлению списка литературы, используемой при написании работы, допускают орфографические, синтаксические и стилистические ошибки; отдельные студенты затрудняются в выборе математических методов обработки полученных данных и интерпретации результатов исследования. Кроме того, отдельные студенты не готовы принимать ответственность за свои решения в рамках профессиональной компетенции, решать проблемные ситуации.

Следует отметить, что вышеперечисленные общекультурные компетенции могут сформироваться только тогда, когда в познавательную активность вовлекается эмоционально-волевая сфера структуры личности, когда присутствует субъективная мотивация к восприятию знаний, когда получаемая информация имеет не только содержательный смысл, но и значимость. Кроме того, важным оказывается форма и способ передачи знаний, интерпретационные установки самого преподавателя. Именно от инициативности преподавателя, от его желания и умения думать, заниматься исследовательской деятельностью, творчеством зависит успех реализации на практике прогрессивных теорий, идей и концепций [9].

В связи с этим отметим, что формирование и развитие общекультурных компетенций студентов педагогического вуза должно осуществляться комплексно как в учебной, так и во внеучебной деятельности. С позиций компетентного подхода студент из пассивного потребителя знаний должен превратиться в активного участника образовательного процесса. Задача преподавателя – помочь каждому студенту сформировать свою индивидуальную образовательную траекторию, заинтересовать предметом и сферой своей научной деятельности. Необходимо как можно более широко использовать метод проектов, проблемный метод обучения, привлекать студентов к научно-исследовательской деятельности.

Опрос студентов-бакалавров с целью выявления их готовности к обучению в магистратуре показал: четвертая часть студентов 3–4 курса направления «Профессиональное обучение (экономика и управление)» готовы заниматься научно-исследовательской деятельностью, но нуждаются в помощи при выборе темы исследования и научного руководителя. Объяснение этого явления можно найти в высказывании одного студента «За науку мало платят». Вместе с тем многие работающие старшекурсники отмечают возможность получения более высокой заработной платы и развития профессиональной карьеры посредством творческой научной деятельности по специальности.

Отдельные студенты первого-второго курса (участники школьных научно-практических конференций) готовы к изучению психолого-педагогических проблем в рамках научного сообщества студентов, но им необходимо профессиональное психологическое сопровождение (учеб-

ная нагрузка большая, необходима положительная мотивация на исследовательскую деятельность).

Традиционно понятие «научно-исследовательская работа студентов» (НИРС) отождествляется с формами привлечения студентов к научной работе кафедр, а также кафедральных и вузовских лабораторий, выполнению учебных исследовательских работ, реальных курсовых и дипломных работ, участию в конференциях, семинарах, конкурсах, выставках. Вместе с тем научно-исследовательская работа студентов предполагает их обучение основам исследовательского труда, привитие им определенных навыков, выполнение научных исследований под руководством преподавателей [10].

Исходя из этого, в системе научно-исследовательской деятельности студентов выделяется три направления:

1) научно-исследовательская деятельность, встроенная в учебный процесс (УИДС) – выполняется в отведенное расписанием занятий учебное время по специальному заданию в обязательном порядке каждым студентом под руководством преподавателя;

2) научно-исследовательская деятельность, дополняющая учебный процесс (НИДС) – реализуется в таких организационных формах, как работа научных кружков, исследовательских групп, студенческих конструкторских бюро, студенческих научно-исследовательских лабораторий и других подобных объединений; выполнение индивидуальных научных исследований; прикладных заданий; проведение состязательных и массовых научно-технических мероприятий: научно-практические конференции, семинары, симпозиумы, круглые столы, дискуссии, диспуты, встречи и др.; предоставление работ на конкурсы, смотры;

3) научно-исследовательская деятельность, параллельная учебному процессу (НИРС) предполагает не «ученический» уровень изысканий, а объективную общественную значимость ожидаемых и получаемых результатов [11].

Ведущими принципами организации научно-исследовательской работы студентов педагогического вуза как системы является обеспечение органического единства научного и учебного процессов и на этой основе повышение качества подготовки специалистов, усиление связи науки с практикой, развитие инновационных процессов в образовании.

Правильно организованная и спланированная научно-исследовательская работа студентов в процессе обучения в педагогическом вузе выполняет ряд функций и способствует развитию общекультурных компетенций:

– мотивационную: развитие интереса к педагогической науке и исследовательской деятельности, ценностное социокультурное самоопределение, стимулирование самообразования, саморазвития;

– организационно-педагогическую: организации научно-исследовательских, научно-отраслевых работ, управления коллективом;

– оценочно-рефлексивную: осмысление и формулирование диагностических решений профессионально-педагогических проблем путем интеграции фундаментальных

и специализированных знаний в сфере профессионально-педагогической деятельности;

Для решения задач развития общекультурных компетенций в учебном процессе педагогического вуза нами используются активные и интерактивные формы проведения занятий (семинары в диалоговом режиме, дискуссии, компьютерные симуляции, деловые и ролевые игры, разбор конкретных ситуаций, психологические и иные тренинги, групповые дискуссии). Например, в процессе изучения дисциплины «Инновационный менеджмент в образовании» студенты решают исследовательские задачи по определению состояния управления инновационным содержанием образования, инновационной деятельностью преподавателей, производят сбор исходных данных, необходимых для расчета эффективности инновационных процессов в образовательной организации.

В рамках дисциплины «Методология научного творчества» студенты составляют кластеры, списки статей по проблемам развития творчества, разрабатывают памятки «В помощь исследователю», делают подборку различных моделей исследования, оформляют сравнительные таблицы и принимают участие в мозговом штурме «Научное творчество как прогрессивный процесс», организационно-деятельностных играх «Учись учиться», «Пресс-конференция».

Научно-исследовательская деятельность, организуемая кафедрой профессиональной педагогики, психологии и управления традиционно реализуется в таких организационных формах, как выполнение индивидуальных научных исследований по заявке профессиональных образовательных организаций; проведение научно-практических конференций, пресс-конференций, методологических семинаров для студентов магистратуры, студенческих научных форумов. В рамках форума проводятся дискуссионные и презентационные площадки, коворкинг, мастер-классы, тренинги и др.

Обобщая сказанное выше, можно утверждать, что исследовательская деятельность является сложным и многомерным процессом, в ходе реализации которого всесторонне развиваются все составляющие общих компетенций и растет уровень профессионализма выпускника педагогического вуза.

1. Зимняя И. А. Ключевые компетенции – новая парадигма результата современного образования // Интернет-журнал «Эйдос». 2006. 5 мая. URL: <http://www.eidos.ru/journal/2006/0505.htm> (дата обращения 25.12.2014).

2. Маркова А. К. Психология профессионализма. М.: Международный гуманитарный фонд «Знание», 1996. 312 с.

3. Профессиональный стандарт «Педагог профессионального обучения, профессионального образования и дополнительного профессионального образования». URL: <http://www.fgosprofobr.ru/> (дата обращения 25.12.2014).

4. Зимняя И. А. Общая культура и социально-профессиональная компетентность человека // Высшее образование сегодня. 2005. № 11. С. 14–20.

5. Хуторской А. В. Определение общепредметного содержания и ключевых компетенций как характеристика нового подхода к конструированию образовательных стандартов». URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (дата обращения 25.12.2014).

6. Хуторской А. В. Ключевые компетенции и образовательные стандарты. Доклад на отделении философии образования и теории педагогики РАО 23 апреля 2002. Центр «Эйдос». URL: <http://www.eidos.ru/journal/2002/0423.htm> (дата обращения 25.12.2014).

7. Хуторской А. В. Дидактическая эвристика: Теория и технология креативного обучения. М.: Изд-во МГУ, 2003. 416 с.

8. Приказ Минобрнауки РФ от 16.04.2010 N 377 (ред. от 31.05.2011) «Об утверждении и введении в действие федерального государственного образовательного стандарта высшего профессионального образования по направлению подготовки 051000 Профессиональное обучение

(по отраслям) (квалификация (степень) «магистр») // URL: <http://www.consultant.ru> (дата обращения 30.11.2014)

9. Швец И. М. Современные педагогические технологии в контексте ФГОС третьего поколения: учеб. пособие. Н. Новгород: Изд-во НГУ им. Н. И. Лобачевского, 2010. 126 с.

10. Чупрова Л. В. Научно-исследовательская работа студентов в образовательном процессе вуза // Теория и практика образования в современном мире: материалы междунар. науч. конф. (г. Санкт-Петербург, февраль 2012 г.). СПб.: Реноме, 2012. С. 380–383.

11. Яркова Т. А. Научные основы организации научно-исследовательской деятельности студентов в педагогическом вузе // Вестник Челябинского государственного университета. 2013. № 3. С. 215–228.

© Лаздина Т. И., 2015

УДК 372.881.111.22

М. А. Морозова
М. А. Morozova

ВОЗМОЖНОСТИ ИСПОЛЬЗОВАНИЯ КОРПОРАТИВНЫХ РЕСУРСОВ В СОЦИАЛЬНОЙ СЕТИ FACEBOOK ПРИ ОБУЧЕНИИ НЕМЕЦКОМУ ЯЗЫКУ В ВУЗЕ

В статье исследуются особенности немецкоязычной корпоративной коммуникации в социальной сети Facebook, касающиеся структуры и функциональных возможностей ресурса, особенностей создания контента для различных целевых групп, правил и норм корпоративной идентичности и лингвостилистических особенностей. Обсуждаются возможности использования учебных заданий, разработанных на основе материалов корпоративной коммуникации в социальной сети Facebook для развития навыков и компетенций студентов вузов в сфере профессиональной онлайн-коммуникации.

Ключевые слова: корпоративная онлайн-коммуникация, социальные медиа, социальные сети, Facebook, профессионально ориентированное обучение немецкому языку.

CORPORATE FACEBOOK RESOURCES AS A TOOL FOR TEACHING GERMAN FOR SPECIFIC PURPOSES IN HIGHER EDUCATION INSTITUTIONS

The article examines the features of German corporate communication in social network Facebook that are related to the structure and functionality of the resource, content for different target groups, rules and regulations of corporate identity, linguistic and stylistic features. The ways of use of language learning tasks based on the materials of corporate communication in social network Facebook for development German for specific purposes skills and professional online communication competences are discussed.

Keywords: corporate online communication, social media, social networks, Facebook, German for specific purposes.

В современной бизнес-среде для достижения целей корпоративной коммуникации все более значимыми становятся социальные медиа, наиболее распространенными среди которых являются микроблоги, блоги и социальные сети. Заинтересованность немецкоязычных предприятий в использовании социальных медиа определяется целями, которые преследуют предприятия. По данным немецкого интернет-портала статистики Statista.de, 33 % предприятий используют эти каналы коммуникации для повышения уровня известности / узнаваемости

компании, 28 % – для более тесного контакта с клиентами, 21 % компаний использует в качестве платформы для маркетинга, 11 % – для повышения уровня продаж / сбыта, 4 % – общение с целевыми аудиториями и 3 % – клиентская поддержка [1].

Социальная сеть Facebook – один из социальных медиа, который наиболее активно используется как крупными и известными компаниями и организациями, так и небольшими фирмами. Отличием Facebook от других социальных сетей является преобладание информатив-

но-интеллектуального содержания над развлекательным: коммуникация в социальной сети ориентирована на общение, а не на продажи [2, с. 43]. Данный ресурс является платформой коммуникации в режиме диалога (*нем. digitale Dialogplattform*) [3, с. 17], который активно используется для установления прямого контакта с целевой аудиторией, оказания влияния на общественный дискурс и участия в формировании общественного мнения об организации, ее имиджа [3, с. 17]. По данным австрийской торговой палаты только в Австрии число активных аккаунтов в Facebook в 2014 г. составило 2,9 миллиона, т. е. 48 % австрийцев имеют свой аккаунт в этой сети. Важно отметить, что использование данного сервиса в личных целях все чаще смешивается с профессиональными целями [4, с. 1].

Согласно данным нашего исследования ресурсов 250 немецкоязычных компаний различного масштаба (мелкие, средние и крупные), относящихся к различным сферам деятельности: информационные технологии, производство (автомобилестроение, пищевая промышленность), торговля (различные группы товаров), сфера услуг (транспортные и финансовые услуги, услуги связи) и др., число компаний, использующих Facebook, составляет 61,6 %.

Исследователи отмечают наличие специфических особенностей корпоративной коммуникации в социальных медиа, в том числе лингвостилистических, которые проявляются на всех уровнях языка (от лексики до синтаксиса) [5, с. 14–15; 6, с. 10–13]. Навыкам использования данных особенностей необходимо обучать в курсе иностранного языка при обучении профессиональной коммуникации в вузе.

Корпоративная коммуникация в Facebook обнаруживает четыре группы особенностей. Первая группа связана со структурой и функциональными возможностями ресурса, вторая группа – с созданием контента для определенного адресата, третья группа касается корпоративного онлайн-дискурса, к четвертой группе относятся лингвостилистические особенности.

В Facebook личные профили предназначены для частных лиц, а страницы – для бизнеса. Facebook предлагает дополнительные возможности для создания корпоративных страниц, которых нет в личном профиле [7, с. 16–18]. Элементами, относящимися к структуре корпоративной страницы в Facebook, являются: логотип компании, обложка страницы, возможность отправления сообщения администратору страницы, раздел информации о компании, вкладки и приложения на странице, отображение количества подписчиков страницы, возможность публикации новой заметки, картинки, статуса в ленте новостей, заметка с прикрепленным видеороликом, публикации пользователей на странице компании, вехи в хронике, выделение / скрытие / удаление постов в ленте новостей, размещение визуального контента на странице, возможность размещения нескольких разновидностей рекламных объявлений и рекламных новостей в Facebook с загрузкой картинки или без нее, возможности настройки таргетинга для измерения и анализа аудитории контекстных объявлений,

возможность измерения результативности продвижения страницы компании в Facebook (метрики, показывающие охват аудитории, активность аудитории и отношение аудитории к бренду) и др. В Facebook-хронологии имеется возможность оформления страницы, где компания может продемонстрировать перечень своих продуктов и историю публикаций в хронологическом порядке.

Контент корпоративной коммуникации в Facebook ориентирован на две основные целевые аудитории: «бизнес-бизнес» (*англ. B2B, business-to-business*), и «бизнес-массовый рынок / клиент», (*англ. B2C, business-to-customer*).

Для коммуникации в сфере «бизнес-бизнес» характерны следующие особенности:

- структурирование и разграничение целевой аудитории, чтобы обращение к каждой целевой группе сделать индивидуальным;

- наличие глубоких специальных знаний у автора публикаций, которые позволят общаться на узкоспециальные темы;

- соблюдение определенной дистанции при общении с партнерами или соискателями, проявляющиеся в отсутствии прямого обращения и употреблении вежливой формы «Вы»;

- избирательное представление информации в Facebook – в виде тизера, т. е. рекламного сообщения, содержащего только часть информации, с целью пробудить интерес читателей. При этом сообщение должно включать в себе уникальное торговое предложение (*англ. Unique Selling Proposition, нем. Alleinstellungsmerkmal, Verkaufsargument*), в котором будет содержаться ссылка на более детальную информацию, размещенную на сайте компании;

- принятие коммуникативных мер для оперативного реагирования на негативные сообщения и комментарии читателей. [8].

Примером коммуникации в сфере «бизнес-бизнес» может служить аккаунт в Facebook немецкой химической компании Henkel AG & Co. KGaA (URL: <https://www.facebook.com/henkeldeutschland>). На первой странице профиля обсуждаются темы, касающиеся технологий производства, различных мероприятий компании, сотрудничества с партнерами и ведущими специалистами, отсутствует прямая реклама товара.

Для коммуникации «бизнес-массовый рынок / клиент» характерны неофициальный стиль общения и наличие социально значимого контента, поскольку такая коммуникация ориентирована на формирование лояльности клиентов. Примером может служить размещенный на странице Facebook компании Tchibo GmbH (URL: <https://www.facebook.com/video.php?v=890741714269851>) социальный ролик о мальчике, проявившем чуткость к одинокому человеку, сопровождающийся сообщением в стиле бытового общения: *Psst... exklusiv für euch: Der Director's Cut von unserem Weihnachts film. – Tsss... Только для вас: монтаж нашего рождественского фильма (здесь и далее перевод автора).*

Корпоративный дискурс проявляется в следовании правилам и нормам корпоративной идентичности, иници-

ировании диалога и поддержании продолжительного общения. Примером может служить сообщение в Facebook рекламного агентства elbkind GmbH: elbkinderhabendieunterschiedlichsten

Hobbys... Willkommen an Bord, Debbie! – У каждого «эльбкиндера» свое увлечение... Добро пожаловать на борт, Дебби! (URL: <https://www.facebook.com/elbkind-GmbH/posts/10153047748980419>). В тексте использованы два приема, подчеркивающие единство коллектива: использование образованного от названия компании существительного «elbkinder», которым автор называет всех сотрудников компании, и дружеское приглашение «на борт», т. е. в коллектив.

Для корпоративного дискурса также характерно инициирование диалога с читателями. Так, компания Haribo предлагает читателям придумать название для самолета в виде упаковки со сладостями фирмы и выиграть билет на самолет до Нью Йорка: Bald startet der brandneue TROPFRUTTI-Flieger zu seinem Jungfernfahrt nach New York! Doch noch hat er keinen Namen... Helft uns, einen zu finden und gewinnt 2 New York-Tickets. – Новенький самолет с тропическими фруктами скоро вылетает в Нью Йорк! Но у него еще нет названия... Помогите нам его придумать и выиграйте два билета до Нью Йорка (URL: <https://www.facebook.com/haribo/photos/a.290054337249.147997.290017302249/10153051605067250/?type=1&theater>).

Вежливый тон является важной особенностью корпоративной коммуникации в Facebook. Использование формул вежливости характерно для комментирования и ответов на комментарии: Wir wünschen euch eine tolle Woche. – Желаем вам хороших выходных (URL: <https://www.facebook.com/rossmann.gmbh/photos/a.373818808434.157584.354412263434/10152424053323435/?type=1&theater>). Согласно корпоративной этике, реакция на негативные отзывы читателей также должна быть исключительно вежливой.

Лингвостилистические особенности корпоративной коммуникации в Facebook обусловлены сочетанием книжно-письменного и разговорного стилей [5, с. 15], при этом в текстах отмечается наличие профессиональных устно-разговорных особенностей. Указанные особенности затрагивают все языковые уровни: фонетический, лексический, синтаксический. В частности, лексический и синтаксический уровни могут быть проиллюстрированы следующими примерами:

– профессиональная терминология: Hauptschalter – главный выключатель (URL: <https://www.facebook.com/Yellostrom/photos/a.264419010262605.58466;201065353264638/703226086381893/?type=1&theater>);

– разговорная лексика: Energiefresser – пожиратели энергии (URL: <http://www.yellostrom.de/blog/2014/08/wahreliebe-ist-gelb-yello-ist-15-und-trifft-treue-kunden/>);

– англицизмы: Bluescreensam Handgelenk – «синий» экран на запястье (URL: <https://www.facebook.com/CHIP/photos/a.182846728306.126323.179800383306/10152784291153307/?type=1&theater>);

– междометия: Ach, übrigens: ... – Ах, впрочем: ... (URL: <https://www.facebook.com/conradelectronic/photos/a.156351846246.119625.108203816246/10152187888021247/?type=1&theater>);

– диалектизмы: Servusmiteinand! – Привет всем! (URL: <https://www.facebook.com/Yellostrom/posts/715336788504156>);

– восклицательные и вопросительные предложения: Entdecke unser neuen Herbst Styles! Welcher darf in deinem Kleiderschrank nicht fehlen? – Открой для себя новый осенний стиль! Какой из них не может отсутствовать в твоём гардеробе? (URL: <https://www.facebook.com/zalando/photos/a.10154651912865537.1073741978.365604620536/10154651912990537/?type=1&theater>);

– эллиптические предложения: Schonprobiert? – Уже попробовали! (URL: <https://www.facebook.com/lindtswitzerland/photos/a.492413371010.296246.189607006010/10152659205826011/?type=1&theater>);

– распространенные и сложные предложения: Haben Sie gewusst, dass sich unser Schokoladenkonsum pro Kopf seit 1950 verdoppelt hat? – Вы знали, что потребление шоколада на каждого с 1950 г. увеличилось вдвое? (URL: <https://www.facebook.com/lindtswitzerland/photos/a.492413371010.296246.189607006010/10152554116671011/?type=1&theater>);

– бессоюзные сложные предложения с двоеточием: Es ist geschafft: Pünktlich zur Bilanzpressekonferenz am Montag wird unser neuer Unternehmensfilm veröffentlicht. – Успели: точно к началу отчетной пресс-конференции в понедельник будет показан наш новый фильм о предприятии. (URL: <https://www.facebook.com/haniel.fhc/photos/a.196899310343454.47832.192977094069009/747299545303425/?type=1&theater>).

В письменной разговорной речи зачастую наблюдается избыточное использование знаков препинания и букв для выражения эмоционально-экспрессивного отношения к чему-либо [9, с. 43-44]: Oh My God!! Du warst noch nicht auf unserer Hello Facebook Seite????? Dann besuch uns jetzt und lass dich auch von der HELLO Maniamtreissen!!! Nicetosweeeeeeeeeeeeeeeeyou! – О, боже!! Ты еще не был на нашей странице в Facebook????? Тогда милости просим прямо сейчас, позволь себе увлечься HELLO Mania!!! Насладись изысканным вкусом! (URL: <https://www.facebook.com/lindtswitzerland/posts/10152537879616011>) и др. Многократное употребление знаков препинания в данном случае является одним из способов выражения эмоционального состояния автора.

Выявленные особенности корпоративной коммуникации в Facebook позволяют сделать предположение о том, что материалы данного ресурса (тексты сообщений, комментарии пользователей и ответы сотрудников компании на комментарии) могут использоваться для формирования необходимых компетенций профессионально ориентированной иноязычной онлайн-коммуникации. В систему заданий на основе использования корпоративных ресурсов в социальных сетях предлагается включить: языковые и речевые упражнения, условно-коммуникативные и реально-коммуникативные, дискурсивные задания,

а также задания на формирование компетенций в сфере межкультурной коммуникации [10, с. 18–19]. Языковые и речевые упражнения направлены на семантизацию языковых единиц (лексических единиц, речевых клише) и автоматизацию языковых и речевых навыков; коммуникативные задания основаны на решении коммуникативных задач и должны включать речевой стимул, побуждающий к решению поставленной задачи с использованием изученных речевых средств. Согласно определению дискурсивных умений [11, с. 9], дискурсивные упражнения направлены на достижение коммуникативной цели на основе учета стилистического, жанрового, социокультурного, психологического и эмоционального факторов, с использованием средств когезии и когерентности. Языковые упражнения нацелены на формирование языковых компетенций, связанных с умением поддерживать диалог с клиентом, вежливо реагировать на критику и негативные комментарии, уместным использованием специальной терминологии и разговорной лексики, развивающих навыки чтения и письменной речи. Примерами заданий, направленных на развитие умений и компетенции разного уровня, могут служить следующие:

1. Прочитайте сообщение компании Tchibo на своей странице Facebook (URL: <https://www.facebook.com/tchibo.de/photos/a.222907091053320.70154.164428853567811/854396727904350/?type=1&theater>). Какие языковые средства используются для привлечения внимания читателей?

2. Прочитайте сообщение компании HARIBO Deutschland (URL: <https://www.facebook.com/haribo/photos/a.290054337249.147997.290017302249/10152687185277250/?type=1&theater>). С какой целью для данного контекста выбрано побуждение «Vorsicht» (осторожно), используемое, как правило, для предупреждения об опасности или призыва к осторожности?

3. Прочитайте информацию о компании Henkel Deutschland в профиле Facebook (URL: https://www.facebook.com/henkeldeutschland/info?ref=page_internal) и на сайте компании (URL: <http://www.henkel.de/unternehmen>). Определите сходства и различия представления информации.

4. Прочитайте сообщение компании Zalando на своей странице в Facebook и комментарии на это сообщение (URL: <https://www.facebook.com/zalando/photos/a.10154618141885537.1073741975.365604620536/10154618146085537/?type=1&theater>). Как бы вы обратились к читателям, чтобы побудить их к активному комментированию?

5. Прочитайте комментарий читателя и ответ компании Henkel (URL: <https://www.de-de.facebook.com/henkeldeutschland/posts/761474420565598>). Оцените корректность ответа. Как бы вы отреагировали на это сообщение?

6. Прочитайте сообщение компании Zalando на своей странице в Facebook (URL: <https://www.facebook.com/zalando/photos/-a.440611735536.369700.365604620536/10154670685795537/?type=1&theater>). Определите, какие лингвистические и экстралингвистические средства ис-

пользует компания, чтобы привлечь внимание к своему товару.

7. Предложите варианты названия профиля компании Schwarzkopf Professional Deutschland (URL: <https://www.facebook.com/SchwarzkopfProfessionalDeutsch>).

8. Ознакомьтесь со слоганами профилей компании QSC AG (URL: <https://www.facebook.com/QSCAG>), Otto-Group (URL: <https://www.facebook.com/ottogroupkarriere>) и HARIBO Deutschland (URL: <https://de-de.facebook.com/haribo>) в Facebook. Какую роль они выполняют и насколько эффективными с точки зрения коммуникации с клиентами и др. целевыми аудиториями являются?

9. Изучите материалы сайта компании Ludwig Görtz GmbH и подготовьте материал для создания профиля этой компании в Facebook: определите важные параметры профиля первой страницы, подготовьте темы для информационного наполнения страниц.

10. Прочитайте несколько сообщений в разделе «Публикации на странице» компании Tchibo GmbH в профиле Facebook (URL: <https://www.facebook.com/tchibo.de>). Проанализируйте, какие темы волнуют пользователей, и предложите несколько значимых для них тем для обсуждения.

Разработка комплекса заданий на основе корпоративных материалов в социальной сети Facebook с учетом профессиональных интересов обучающихся позволит расширить доступ студентов к актуальным аутентичным материалам по профилю их обучения и даст возможность развивать значимые для современного специалиста компетенции в сфере профессиональной иноязычной онлайн-коммуникации.

1. Was ist der Hauptgrund für die Anwendung von Social Media in Ihrem Unternehmen? URL: <http://de.statista.com/statistik/daten/studie/214159/umfrage/gruende-fuer-die-nutzung-von-social-media-durch-unternehmen/> (дата обращения 06.10.2014).

2. Горошко Е. И., Никитенко О. П. Эффективность социального веба в организационных коммуникациях (на примере использования социальной сети Фейсбук) // Инновационные технологии бизнес-коммуникаций: стратегии и тактики: материалы междунар. науч.-практ. конф. Серия: Коммуникативные исследования. М.: Изд-во НИУ ВШЭ, 2011. Вып. 7. С. 39–49.

3. Belvederesi-Kochs R. Erfolgreiche PR im Social Web. Bonn: Galileo Press, 2013. 522 s.

4. Social Media Guidelines. Version 4.0. E-Center der WKÖ, 2013. 17 s. URL: http://www.eday.at/2013/download/wko-socialmedia-guidelines_version_4_0.pdf (дата обращения 11.10.2014).

5. Добросклонская Т. Г. Медиалингвистика: системный подход к изучению языка СМИ (современная английская медиаречь): учеб. пособие. М.: Флинта, 2008. 263 с.

6. Щипицина Л. Ю. Комплексная лингвистическая характеристика компьютерно-опосредованной коммуникации (на материале немецкого языка): автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Воронеж, 2011. 40 с.

7. Филина О. Facebook – эффект для бизнеса и самопиара. Киев: Агенция АЙПИО, 2014. 182 с.

8. Tipps und Best Practice: So geht Unternehmenskommunikation auf Facebook. URL: <http://www.t3n.de/magazin/unternehmenskommunikation-social-web-b2b-facebook-234652/> (дата обращения 13.10.2014).

9. Аржанцева Т. В. Нетрадиционные средства синтагматического членения письменной разговорной речи в условиях интерактивной сетевой коммуникации // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. Серия «Филология. Социальные коммуникации». Т. 25 (64). No 1. Ч. 1. С. 38–46.

10. Кочетунова Н. А. Методика обучения иноязычной электронной коммуникации на основе телекоммуникационных проектов (в неязыковом вузе): автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2009. 22 с.

11. Евстигнеева И. А. Методика развития дискурсивных умений студентов на основе современных информационных и коммуникационных технологий: автореф. дис. ... канд. пед. наук. М., 2013. 26 с.

© Морозова М. А., 2015

УДК 37.014

T. C. Muxtarov
T. S. Mukhtarov

**ПРОБЛЕМЫ ИНТЕГРАЦИИ
ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОСТРАНСТВА
РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН
В УСЛОВИЯХ ПРОДОЛЖАЮЩИХСЯ
ГЛОБАЛИЗАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ**

**PROBLEMS OF INTEGRATION
OF THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT
OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN
IN THE CONTEXT OF THE ONGOING
GLOBALIZATION PROCESSES**

В статье автор рассматривает проблемы модернизации высшего профессионального образования Республики Казахстан в условиях глобализационных процессов. Раскрывает теоретические аспекты создания единого образовательного пространства с точки зрения политических измерений. Формулирует ряд проблем образовательной политики Республики Казахстан, связанных с интеграцией в европейское образовательное пространство.

Ключевые слова: интеграция, образовательное пространство, глобализация, Болонский процесс, кредитная система, Государственная программа, стратегия.

This article considers the problems of modernization of higher professional education of the Republic of Kazakhstan in the conditions of globalization. The author reveals the theoretical aspects of creating a common educational space from the point of view of political dimensions. A number of the challenges in the education policy of the Republic of Kazakhstan related to the integration into the European educational space are formulated.

Keywords: integration, educational space, globalization, the Bologna process, the credit system, the State program, Strategy.

Несмотря на то, что начало интеграции образования Республики Казахстан в европейское образовательное пространство положено достаточно давно, данный вопрос не теряет своей актуальности. Остается ряд нерешенных вопросов как теоретического характера, касающегося определения основных понятий Болонского процесса, так и методологического. Вопросы реформирования национальных систем образования, формирования стандартов образования, учебных планов и программ, реализации кредитной системы, а также ряд других требуют своего разрешения.

Необходимость создания единого образовательного пространства наглядно показывает объединение Европы в единое экономическое пространство, предусматривающее создание единой финансовой, политической, культурной и социальной среды. Его отсутствие является сдерживающим фактором в реализации процессов глобализации, затрагивающих не только европейское сообщество, в этом случае следует говорить о мировой тенденции

этого процесса. Так, Болонский процесс, который стал механизмом интеграции образовательного пространства, затрагивает и азиатские страны, среди которых Республика Казахстан – первое государство на постсоветском пространстве, вступившее в данный процесс.

Стоит отметить, что интеграция образовательной сферы рассматривается не только как интеграция образования, а более широко: как единое исследовательское, образовательное и культурное пространство. Создание такого пространства преследует политические, экономические и научно-образовательные цели.

Формирование единого европейского пространства высшего образования, которое в современных условиях становится массовым, вызвано необходимостью свободного движения рабочей силы, что требует признания дипломов других государств. В свою очередь, это требует изменений не только образовательного законодательства стран, вошедших в Болонский процесс, но и пересмотра взаимосвязи образования и рынка труда.

Интеграция высшего образования становится ответом на вызовы глобализации. Глобализация представляет собой новое качественное состояние мировых отношений, являясь следствием различных объективных и субъективных факторов. А именно: информатизации общества, развития производительных сил, меняющихся представлений о месте человека в обществе, развитии образования, науки и культуры. Образование, являясь основным способом трансляции социокультурного опыта из поколения в поколение, предстает прежде всего общественный институт наследования культуры, науки, нравственности, национально-этнического архетипа.

Вопросы глобализации, интеграции образования и реализации идей Болонского процесса по-прежнему сохраняют свою актуальность и привлекают к себе интерес ученых-политологов, социологов и педагогов.

Влияние глобализации на политическую сферу рассматривалось в трудах В. Н. Дахина, Н. А. Зотова, Д. Хелда. Проблемы глобализации в социокультурной сфере интересовали П. Бергерра, Д. Бхагвати, Э. Гидденса, А. Козмински, П. Скотта, Х. Пилкингтона, С. Хантингтона, Э. Хобсбаума, М. М. Акулича, В. С. Буянова, В. И. Добренькова, А. И. Галагана, В. Г. Кочкиной, Г. Ю. Семигина, А. И. Турчинова, Ю. В. Яковец. Ф. Х. Лапанову принадлежит концепция развития личности в условиях глобализации. Ю. Гранин, И. В. Жуковский, А. П. Лиферов, Г. А. Лукичев, В. Никольский, А. Ю. Слепухин, Н. В. Черникова работают над созданием концепции «глобального образования». Проблема образования глобального университета и распространения виртуального образования нашла свое отражение в трудах О. Б. Журавлева, Б. И. Крук, Н. Н. Скатова, Г. В. Телегиной, Н. В. Штыковой, Й. Банг.

Интеграционные процессы затрагивают все уровни жизнедеятельности человека и исследуются в разных направлениях. Во-первых, следует говорить об интеграции в сфере экономики (А. Н. Быков, Е. Н. Жильцов, Е. А. Колодина, Г. М. Костюнина, Т. П. Лесников, А. А. Огаров, И. А. Сафонов, Ю. В. Шишков, В. П. Шмулевич); во-вторых, об интеграционных процессах на политическом уровне на примере деятельности Европейского Союза. Этот вопрос прорабатывали Т. П. Анилионис, Н. А. Зотов, В. П. Шмулевич, Р. К. Щенин, Х. Х. Райх, К. Р. Корте. И как следствие – об интеграции в сфере образования (Г. И. Греков, Д. Е. Любомиров, И. Л. Набок, Л. Н. Талалова и др.).

Болонский процесс рассматривается отечественными и зарубежными исследователями как многоаспектное явление, в рамках которого можно выделить ряд направлений. Центральными вопросами исследований по данной теме являются: 1) образовательный компонент Болонских реформ (Л. А. Балясникова, В. И. Бойденко, Л. Гребнев, А. В. Заводин, А. Запесоцкий, П. Згаг, В. И. Иванов, В. Колесов, М. В. Ларионова, Г. А. Лукичев, Н. П. Макаркина, Н. Л. Шубина, Н. П. Щербаков); 2) социальная, политическая, философская сущность Болонского процесса (Ш. Арнольд, А. Барблан, Б. Брок-Унте, М. Ван дер Венде, Г. Верри, Й. Дрэггер, Б. Кристманн, И. Лишка, С. Себков,

Р. Тирфельд, У. Томас, К. Шмекен); 3) Болонский процесс как составляющая глобализации (М. М. Акулич, П. Гречко, М. Г. Макарычев, И. Майбуров, В. В. Мельник, В. Я. Нечаев, В. Семенов); 4) Болонский процесс как интеграция в мировое образовательное сообщество (Д. В. Аронов, Е. В. Вершинина, В. Владимиров, А. И. Галаган, Г. Максимов, С. Медведев, Л. С. Онокой, В. Сенашенко, В. Г. Садовков, Р. Сторыгин, К. Пурсийнен, Г. Ткач).

Появляются и работы прикладного характера, рассматривающие опыт реализации основных идей Болонского процесса отдельными вузами. Например, авторы коллективной работы «Болонский процесс: проблемы и перспективы» подчеркивают необходимость научной и политической оценки последствий интеграционных процессов в этой сфере, а именно: тенденций развития высшего образования в других регионах мира, путей внедрения Болонского процесса в университеты; роли профессионального сообщества по развитию Болонского процесса; философского и политического осмысления проблем высшего образования; передачи знания и развития его новыми поколениями; роли университетов и в самом Болонском процессе, и шире – в структуре гражданского общества; возможном вкладе отдельных государств в развитие Болонского процесса [1, с. 8–10].

В то же время роль Болонского процесса как политического механизма интеграции государств, на взгляд отдельных ученых, преувеличивается. В средствах массовой информации, в дискуссиях внутри университетского сообщества, где наиболее активно звучит «болонская тема», редко затрагиваются его политические измерения и, наоборот, часто преувеличивается его роль в европейской интеграции. Его участники на государственном уровне – страны, одни из которых уже являются членами Европейского Союза, другие могут стать ими в ближайшее время, третьи вряд ли будут интегрированы в ЕС в обозримом будущем.

Необходимо уточнить, что Декларация об основных принципах создания общей зоны европейского высшего образования была подписана 19 июня 1999 г. В 2010 г. страны-участники провели оценку промежуточных результатов ее реализации. Ее суть характеризуют шесть принципов: трехуровневое образование (бакалавр – магистр – доктор), сопоставимые дипломы о высшем образовании и приложения к ним, система определения учебной нагрузки, базирующаяся на так называемых кредитах, мобильность образования, обеспечение качества образования, совместная политика в области образования. Подписав данную декларацию, страны-участники приняли на себя обязательство по реализации данных принципов.

Реализация Болонского процесса требует не только изменения образовательного законодательства. Фактически речь идет об изменении подходов к образованию и образовательной политики. Уже не раз отмечалось различными авторами, что Болонский процесс следует рассматривать в ключе постоянного концептуального и методологического развития, постепенного эволюционирования от структурно-инструментальных нововве-

дений к более системному осмыслению происходящих преобразований. Так, авторы доклада Европейской ассоциации университетов «Trends IV» подчеркивают, что Болонские реформы представляют собой «чрезвычайно сложную социально-культурную трансформацию, породившую собственную динамику в различных контекстах» [2, с. 74].

Одним из основных требований к системе высшего образования становится его ориентация не только на Запад, но и учет межкультурных, экономических, политических связей с востоком и югом. В этом случае необходима организация участия студента в образовательном и исследовательском процессах. Обязательное использование в этих целях огромного образовательного ресурса, накопленного организациями гражданского общества (НКО, общественными советами, консалтинговыми и экспертными фирмами) также требует своего осмысления.

Готовность региональных вузов к ответственной реализации механизмов и процедур университетской автономии: формированию самоуправляющейся университетской корпорации, стратегическому управлению, опирающемуся на выработанную или принятую корпорацией миссию университета, участию студентов в управлении вузом, это еще одна из проблем в реализации интеграционных процессов высшего профессионального образования [3].

Обратимся к анализу основных положений реформы высшего образования в Республике Казахстан. Как известно, Казахстан является первым центральноазиатским государством, которое присоединилось к Болонскому процессу. В настоящее время в стране реализуется Государственная программа развития образования в Республике Казахстан на 2011–2020 гг., целью которой является кардинальная модернизация системы образования, значительное и устойчивое увеличение инвестиций в образование, улучшение его качества и выход на европейский уровень. Главным направлением реформирования высшего образования, явилось создание условий по обеспечению его адаптации к изменениям в экономике, а также вхождению системы образования в мировое образовательное пространство посредством Болонского процесса. Взятый курс на присоединение к Болонской декларации обуславливает необходимость осуществления модернизации казахстанской системы высшего образования в соответствии с ее принципами [4].

Со дня подписания Болонской декларации в Казахстане ведется целенаправленная последовательная работа по сближению отечественной системы высшего образования с системами стран-участниц Болонского процесса. Прежде всего обновлена нормативно-правовая база высшего образования. Институциональные преобразования нашли отражение в образовательной политике Республики Казахстан. Все вузы ведут подготовку кадров в соответствии с трехуровневой моделью по кредитной технологии обучения [5]. Разработана Казахстанская модель перезачетов кредитов по типу ECTS. Национальные вузы практикуют выдачу общеевропейского приложения

к диплому. Внедрена компетентностная модель подготовки кадров, которая ориентирует процесс обучения на потребности рынка труда. Расширение академической свободы вузов дает им возможность формировать образовательные программы с привлечением работодателей и социальных партнеров, а значит, с учетом их потребностей в кадрах. При этом образовательные программы разрабатываются вузами в соответствии с Дублинскими дескрипторами. Тем самым создано правовое поле для развития мобильности, как в международном масштабе, так и государственном. В 2012 г. принята Стратегия академической мобильности Республики Казахстан до 2020 г. [6].

Несмотря на реализацию основных принципов Болонского процесса, перехода на трехуровневую систему, нормативно-правовое обеспечение данного процесса, ряд вопросов в системе модернизации высшего образования Республики Казахстан вызывает определенные дискуссии среди научного сообщества страны. Например, профессор Т. М. Мухаметкалиев считает несправедливым приравнивание квалификационного (углубленного) образования и научно-инновационного (творческого). Обосновывая это тем, что магистр науки введен фактически вместо кандидата наук, а магистерская диссертация по профилю заменяет диплом специалиста и этот уровень образования должен быть тесно связан с рынком труда. Также Т. М. Мухаметкалиев отмечает, что такое приравнивание затрудняет проведение объективной оценки и учета «остепенности» профессорско-преподавательского состава [7].

Вызывают определенные сомнения в возможности и необходимости реализации таких принципов европейской модели образования, как индивидуальная траектория студента, которая в европейских вузах выражается в отсутствии коллективного обучения, отсутствует само понятие «коллектив», «группа» так как студент не привязан к конкретной академической группе. Для стран постсоветского пространства, в том числе Республики Казахстан, коллективное обучение, саморазвитие группы, возможность общественного развития личности играет важную роль, это часть традиционного советского образования. В этом проявляются особенности постсоветского образовательного пространства, его консерватизм, который необходимо учитывать при построении модели образовательной политики. Ведь анализ отчетов европейских государств по реализации принципов Болонской декларации показывает, что европейские государства учитывают свои культурные и национальные особенности в системе образования, а страны на постсоветском пространстве часто переносят полностью европейскую модель образования на свои национальные модели.

Одной из проблем, не решенных в рамках реализации принципов Болонской декларации, является мобильность студентов и преподавателей. Аналитические данные Центра Болонского процесса и академической мобильности МОН Республики Казахстан свидетельствуют об актуальности данного вопроса. Однако многие вузы по-прежнему

не имеют возможности приглашать специалистов других регионов и стран для обмена опытом. Имеют место также языковые барьеры студентов и преподавателей, т. е. не решена проблема языковой мобильности.

Успешная реализация поставленных Болонским процессом задач в Республике Казахстан возможна за счет серьезной государственной поддержки образования и в то же время укрепления автономии вузов и формирования корпоративных форм самоуправления. Расширение автономии означает укрепление управляющих структур, вузовского руководства и внутреннего менеджмента. Необходимо решить проблему финансирования реформ, а вместе с ней и более широкую проблему инвестиций в высшее образование для удовлетворения потребностей развивающихся в Европе обществ знания [8].

Интеграция образовательного пространства рассматривается в политическом, экономическом, финансовом контексте, но полученные на сегодняшний день результаты требуют определенной оценки с точки зрения учета собственных культурных, политических особенностей. Их учет, на наш взгляд, не будет противоречить основным принципам Болонской системы, так как сами европейские государства не отказываются от учета государственных, национальных особенностей в системе образования. Взаимозависимость модели финансирования, роли государства в образовательной политике и в то же время укрепление автономии и самостоятельности вузов будут только способствовать этому процессу.

1. Польшваный Д. И. Ивановский государственный университет, Болонский процесс и российские университеты: уровни взаимодействия и локальные изменения // Болонс-

кий процесс: проблемы и перспективы: [сб. ст.] / под ред. М. М. Лебедевой. М.: Оргсервис-2000, 2006. С. 8–10.

2. Adam S. (2006) An introduction to learning outcomes, in *EUA Bologna Handbook*, Froment E., Kohler J, Purser L, Wilson L (Eds), article B. 2.3–1. Berlin, Raabe. С. 74.

3. Сейдахметова Р., директор Центра Болонского процесса и академической мобильности МОН РК. Почетная миссия // *Казахстанская газета*. 2014 г. 13 февраля. URL: <http://www.pravo.zakon.kz> (дата обращения 25.11.2014).

4. Об утверждении Государственной программы развития образования Республики Казахстан на 2011–2020 годы. Утверждена Указом Президента Республики Казахстан от 7.12.2010 г. № 118 // Информационно-правовая система нормативно-правовых актов. URL: <http://www.adilet.zan.kz> (дата обращения 25.11.2014).

5. Аналитический отчет о реализации принципов Болонского процесса в Казахстане. URL: www.naric-kazakhstan.kz.ru (дата обращения 25.11.2014).

6. Стратегия академической мобильности Республики Казахстан до 2020 года. URL: <http://www.naric-kazakhstan.kz> (дата обращения 25.11.2014).

7. Мухаметкалиев Т. М. Болонский процесс в Казахстане: объективный взгляд // *Современное образование*. 2011. № 1(81). URL: <http://www.obrazovanie.kz> (дата обращения 25.11.2014).

8. Болонский процесс: Результаты обучения и компетентностный подход (книга-приложение 1) / под науч. ред. д-ра пед. наук, профессора В. И. Байденко. М.: Исследовательский центр проблем качества подготовки специалистов, 2009. С. 8–17.

© Мухтаров Т. С., 2015

**ФОРМИРОВАНИЕ ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ
КОМПЕТЕНЦИИ УЧИТЕЛЕЙ
ИСТОРИИ И ОБЩЕСТВОЗНАНИЯ
В ПРОСТРАНСТВЕ ОБРАЗОВАНИЯ
КАК ОТКРЫТОЙ СИСТЕМЫ**

В статье рассматривается проблема формирования профессиональной компетенции педагога в пространстве открытого образования, предполагающего возможность, с одной стороны, динамических изменений, отвечающих запросам личности, а с другой стороны, целостности, обеспечивающей непрерывность процесса формирования профессиональных компетенций. Данные принципы рассматриваются на примере деятельности факультета истории, философии и права ОмГПУ по формированию профессиональных компетенций учителей истории и обществознания.

Ключевые слова: образование, компетенция, образовательное пространство, история, социальные исследования.

**FORMATION OF PROFESSIONAL
COMPETENCE OF TEACHERS
OF HISTORY AND SOCIAL STUDIES
IN EDUCATION SPACE
AS AN OPEN SYSTEM**

The article deals with the problem of formation of professional competence of the teacher in the space of open education suggesting the possibility of the dynamic changes that meet the needs of the individual, on the one hand, and integrity ensuring the continuity of the process of formation of professional competence, on the other hand. These principles are considered at the example of the activities of the Department of History, Philosophy and Law of OGPU for forming professional competencies of teachers of history and social studies.

Keywords: education, competence, education space, history, social studies.

Проблема формирования профессиональных педагогических кадров сегодня стоит достаточно остро. Становится очевидным, что в рамках отдельных замкнутых структур в качестве готового продукта профессиональная компетентность педагога полностью сформироваться не может.

Отсутствие в рамках бакалаврской подготовки возможности планомерно осуществлять этап «применения», что для формирования любой компетентности является важным условием, позволяет нам говорить о необходимости формирования профессиональной компетенции учителя истории и обществознания в рамках открытой системы непрерывного образования.

Информационное и постиндустриальное общество породило потребность в такой модели профессионального образования, где индивид, опираясь на базовый уровень, мог бы на последующих ступенях профессионального развития формировать индивидуальный и уникальный набор профессиональных качеств, скрепленный потребностями как его самого, так и той сферы общества, в рамках которой он собирался свои способности применять. После получения высшего образования человек может в будущем повышать квалификацию через разнообразные формы.

Многоуровневая профессиональная подготовка основана на принципе преемственности между различными образовательными структурами. А. С. Мутырова рассматривает непрерывное образование студентов в контексте «организации преемственности на всех ступенях обучения в многоуровневом учебном заведении. Это и содер-

жательная преемственность, связанная с овладением элементами содержания образования (практическими и интеллектуальными умениями и навыками), и учебно-организационная преемственность в формах и способах организации учебной и внеучебной деятельности студентов на каждой ступени обучения» [1].

Подобную модель профессионального образования мы можем определить как синергетическую (открытую), основные принципы функционирования которой, оппозиционны статичной модели – это, в-первую очередь, вариативность в выборе возможных вариантов применения, полученного образования, а также достаточность в отборе содержания при профессиональной подготовке, предполагающей самостоятельную работу в направлении его расширения, исходя из потребностей субъекта образования.

Снижение теоретического потенциала в рамках данной парадигмы компенсируется тем, что контент, составляющий основу образования современного бакалавра, быстрее обновляется в соответствии с новейшими достижениями науки и более ориентирован на применение знаний на практике. Именно эта практическая сторона профессионального образования является ключевым принципом, которому подчиняются остальные.

В результате применения данных принципов выпускник бакалавриата способен гибко реагировать на потребности общества с учетом своих интересов и на последующих ступенях профессионального образования в рамках более узкой специализации в магистратуре, и в процессе профессиональной деятельности повышать свой про-

фессиональный уровень. Такая система предполагает подготовку педагогов в рамках бакалавриата на уровне базовых знаний и умений, развитие этих умений в рамках проблемной и исследовательской деятельности в магистратуре и, наконец, возможность повышения профессионального уровня в ходе профессиональной педагогической деятельности.

Реализация принципов образования как открытой системы, таким образом, требует последовательной и системной работы, где каждый этап профессиональной подготовки становится не замкнутой структурой, а ступенью в целостном процессе. Так, Л. И. Жарикова полагает, что «сущность преемственности состоит в сохранении элементов системы непрерывного образования или отдельных его характеристик при переходе к новому состоянию» [2, 124].

Применение данного подхода к формированию профессиональных компетенций учителей истории и обществознания требует, с одной стороны, создания комплексной программы, отражающей поэтапное формирование основных компонентов компетенции, с другой стороны, выделение этапов, на каждом из которых необходимо решать ряд особых задач.

При создании такой программы необходимо учитывать не только важность предметной подготовки, которой в традиционной парадигме профессионального образования отводилось центральное место. Ограничиться в профессиональной подготовке только этапом предметной подготовки значит оставить без внимания такие важные компоненты профессиональной компетенции педагога, как общая и функциональная грамотность (метапредметный уровень) и, самое главное, общий уровень ментальной, духовной культуры, что требует от нас создавать условия для развития личности будущего педагога.

Очевидно, что система профессионального образования, представляя собой автономную подсистему образования, и не может решать задачи формирования профессиональных компетенций изолировано от других подсистем за рамками профессионального образования. Кроме того, эта сфера должна стать объектом внимания всего комплекса наук о человеке, так как сформированная профессиональная компетентность – результат взаимодействия социальных, экономических, философских, технологических, физиологических и других отраслей науки.

Длительное время наше профессиональное образование находилось на позициях гностического, «знаниевого» подхода. Изменение парадигмы профессионального образования в сторону реальной компетентности (социальной, интеллектуальной, этнокультурной, нравственной) как формирование личности, способной к самоопределению, самообразованию, саморегуляции, самоактуализации, конкурентоспособности на рынке труда, не снижает, тем не менее, значение знаний в рамках предметной подготовки. Меняется сама структура такого «знания», где дидактические единицы содержания не рассматриваются как результат обучения в отрыве от способов деятельности.

Именно способность применения знаний в процессе педагогической деятельности показатель компетентностного подхода в организации профессиональной подготовки в рамках целостной системы сначала на этапе бакалаврской практики, потом в рамках начального этапа профессионального становления, который может совпадать с обучением в магистратуре и, следовательно, подкрепляться соответствующим теоретическим сопровождением в рамках профессионального педагогического проектирования.

Такая поэтапная деятельность ставит вопрос о необходимости системообразующего принципа. Таким принципом мы считаем необходимость формирования на всех этапах ценностно-смысловой сферы личности будущего педагога.

Акцентуация образования на становлении личности и обуславливает качественно новый подход к организации профессионального образования – проектно-целевой [3, с. 46]. Его применение будет способствовать созданию условий для формирования будущего педагога как профессионала с набором индивидуальных уникальных качеств, а также устойчивой мотивацией к их совершенствованию в процессе педагогической деятельности.

Подобный проектно-целевой подход имеет несколько аспектов, в том числе проектирование содержания профессионального образования и позиционирование в методологическом пространстве педагогики. Другими словами, выпускник не просто механически «встраивается» в существующую систему образования, а имеет программу профессионального развития (проект), в основе которой лежит ценностно-смысловая сфера личности педагога.

О достижении в рамках реализации целей проекта тактических результатов свидетельствует успешность реализации профессиональных задач выпускниками педагогических вузов, реализация стратегических целей – формирование единого образовательного пространства, связывающего все этапы формирования профессиональной компетенции педагога.

Способность системы формировать цель деятельности предполагает присутствие в ней человека (педагога), обладающего свободой выбора при принятии решений. Такая система позволяет моделировать и прогнозировать поведение во внешней среде с учетом меняющихся факторов в экономике и политике, саморегулироваться исходя из заложенных в нее ценностных образов. Сущностными характеристиками такого образования являются незавершенность и способность к взаимообмену со средой. Незавершенность обеспечивает динамику развития системы, постоянное стремление к совершенствованию.

Реализация данного подхода должна базироваться на определенных принципах: межпредметной интеграции как способности к применению общих принципов и закономерностей науки; модульности как способности гибкого и мобильного отбора содержания, необходимого для реализации профессиональных задач; целостности форм и методов обучения как интеграции в решении учебно-познавательных задач; мотивационно-творческом как готовности решать профессиональные проблемы.

Соотнося данные принципы с практикой формирования профессиональной компетенции учителей истории и обществознания на этапах обучения в педагогическом вузе, мы видим, что стандарт высшей школы в целом позволяет реализовать их в ходе подготовки будущего специалиста. Определяя цели нашей деятельности, мы исходим из того, что способность решать профессиональные задачи напрямую зависит не только от предметной подготовки, но является в первую очередь результатом сформированной способности применять универсальные способы деятельности в рамках учебных, научных, педагогических проектов.

Задачей факультета, таким образом, становится создание условий для применения новых способов в ситуациях, моделирующих будущую профессиональную деятельность. Это могут быть не только учебные, но и внеучебные формы, в рамках которых возможна интеграция приобретенных умений. Так, например, студенческое самоуправление позволяет актуализировать ряд важных компетенций в рамках социального и коммуникативного компонентов общепрофессионального блока.

Решение задачи непрерывного профессионального образования, закрепление основных теоретических аспектов не только в ходе педагогической практики, а в течение освоения учебного модуля, позволяет осуществить ресурсный центр, созданный в одной из базовых школ. Связь факультета с педагогами города в рамках работы творческих групп учителей истории и обществознания по реализации целей нового Федерального государственного образовательного стандарта также позволяет привлекать студентов к данной деятельности, например, по моделированию уроков в рамках системно-деятельностного подхода.

Наиболее сложный и важный вопрос в ходе реализации данных принципов – создание и сохранение мотивации к педагогической деятельности. Очевидно, что в последнее время увеличивается количество студентов, избирающих педагогическую сферу в качестве профессиональной осознанно, особенно радует, что в ряде последних выпусков в педагогическую сферу уходят очень успешные студенты. Это связано во многом с повышением статуса педагогической деятельности на общенациональном уровне, укреплением материального и социального благополучия учительства. Кроме того, беседы с выпускниками подтверждают высокую мотивацию к реализации полученной подготовки в рамках профессиональной деятельности, готовность и желание применять свои знания для получения профессионального опыта.

Образование в рамках магистратуры, ориентация программы данной ступени на педагогическое образование, большая и содержательная практика, в рамках которой магистранты реализуют цели индивидуальной исследовательской работы, также способствует повышению мотивации к педагогической деятельности. Выбор тем для данных работ связан с актуальными проблемами современного исторического и обществоведческого образования, а сами они направлены на реализацию в рамках методической апробации принципов деятельностного подхода. Так, актуальная проблема формирования в ходе обучения истории региональной идентичности в работе одного из магистрантов нашла частичную реализацию в рамках элективного курса в профильной школе, посвященного омской журналистике начала прошлого столетия. Реализуя принципы деятельностного подхода, магистрант предложил не только изучить материалы прессы в рамках формирования предметной компетенции работы с историческими источниками, но подвел учащихся к итоговому проекту, в котором они смогли применить полученные навыки в создании гимназического еженедельника.

Таким образом, реализация принципов целостности и единства современной образовательной системы профессионального образования, применительно к формированию профессиональных компетенций учителей истории и обществознания, позволяет рассматривать данную систему как открытую, где на основных этапах ряд принципов последовательно реализуется; а также динамическую, создающую условия для непрерывного профессионального образования и самообразования.

1. Мутырова А. С. Преимущество в формировании профессиональной направленности студентов // Вестник Адыгейского государственного университета: сетевое электронное научное издание. Серия 3: Педагогика и психология. 2008. № 7. URL: <http://www.cyberleninka.ru> (дата обращения 25.11.2014).

2. Жарикова Л. И. Педагогика непрерывного образования в системе наук о человеке // Вестник ТГПУ. 2009. № 7(85). С. 122–125.

3. Профессиональная педагогика / под ред. С. Я. Батышева. М.: ЭГВЕС, 2009. 456 с.

© Навойчик Е. Ю., 2015

СОВРЕМЕННЫЕ ОНЛАЙН-РЕСУРСЫ И ИХ ДИДАКТИЧЕСКОЕ ЗНАЧЕНИЕ

Современное общество трудно представить себе без Интернета. Молодое поколение проводит в нем значительную часть своего времени. Чтобы оно не было потрачено зря, необходимо, чтобы молодежь знакомилась с полезными и интересными интернет-ресурсами, их назначением и возможностями. Важную роль в этом процессе должны играть педагоги, которые общаются со школьниками и студентами, влияют на их мировоззрение и предпочтения. В статье рассматриваются современные сетевые сервисы, имеющие большое дидактическое значение, т. е. они могут быть использованы в образовательной деятельности. К таковым можно отнести дистанционное репетиторство, онлайн-тестирование, онлайн-переводчики, создание кроссвордов онлайн. Раскрываются особенности указанных ресурсов, подробно описываются их виды. Приведены примеры конкретных сайтов, которые можно использовать в учебном процессе, во внеурочной и научной деятельности, а также для самообразования.

Ключевые слова: сетевые ресурсы, образовательная деятельность, дистанционное репетиторство, онлайн-тестирование, онлайн-переводчики, создание кроссвордов онлайн.

MODERN ONLINE RESOURCES AND THEIR DIDACTIC VALUE

Modern society is hard to imagine without the Internet. The younger generation spends a considerable part of their time on it. In order not to waste time, young people need to get acquainted with useful and interesting Internet resources, their purpose and capabilities. The important role in this process should be played by teachers who interact with students and affect their attitudes and preferences. This article discusses advanced network services with great didactic value, i.e. they can be used in educational activities. Among these activities there are remote tutoring, online testing, online translators and creating crossword puzzles online. The specific features of these resources are discovered and their species are described in detail. The examples of specific sites, which can be used in the educational process, in extracurricular and research activities, as well as for self-education, are given.

Keywords: network resources, educational activities, remote tutoring, online testing, online translators, creating crossword puzzles online.

Глобальная компьютерная сеть является важнейшей частью современного общества, в особенности молодого поколения. Это обусловлено тем, что Интернет предоставляет возможность мгновенного доступа практически к любым источникам информации разной тематики, электронным средствам массовой информации, развлекательным сайтам, а также открывает большие возможности для глобального общения в реальном времени. Ценность виртуальных ресурсов заключается в том, что они практически неисчерпаемы, находятся в актуальном состоянии, сохраняются и постоянно увеличиваются.

Существуют интернет-ресурсы, которые имеют дидактическое значение, т. е. они могут быть использованы в образовательной деятельности на уроках или во внеурочной работе. Здесь мы рассмотрим онлайн репетиторство и тестирование, а также прикладные программы, оказывающие помощь учителям и преподавателям.

Под репетитором (от лат. *repetitor* – тот, кто повторяет) традиционно понимался домашний учитель, помогающий неуспевающему ученику в прохождении школьного курса. Сегодня данное слово следует понимать более широко, так как назначение репетитора не только в ликвидации пробелов в знаниях, но и подготовке учащихся к итоговым испытаниям, работе с одаренными детьми. Репетитор есть практически у каждого современного ученика, а у некоторых он не один. Особую роль репетиторы

стали играть в связи с появлением ГИА и ЕГЭ. Школьными дисциплинами, изучаемыми с помощью репетиторов, являются в первую очередь те, которые выносятся на обязательные экзамены – русский язык и математика, далее те, которые чаще требуются при поступлении в вузы: обществознание, физика. В силу своей специфики продолжает быть востребованным иностранный язык.

В последнее время в Интернете появилось много ресурсов, предоставляющих услуги дистанционных репетиторов – учителей, преподавателей, ведущих обучение дистанционно, обладающих знаниями в области информационных технологий, учитывающих специфику дистанционной формы обучения, психологические особенности взаимодействия с учащимися в процессе дистанционного обучения [1]. Считается, что самый быстрорастущий рынок дистанционных образовательных услуг в мире – русскоязычный, он возрастает на 23 % в год.

Дистанционное репетиторство можно разделить на две большие группы. Первая – это ресурсы, публикующие электронные образовательные курсы. Они обладают огромным научно-методическим материалом в виде текстовых документов, видеолекций, заданий практического характера и тестов. Такие ресурсы особенно полезны для самообразования, поэтому основная их аудитория – это студенты и работающие специалисты. Сейчас глобальная аудитория различных электронных курсов составляет

около 100 млн человек. В России безусловным лидером сферы дистанционного образования является Национальный открытый университет «Интуит», предлагающий около 600 различных дистанционных курсов [2].

Вторая группа дистанционных репетиторов – это сайты, предлагающие образовательные услуги в виде занятий с преподавателями непосредственно в режиме реального времени. Данная форма наиболее близка к традиционному репетиторству и лучше подходит детям и подросткам. В настоящее время это наиболее распространенная модель организации дистанционного обучения. Занятия проходят в синхронном онлайн-режиме посредством Интернета с использованием Skype и других программных продуктов. Репетиторов, использующих данную модель, называют онлайн-репетиторами [3].

Сервисы подобного типа предоставляют полную информацию об учителе: ФИО, образование, опыт работы педагогом и репетитором в сети Интернет, профессиональные интересы и достижения, стоимость и график работы. Некоторые ресурсы позволяют зарегистрироваться, заполнить анкету и самому стать онлайн-репетитором. Примерами качественных ресурсов онлайн-репетиторов являются сайты Disttutor и Регистратор онлайн [4; 5].

Сегодня активно используются и развиваются сервисы веб-конференций, или вебинаров, которые позволяют учащимся общаться с преподавателем непосредственно через браузер. Они используются многими компаниями, предоставляющими услуги дистанционного обучения. Удобство веб-конференций заключается в том, что учащемуся и преподавателю не требуется устанавливать на персональный компьютер сторонние приложения. Отличительной чертой этих сервисов является использование специальной доски (whiteboard) для написания формул, рисования графиков и т. п., а также совместный просмотр презентаций, обучающих видеороликов и др. [3].

Вебинары, в отличие от индивидуальной работы онлайн репетиторов, организуются, как правило, одновременно для нескольких слушателей и зачастую являются для них бесплатными. Ведущий вебинара может не только излагать материал, показывать приготовленные заранее файлы, но и получать вопросы, замечания слушателей, отвечать на них, проводить опросы, тесты, работать с whiteboard как с обычной классной доской. В качестве примера компании, организующей обучающие вебинары, можно привести платформу Мираполис [6].

Рассмотрим сетевые ресурсы, связанные с тестированием.

Возможны два режима интернет-тестирования: оффлайн и онлайн.

Онлайн-тестирование проводится в сети в режиме реального времени, свои результаты испытуемые узнают сразу же по окончании теста.

Оффлайн-тестирование позволяет проводить тестирование без подключения к Интернету в данный момент времени. При этом проверяются отправленные скриншоты ответов, а результаты могут стать известны по истечении некоторого времени.

Второй вид используется в основном для аттестации образовательных организаций и подготовке к ней. Примером такого ресурса является Единый портал интернет-тестирования [7].

Учителям и преподавателям в учебном процессе эффективнее применять ресурсы онлайн. Они бывают двух видов: организующие онлайн тестирование и позволяющие создавать свои тесты в сети. Первые сервисы поражают своим разнообразием, это и правила дорожного движения, и психологические тесты, гороскопы, всевозможные прогнозы и многое другое. В образовательном плане большую популярность имеют сайты, предназначенные для подготовки к ОГЭ (ГИА) и ЕГЭ, например, Яндекс ЕГЭ [8], Решу ЕГЭ [9] и др. Данные ресурсы применимы для самообразования и самопроверки знаний учащихся, востребованы учителями и репетиторами. Указанные сайты имеют удобную навигацию, охватывают все школьные дисциплины, по которым проводится итоговая аттестация, предоставляют большой банк заданий, ответы к ним. Можно пройти пробный тест целиком или выбрать задание случайным образом.

Хотелось бы остановиться на создании тестов онлайн, поскольку, как бы ни были хороши готовые тестовые программы, учителю хочется привнести что-то свое, организовать поэтапную и дифференцированную проверку предметных результатов обучения. Использование компьютерного тестирования освобождает преподавателя от долгой работы по оформлению тестовых заданий, их размножению, раздаче и сбору, статистической обработке ответов. Тестирование через Интернет позволяет создавать тесты без установки специальных программ.

К онлайн-сервисам, которые позволяют создавать, редактировать и проводить тестирование относятся: BankTestov.ru [10], Твой тест [11], TestsOnline [12], Мастер-Тест [13] и др. Разница в работе тестовых оболочек выражается в формах тестовых заданий, скорости работы, интерфейсе ресурса. Указанные оболочки дают возможность создавать различные виды тестовых заданий (порой очень экзотические), устанавливать их уровень сложности, автоматически проверять результаты выполнения теста и отображать их как испытуемому, так и преподавателю. Большинство из них содержат банк готовых тестов, которыми можно воспользоваться. Освоить технологию создания онлайн-тестов несложно, для этого достаточно внимательно прочитать справочную информацию. Зарегистрировавшись и перейдя по ссылке из своей электронной почты, нам присваивается статус Учителя, который дает право создавать, редактировать и назначать тест. Далее высылаются приглашения ученикам, которым может быть назначен тест. Результаты теста можно просмотреть, распечатать, сохранить, отправить по электронной почте.

В заключение опишем еще два вида ресурсов, которые могут помочь учителю в урочной и внеклассной работе, а также научной деятельности.

Онлайн-переводчики – это системы, позволяющие выполнить перевод текстов, документов и даже целых сайтов за один клик. Онлайн-переводчики призваны

«сломать» языковой барьер между людьми, дать им возможность общаться, читать новости, блоги, иностранные сайты, изучать культуру других стран, путешествовать. Переводчики могут быть полезны не только в работе учителя иностранных языков и учащимся при их изучении. Сейчас многие преподаватели и их воспитанники публикуют свои труды в сборниках и журналах, регистрируются в международных конференциях и организациях. Для этого необходимы грамотные переводы аннотаций и статей. Онлайн-переводчики окажут в этом неоценимую помощь.

К наиболее популярным онлайн-переводчикам можно отнести следующие.

Translate.ru – самый известный в мире переводчик текстов, web-страниц, электронной почты и war (мобильных приложений); доступны 24 направления перевода [14].

Google Translate содержит 42 языка перевода, осуществляет проверку орфографии, голосовой перевод, работу словаря синонимов, заполнение разговорника и др. [15].

Яндекс. Перевод – это сервис автоматического перевода слов, фраз, целых текстов, а также веб-страниц, содержит 44 языка перевода. Перечислим функциональные возможности этого сервиса. Это автоматическое определение языка, синхронный перевод, подсказки при наборе, проверка правописания, машинный словарь, словарь синонимов [16].

Рассмотрим ресурсы по созданию кроссвордов онлайн. Они могут быть полезны учителю как на уроке, например, при проверке знания терминов, так и во внеурочной деятельности. Например, в процессе организации исследовательской деятельности учащихся можно предложить творческое задание: «Создать кроссворд на определенную тему».

Ресурсы с кроссвордами могут работать по-разному.

Например, на сайте «Фабрика кроссвордов» [17] слово располагается самим пользователем в нужном месте поля по горизонтали или вертикали, далее в специальном окне вводится определение слова. И так заполняется весь кроссворд. После этого кроссворд сохраняется, и он может быть разгадан онлайн, а может быть скачан для печати. Можно сказать, что данный ресурс аналогичен традиционному, бумажному способу составления кроссвордов. В качестве достоинства данного ресурса следует отметить его интерактивность на этапе разгадывания кроссворда, а также имеющийся на сайте банк готовых кроссвордов.

По-другому работает ресурс «Cross: составь свой кроссворд онлайн» [18]. На этом сайте запрашивается сразу весь набор слов, которые мы хотим поместить в кроссворд, а затем программа располагает их, предлагая различные структуры. Причем некоторые слова из набора не могут быть размещены, в связи с чем структуру кроссворда можно менять и делать это неоднократно, пока не будет подобрано максимальное количество слов. После выбора оптимального варианта пустую структуру и заполненный кроссворд можно скачать в Word. Далее следует указать трактовки терминов из кроссворда. С этой целью в качестве вспомогательного средства можно предложить электронные словари, например ресурс *Словари и энциклопедии на Академике* [19], который дает

различные определения введенным понятиям и ссылки на первоисточники. Такой способ автоматизирует процедуру составления кроссворда, что очень удобно, но не предоставляет возможности разгадывать его в режиме реального времени и проверять себя.

Рассмотренные онлайн-ресурсы могут быть использованы в образовательной деятельности, как в учебном процессе, так и во внеурочной работе. Особую роль они играют в самообразовании, поэтому будут востребованы обучаемыми и работниками образования.

1. Термины и определения дистанционного обучения. URL: <http://www.distant.ioso.ru/do/termin.htm> (дата обращения 8.02.2015).

2. Национальный открытый университет «Интуит». URL: <http://www.intuit.ru/> (дата обращения 8.02.2015).

3. Дистанционный репетитор. URL: <http://www.dic.academic.ru/dic.nsf/ruwiki/1786420> (дата обращения 8.02.2015).

4. Disttutor. URL: <http://www.dist-tutor.info/> (дата обращения 8.02.2015).

5. Репетитор онлайн. Уроки с дистанционным репетитором через интернет. URL: <http://www.tutoronline.ru> (дата обращения 8.02.2015).

6. МираполисHCM (HumanCapitalManagement). URL: <http://www.mirapolis.ru/> (дата обращения 8.02.2015).

7. ЕГЭ и ГИА 2014–2015 на Яндекс. URL: <https://www.ege.yandex.ru/> (дата обращения 8.02.2015).

8. «Решу ЕГЭ»: математика. Обучающая система Д. Гушина. URL: <http://www.resheuege.ru/> (дата обращения 8.02.2015).

9. Единый портал интернет-тестирования. URL: <http://www.i-exam.ru/> (дата обращения 8.02.2015).

10. BankTestov.ru. URL: <http://www.banktestov.ru/> (дата обращения 12.01.2014).

11. Твой тест. URL: <http://www.make-test.ru/> (дата обращения 12.01.2014).

12. TestsOnline. URL: <http://www.tests-online.ru/> (дата обращения 12.01.2014).

13. Мастер-Тест. URL: <http://master-test.net/> (дата обращения 8.12.2014).

14. Translate.ru. URL: <http://www.translate.ru/> (дата обращения 8.02.2015).

15. Переводчик Google. URL: <https://www.translate.google.ru/> (дата обращения 8.02.2015).

16. Яндекс.Перевод-онлайн переводчик. URL: <https://www.translate.yandex.ru/> (дата обращения 8.02.2015).

17. Фабрика кроссвордов. URL: <http://www.puzzlecup.com/crossword-ru/> (дата обращения 1.02.2015).

18. Cross: составь свой кроссворд онлайн. URL: http://www.cross.highcat.org/ru_RU/ (дата обращения 1.02.2015).

19. Словари и энциклопедии на Академике. URL: <http://www.dic.academic.ru/> (дата обращения 8.02.2015).

**МЕТОД ПРОЕКТОВ:
ПЕДАГОГИЧЕСКАЯ ТЕХНОЛОГИЯ
В ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЕ
ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ**

Статья посвящена рассмотрению метода проектов в системе педагогических технологий в образовательной среде высшей школы. Представлена классификация проектов в структуре педагогических образовательных технологий. Сформулированы основные требования к использованию в педагогической практике высшей школы метода проектов.

Ключевые слова: образование, вуз, метод проектов, технологии обучения, образовательная среда, программа обучения, образовательный процесс, инновации.

Основной целью высшей школы на современном этапе стала подготовка кадров для «нового» времени – грамотных, высококвалифицированных специалистов, способных к самосовершенствованию и профессиональному росту в условиях активной информатизации общества и развития инновационных технологий.

Российская система образования стремится, с одной стороны, сохранить все лучшее, что было накоплено в теории и практике отечественного образования, а с другой – модернизировать педагогический процесс с учетом мировых социокультурных тенденций и потребностей социального развития страны на современном этапе. Особый интерес представляет рассмотрение метода проектов как современного вида педагогических технологий преподавания в образовательной среде вуза. Обратим внимание на содержание ключевых понятий рассматриваемой темы.

Метод проектов (проектный метод) – это образовательная технология, нацеленная на приобретение учащимися новых знаний на основе постановки и решения реальных задач. В основе проектного метода лежит развитие познавательных навыков учащихся, умений самостоятельно конструировать свои знания, ориентироваться в информационном пространстве, развитие критического и творческого мышления.

Метод проектов всегда предполагает решение какой-то проблемы. Решение проблемы предусматривает, с одной стороны, использование совокупности разнообразных методов и средств обучения, а с другой – предполагает необходимость интегрирования и применения обучающимися полученных знаний по конкретным образовательным программам, предметам. Именно такой подход обеспечивает подготовку студента (будущего участника рынка труда) к сфере реального практического взаимодействия в рамках своей специальности. Кроме того, он окажет помощь в развитии и формировании нравственной со-

**METHOD OF PROJECTS:
PEDAGOGICAL TECHNOLOGY
IN THE EDUCATIONAL ENVIRONMENT
OF THE HIGHER SCHOOL**

The article is devoted to consideration of a method of projects in the system of pedagogical technologies in the educational environment of the higher school. The classification of projects in the structure of pedagogical educational technologies is presented. The main requirements for use of the method of projects in teaching practice of higher school are formulated.

Keywords: education, higher education institution, method of projects, technologies of training, educational environment, program of training, educational process, innovation.

циализации, личностной и культурно-образовательной среды и реализации творческого потенциала студента в будущем. Метод проектов всегда ориентирован на самостоятельную деятельность учащихся (студентов) которую они выполняют в течение определенного периода времени обучения по каждой образовательной программе: индивидуальную, парную, групповую и т. д.

Характерно то, что все без исключения образовательные, учебные программы содержат раздел «Самостоятельная работа обучающихся». Это предполагает (требования Федерального государственного образовательного стандарта – обязывают) каждого педагога не просто представить педагогические формы организации данной работы, вписав их в соответствующие графы и разделы, а реально задействовать этот элемент подготовки будущего специалиста. Несомненно, это трудно выполнить на практике, так как надо сформировать мотивацию обучающегося на самостоятельный образовательный поиск, деятельность, работу. Метод проектов может выступать одним из лучших решений данной проблемы, так как он изначально ориентирован на организацию познавательной деятельности, что дает основание считать данный метод эффективным для организации самостоятельной работы студента в вузе.

На практике причинами интереса применения метода проектов педагогом в практике своей образовательной деятельности выступают следующие факты и обстоятельства (рис. 1, 2).

Основные требования к использованию метода проектов:

1. Наличие значимой в творческом плане проблемы.
2. Практическая, теоретическая значимость конечных результатов.
3. Самостоятельная (индивидуальная, парная, групповая) деятельность учащихся на уроке или во внеурочное время.

Рис. 1. Применение метода проектов: структурные причины заинтересованности педагога

Рис. 2. Применение метода проектов: структурные причины заинтересованности обучающихся

4. Структурирование содержательной части проекта.
5. Использование исследовательских методов, что предполагает:

- определение проблемы и задач проекта;
- обсуждение методов исследования;
- оформление конечных результатов;
- подведение итогов;
- выводы (использование в ходе совместного исследования метода «мозговой атаки», «круглого стола», творческих отчетов, защиты проекта) [1, с. 125].

Основные этапы разработки проекта:

1. Постановка проблемы по образовательной программе
2. Представление перечня заданий.
3. Представление источников информации.
4. Подготовка и защита проекта.
5. Анализ, оценка и подведение итогов.

Обратим внимание на существование в настоящее время широкой классификации проектов, применяемых в образовательном процессе высшей школы [2, с. 225].

Классификация проектов:

1. В зависимости от поставленной задачи, целей и объема применяются индивидуальные и групповые проекты.

1.1. Индивидуальные проекты – применяются в случае, когда в целях учебной дисциплины необходима глубокая и полная проработка всех аспектов поставленной задачи каждым учащимся (например, в качестве итоговой работы после изучения раздела).

Достоинствами индивидуального проектирования можно назвать:

- возможность самореализоваться;
- объективная оценка полученных знаний и практических навыков каждого учащегося;
- возможность выявить тех учащихся, которым необходима дополнительная подготовка на начальном этапе;
- возможность скорректировать самооценку учащегося.

1.2. Групповые проекты – в настоящее время занимают в образовательном процессе значимое место. Это

объясняется тем, что они позволяют формировать коммуникативные навыки (способность к сотрудничеству и взаимодействию), что в наше время «разобщенности и одиночества» очень важно, особенно для формирующихся личностей. Соответственно к достоинствам такого рода проектов можно отнести:

- возможность работы группы над поставленной задачей;
- возможность решать большие задачи за ограниченное время;
- рождение смелых, творческих и оригинальных решений;
- психологически для многих учащихся работа над проектом на начальных этапах обучения более комфортно проходит в группах.

2. В зависимости от темы исследования различают предметные и межпредметные проекты.

2.1. Предметные проекты предполагают выполнение исследования в рамках одной учебной дисциплины, используются на начальных этапах обучения.

2.2. Межпредметные проекты — более сложные, комплексные исследования, как правило, базируются на предыдущем опыте, полученном при изучении других учебных дисциплин.

Можно выделить следующую типологию:

1. По доминирующему в проекте методу или виду деятельности: исследовательский, творческий, ролево-игровой, практико-ориентированный, пр.

1.1. Исследовательские полностью подчинены логике пусть небольшого, но исследования и имеют структуру, приближенную или полностью совпадающую с подлинным научным исследованием.

1.2. Творческие проекты предполагают соответствующее оформление результатов, которое требует четко продуманной структуры в виде сценария видеофильма, драматизации, программы праздника, плана сочинения, статьи, репортажа, дизайна и рубрик газеты, альманаха, альбома, пр.

1.3. Ролево-игровые – в них участники принимают на себя определенные роли, обусловленные характером

и содержанием проекта, особенностью решаемой проблемы. Это могут быть литературные персонажи или выдуманные герои, имитирующие социальные или деловые отношения, осложняемые придуманными участниками ситуациями.

1.4. Информационные проекты изначально направлены на сбор информации о каком-то объекте, явлении, ознакомление участников проекта с этой информацией, ее анализ и обобщение фактов, предназначенных для широкой аудитории.

1.5. Практико-ориентированные проекты отличаются четко обозначенным с самого начала результатом деятельности участников.

2. По предметно-содержательной области:

2.1. Монопроект (в рамках одной области знания).

2.2. Межпредметный проект.

3. По характеру координации проекта:

3.1. Непосредственный (жесткий, гибкий).

3.2. Скрытый (неявный, имитирующий участника проекта).

4. По количеству участников проекта:

4.1. Личностные (между двумя партнерами, находящимися в разных школах, регионах, странах).

4.2. Парные (между парами участников).

4.3. Групповые (между группами участников).

Таким образом, основной причиной широкой классификации проектов выступают различные типологические признаки, на основании которых в современной педагогической практике и выделяют различные виды проектов.

Основными формами проектов могут выступать:

1) презентационный проект;

2) портфолио по конкретной проблеме с представлением решений;

3) компьютерное моделирование и практический анализ результатов;

4) построение и проведение форума по решению поставленной задачи;

5) организация работы студенческих исследовательских групп;

6) деловые и ролевые игры;

7) психолого-педагогические и иные тренинги и т. д.

В заключение отметим, что метод проектов – это одна из тех интерактивных форм современного обучения которая помогает студентам приобрести широкий набор разнообразных навыков не в теории, а на практике.

Таким образом, использование метода проектов в системе педагогических технологий современной высшей школы – это путь формирования «новой образовательной среды» в реалиях современной жизни и инновационных технологий обучения.

1. Селевко Г. К. Современные образовательные технологии: учеб. пособие. М.: Народное образование, 2008. 256 с.

2. Щукин Д.В. Использование метода проектов в системе инновационного подхода к обучению при подготовке выпускных квалификационных работ // Инновационные процессы в современном образовании: материалы науч.-практ. конф. Елец: Елецкий филиал НОУ ВПО «Российский новый университет», 2011. С. 222–231.

© Щукин Д. В., 2015

СЛОВО МОЛОДЫМ

Кузмичева И. В.

Философский аспект интертекстуальных связей
в романе Б. Акунина «Ф. М.»

Панасюк О. Г.

Мифологическая основа происхождения славянских
фразеологизмов

Свотина К. В.

Актуальность изучения ономастики в школе

ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ ИНТЕРТЕКСТУАЛЬНЫХ СВЯЗЕЙ В РОМАНЕ Б. АКУНИНА «Ф. М.»

В статье рассматривается философский аспект интертекстуальных связей персонажей из романа Б. Акунина «Ф.М.» на основе анализа языковых единиц.

Ключевые слова: интертекстуальные связи, интра-текст, философский аспект.

PHILOSOPHICAL ASPECT OF INTERTEXTUAL LINKS IN THE NOVEL "F. M." BY B. AKUNIN

The author considers the philosophical aspect of the intertextual links of the characters of the novel "F.M." by B. Akunin on the basis of analyzing language units.

Keywords: intertextual links, intratext, philosophical aspect.

Роман Б. Акунина «Ф.М.» состоит из двух частей. В основной части Николас Фандорин разыскивает якобы утерянный вариант «Преступления и наказания» под названием «Теорияка», который отличается от романа Ф.М. Достоевского тем, что главным героем в ней является Порфирий Петрович, убийство совершает Свидригайлов, а не Раскольников, пружиной действия является не напряженный психологизм, а детективная история.

На первый взгляд роман «Ф.М.» – это типичный детектив с динамичным сюжетом и чередой загадочных убийств. Однако при более внимательном прочтении можно увидеть за детективным сюжетом романа «Ф.М.» философское содержание, сформированное благодаря многочисленным интертекстуальным связям этого произведения с текстами русской классической литературы. Цель данной статьи – рассмотреть интертекстуальные связи персонажей из романа Б. Акунина «Ф.М.» в философском аспекте.

Центральное место в романе занимает идея о том, что абсолютно плохих людей нет. Эту мысль в основной части романа высказывает Николас Фандорин: «**Как на дне души всякого хорошего человека копошится дрянь и мерзость, так и в душе законченного подлеца обязательно припрятано что-нибудь светлое, а значит, всегда остается надежда на чудо.** Стукнет по башке какая-нибудь **благословенная сила**, и в мозгу у подонка приключится травматическое воспаление. **Был человек черным – станет белым** (все выделения принадлежат нам. – И. К.)» [1], а в «Теорияке» – Порфирий Петрович: «**Много таких, срезавшихся, средь нас ходит. Иногда кажется, что большинство-с.** Но только думается мне, что *совсем пропащих среди людей не бывает. Иной человек, в наипоследние инфузории разжалованный, вдруг ни с того ни с сего так экзамен сдаст, что сразу в профессора взлетает. Потому человек – истинное чудо-с Божье*» [1]. Так как данные реплики

принадлежат героям двух разных частей одного произведения, то их связывают интратекстуальные связи. Поэтому с помощью интратекста в романе последовательно проводится мысль о том, что плохой человек может исправиться.

Кроме того, приведенные высказывания являются отсылками к нескольким источникам. Во-первых, к антропологической концепции Ф. М. Достоевского, которая заключается в том, что духовное возрождение возможно для любого человека, вне зависимости от глубины его падения: «Ф. М. Достоевский с почти эмпирической достоверностью обнаружил, что в падшем человеке (т.е. фактически преступнике) жив образ Божий» [2]. Во-вторых, рассуждение Николаса Фандорина «был человек черным – станет белым» [1] является отсылкой к следующей фразе из поэмы Н. В. Гоголя «Мертвые души»: «Полюби нас черненькими, а беленькими нас всякий полюбит» [3], которая, в свою очередь, является аллюзией на слова Иисуса Христа: «Вы слышали, что сказано: любите ближнего твоего и ненавидь врага твоего. А Я говорю вам: любите врагов ваших, благословляйте проклинающих вас, благотворите ненавидящим вас и молитесь за обижающих вас и гонящих вас, да будете сынами Отца вашего Небесного, ибо Он повелевает солнцу Своему восходить над злыми и добрыми и посылает дождь на праведных и неправедных. Ибо если вы будете любить любящих вас, какая вам награда? Не то же ли делают и мытари? И если вы приветствуете только братьев ваших, что особенного делаете? Не так же ли поступают и язычники?» [Мф 5:43–47].

Таким образом, рассмотренные реплики из романа «Ф.М.» постулируют основную идею произведения о сложности человеческой сущности, а также аккумулируют в себе философские воззрения на человека Н. В. Гоголя и Ф. М. Достоевского, восходящие к христианской этической системе.

К рассматриваемой проблеме относится и вопрос о самообладании, умении не давать воли тому темному, что есть в каждом человеке. По мысли Б. Акунина, удержаться от этого может искусство. Так, Николас Фандорин мучается из-за ревности, но удерживается от опрометчивых действий: «Ах, что это была за музыка! Под такую не терзаются ревностью, не мучаются уязвленным самолюбием, не строят планов мести. **«Фантазия фа-минор» не пускала в душу ничего низменного или мелочного.** Какой из этой мелодии получился бы аккомпанемент для мудрой, достойной старости, которая оглядывается на прожитую жизнь без горечи, со светлой грустью и пониманием. Николас не был старым и не был мудрым, но **в эту ужасную минуту Шуберт спас его от самого страшного, что может стрястись с человеком – он не превратился в собственный негатив.** Николас просто постоял, собрался с силами и тихо вышел за дверь» [1].

Важно отметить, что в отличие от классической литературы, в которой нравственным критерием человеческих взаимоотношений выступает христианская мораль, в романе Б. Акунина во главу угла ставятся человеческие чувства.

Рассмотрим это утверждение подробнее, проанализировав взаимоотношения Николаса Фандорина с Сашей Морозовой, которая ради спасения большого брата заключила договор с бизнесменом и депутатом Аркадием Сивухой и заманила обманым путем Николаса Фандорина в клинику. Будучи верующей, Саша «несколько раз принималась молиться, шептала что-то, глядя на бесстрастный лик Спасителя, но ни утешения, ни ответа ей не было» [1]. Обратим внимание, что лик Спасителя назван «бесстрастным», а девушка не получила ни ответа, ни утешения. В то же время Николас Фандорин, сочувствуя Саше, готов был сделать все, что в его силах, чтобы помочь ей: «Это я вас втянула... Вы столько раз могли мне сказать: все, хватит, дальше разбирайся сама. Но вы меня не бросили» [1]. То есть именно Фандорин мог бы помочь Саше, но она продолжает его обманывать, хотя сама при этом мучается и считает свое поведение грехом.

Необходимо отметить, что образ Саши Морозовой интертекстуален образу Сони Мармеладовой из романа Ф. М. Достоевского «Преступление и наказание». Соня, занимаясь проституцией ради спасения семьи от голодной смерти, совершает грех перед Богом, но не перед людьми, и при этом страдает только сама Соня: «Но он понял вполне, до какой чудовищной боли истерзала ее, и уже давно, мысль о бесчестном и позорном ее положении» [5]. А Саша, обманывая Фандорина, совершает грех не только перед Богом, но и перед Фандориным, причиняя ему душевную боль. В финале романа, раскрыв обман Саши, Николас Фандорин испытывает душевное страдание: «Он стоял, опустив глаза. Ощущение было такое, словно в сердце воткнулся гвоздь – не острый, но длинный и, кажется, ржавый. От этого сердце тоже будто подернулось ржавчиной, как в японской песне. Но это было неплохо. Похоже на анестезию» [1]. Таким об-

разом, по мнению Б. Акунина, грех перед Богом не так страшен, как грех перед человеком.

В философском отношении интересным является образ Свидригайлова из «Теорийки», оказавшимся убийцей старухи-процентщицы и еще нескольких человек и имеющий свою теорию: «Теория моя, видите ли, состоит в том, что я себя, злобное животное, перед отъездом в Новый Свет, должен в нуль вывести. <...> Сказано вам: три живые души я погубил. Три страшных минуса на себя записал. По теории вашего Родиона Романовича, они, может, и обыкновенные, но все равно – живые души. Только, на мое счастье, есть еще на свете люди иного сорта, с душой мертвой, гниющей. Они заражают своими гнилыми миазмами атмосферу, губят и вытравливают вокруг себя все и вся. Моя теория позатейливее раскольнической будет, не находите? – Аркадий Иванович расхохотался. – Это я еще у себя в деревне рассудил, с месяц тому. Если я за глухонемую и за лакея, да за мою Марфу Петровну трех смертоносных бацилл истреблю, то как раз три на три выйдет» [1]. С. А. Демченков пишет: «Акунин парадоксально обыгрывает положенную в основу романа Достоевского евангельскую идею воскресения через смерть. Уничтожив мерзкую «вошь» – старуху-процентщицу, – Раскольников духовно умертвил себя, однако благодаря самоотверженности Сони Мармеладовой он вступает на путь покаяния и получает возможность воскреснуть. Для акунинского Свидригайлова своеобразной формой покаяния становится... убийство (воскресение посредством чужой смерти)» [6].

Свидригайлов переступает христианские заповеди не только в том, что совершает убийства, но и в том, что решает, кто достоин жить, а кто нет, забывая, что всех людей без исключения любит Господь, в том числе самого последнего грешника. Об этом пишет А. Г. Долженко в статье «Почему нужно любить своих врагов?»: «Самый закоренелый грешник дороже и важнее всех прочих видимых тварей Божьих потому, что у него есть драгоценный дар – душа» [7].

Итак, образ Свидригайлова из «Теорийки» в философском отношении важен тем, что благодаря этому образу происходит переосмысление идей Ф. М. Достоевского в свете современности, так как «актуальный для Достоевского вопрос о бесценности человеческой жизни двадцатым веком оказался благополучно снят. <...> Может даже показаться, что в художественном мире Акунина Бог и дьявол вовсе не борются, а мирно сосуществуют в душе современного человека, ибо прошли времена, когда за преступлением следовало наказание и начиналось оно сразу вслед за ПЕРЕСТУПЛЕНИЕМ божьих заповедей» [8].

В отличие от романа Ф. М. Достоевского, в «Теорийке» есть описание трости Свидригайлова, у которой был набалдашник в виде сфинкса: «Трость была дорогая, красного дерева с бронзовым набалдашником в виде сфинкса, восседающего на пьедестале» [1]. «Сфинкс греческой традиции, выраженный в женской форме, уходит своими корнями в сказочные мотивы. Женский сфинкс был за-

частую окрыленным и изображался как демон смерти, который сидел в засаде на обочине дороги и задавал прохожим загадки, проглатывая всех, кто не мог ответить на его вопросы, до той поры, пока Эдип не победил его своими познаниями. **Вследствие этого сфинкс стал символом человеческих проблем, на которые должен быть дан ответ посредством поиска смысла существования»** [9].

Важно отметить, что приведенное толкование образа сфинкса дает ключ к более глубокой интерпретации всего романа Б. Акунина в целом: это произведение о вечных проблемах человечества, о нравственных, социальных и философских вопросах нашего времени.

Итак, мы проанализировали философский аспект интертекстуальных связей романа Б. Акунина «Ф.М.» и пришли к выводу, что интертекст оказывается средством создания глубинных смысловых пластов, а также способом актуализации философско-этических взглядов русских писателей XIX века в современном культурном пространстве. Необходимо подчеркнуть, что в романе «Ф.М.» важной является и собственная философская концепция Б. Акунина, заключающаяся в идее о том, что человека при любых обстоятельствах не должно покидать самообладание, а также в необходимости соблюдать этические нормы в человеческих взаимоотношениях.

1. Акунин Б. Ф.М. URL: <http://www.ruslit.net/preview.php?path=.txt> (дата обращения 14.01.2015).

2. Соина О. С. Тема падшести человека в религиозных откровениях Ф. М. Достоевского. URL: <http://www.shkola-mysli.narod.ru/05-04.html> (дата обращения 14.01.2015).

3. Гоголь Н. В. Мертвые души. URL: http://www.az.lib.ru/g/gogolx_n_w/text_0350.shtml (дата обращения 14.01.2015).

4. Евангелие от Матфея // Библия. Новый Завет. URL: <http://www.rusbible.ru/sinodal/mf.1-5.html> (дата обращения 19.01.2015).

5. Достоевский Ф. М. Преступление и наказание. URL: http://www.az.lib.ru/d/dostoewskij_f_m/text_0060.shtml (дата обращения 14.01.2015).

6. Демченков С. А. Постмодернистский детектив («Преступление и наказание» Ф. М. Достоевского и «Ф. М.» Б. Акунина). URL: http://www.traditions.org.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=102:-l-r-lr-&catid=13:2010-07-15-18-45-26&Itemid=3 (дата обращения 19.01.2015).

7. Долженко А. Г. Почему нужно любить своих врагов? URL: http://www.azbyka.ru/hristianstvo/bibliya/novyi_zavet/nagornaya_propoved_63-all.shtml (дата обращения 19.01.2015).

8. Поддубная Е. Я. История одной рукописи в зеркале «массовой» литературы. URL: <http://www.mmj.ru/index.php?id=213&article=975> (дата обращения 22.01.2015).

9. Ярхо В. Н. Сфинкс. URL: <http://www.symbolarium.ru/index.php/> (дата обращения 22.01.2015).

© Кузмичева И. В., 2015

МИФОЛОГИЧЕСКАЯ ОСНОВА ПРОИСХОЖДЕНИЯ СЛАВЯНСКИХ ФРАЗЕОЛОГИЗМОВ

MYTHOLOGICAL BASIS OF SLAVIC PHRASEOLOGISMS' ORIGIN

В статье рассматривается функционирование мифологического компонента в составе фразеологизмов славянских языков. Определяется происхождение образа мифологического персонажа во фразеологизмах и статус этих образов в языковой картине мира. Также рассмотрены аспекты языкового и культурного взаимодействия, сформулированы основные положения лингвокультурологического подхода в фразеологии. Показаны фразеологические обороты, которые культурно обусловлены, но не являются специфическими, так как мотивированы представлениями, общими для духовной культуры славян. В работе анализируются устойчивые выражения, которые были значимы для наших предков. Определенные устойчивые выражения отражают колорит и национальную самобытность славянских народов. Также рассматривается взаимосвязь мифов и фразеологизмов.

Ключевые слова: фразеологизм, мифологема, мифологический компонент, языковая картина мира.

The article discusses functioning of mythological component in the structure of phraseologisms of the Slavic languages. The origin of the mythological character's image in phraseologisms and status of these images in the language picture of the world are determined. The aspects of language and cultural interaction are examined; the basic issues of the linguistic-cultural approach in phraseology are formulated. The phraseological units that are culturally conditioned but are not specific because they are motivated by the ideas that are common to the spiritual culture of the Slavs are represented. The paper analyzes the set phrases that were important for our ancestors. Certain set phrases reflect the color and national identity of the Slavic peoples. The relationship between myths and phraseologisms is also discusses.

Keywords: phraseologism, myfolohema, mythological component, language picture of the world.

В контексте славянского языкознания особенно интересным является исследование фразеологии малых славянских народов. Изучением культурной информации в языковых знаках занимались Д. К. Зеленин [1], И. П. Сахаров [2], А. Н. Афанасьев [3], В. Н. Телия [4], Б. А. Успенский [5], М. А. Булатов [6]. Исследования культурного наполнения именно в фразеологической семантике были проведены такими учеными, как В. И. Даль [7], Н. М. Шанский [8] и др. В работах указанных авторов отмечается, что фразеологизмы занимают особое место в формировании языковой картины мира, воспроизводя реальную действительность.

Изучение языковых особенностей фразеологических единиц является актуальным, так как они отражают национальную самобытность славянского народа. На сегодняшний день необходимо сохранить чистоту языка, его специфические особенности, знать основные истоки происхождения устойчивых выражений. Цель нашей работы – изучить национально-культурную и национально-лингвистическую специфику фразеологизмов с точки зрения мифологического происхождения.

Для человека реальный мир существует в виде самой реальности, первой сигнальной системы (уровня чувственного восприятия действительности) и второй сигнальной системы действительности (язык).

В своей работе «Восточнославянская этнография» Д. К. Зеленин исследует так называемую мифологическую теорию происхождения языка, с созданием которой были связаны такие исследователи мифологии и языка, как Ф. Шеллинг, М. Мюллер и Е. Кассиер. Сам исследователь мифологической теории языка утверждает, что «именно мифологическая гипотеза происхождения языка способна объяснить феномен фантастической сложности и глубины семантики с ее культурно-избыточными смыслами, которые только усложняют общение. Мифологическая гипотеза позволяет объяснить сам феномен языкового разнообразия: язык для носителей различных культур является средством замыкания культуры в себе, чтобы сделать ее непроницаемой для других народов» [1, с. 31]. Учитывая современную тенденцию к изучению языковых явлений с точки зрения культурологии, эту теорию, по нашему мнению, не стоит оставлять без внимания. В. Н. Телия приводит еще одно весомое подтверждение неразрывной связи мифологии и языка: «Почти любое слово для человека с древнего мира имело особую мифологическую глубину, было окружено мифическими смыслами, было сакральным. Для наших предков было очень важным знание сакральной семантики слова» [4, с. 53].

Дохристианские верования славянских народов не могли не сказаться на лексической и фразеологической

системе славянских языков. Современным славянам известны такие персонажи мифов и легенд, как *полудница*, *Змей Горыныч*, *бобак*, *блудница* и др. На сегодняшний день наиболее основательным исследованием славянской мифологии является упомянутый труд Д. К. Зеленина «Восточнославянская этнография», в котором ученый подробно рассказывает о большинстве мифологических персонажей, используя фольклорный материал славянских народов и приводя в примеры легенды из разных уголков Земли.

Рассмотрим мифологическую основу славянских фразеологизмов на примерах, которые являются наиболее распространенными в современной культурологии.

Понятие, связанное с мифологией, имеет фразеологизм *Змей Горыныч*. Представления о змее существовали с давних времен и формировались разными путями. Описание змея, например, звучит следующим образом: «Кто такой змей? Как он выглядит? Он прилетает издалека со своими дарами в форме раскаленного шара с длинным огненным хвостом» [6, с. 49]. Также есть объяснения, как задобрить дракона, чтобы он оставил вам от себя какой-то подарок: «Чтобы он вам оставил подарки, на крышу нужно оставить ему на ночь роголики» [3, с. 40]. Исследователь Б. А. Успенский приводит своеобразную классификацию мифологических персонажей: «Были разные виды змеев: денежные, ржаные, молочные, сырные» [5, с. 91].

Мифологема «змей» присутствует в фольклоре практически всех европейских народов, в том числе славянских, при этом природа и характер змея могут отличаться в зависимости от его «этнической принадлежности» [2, с. 69]. В представлении большинства славянских народов змей является олицетворением злых сил. Исключение из правила составляют верования южных славян, где змей является положительным персонажем, который борется с демонами плохой погоды. Отрицательная коннотация фразеологизма *Змей Горыныч*, которая заключается в восприятии в данной ситуации змея как нечистой силы, наводит на мысль о том, что этот фразеологизм был создан после введения христианства. Судя по фразеологизму *Змей Горыныч*, у славян змей был символом богатства, причем богатства неожиданного, часто сомнительного происхождения. Если человек имел дружеские отношения с этим существом, если он определенным образом завладевал змеем, то тот обеспечивал ему достаток.

Аналогичную семантику – «иметь сомнительный источник великого изобилия» [9, с. 12] – имеет фразеологизм *чур мое*. Мифологема «чур» соответствует русской мифологеме «домовой»; традиционно это существо изображается как маленький мужичок с длинной бородой и волосами, обычно живущий в доме вместе с людьми. Домовой, судя по фразеологизму *чур мое*, так же, как и змей, приносил богатство. Н. А. Афанасьев указывает на некоторые общие черты змея и домового, в частности, ученый утверждает, что «змей и домовый убегают от человека, а избавиться от него было даже легче. Обычно он исчезал, когда его переставали кормить» [3, с. 47]. Чур

был сторонником поклонения очагу, богатству и родству. Из заклятий *чур меня* ясно видно охранительное свойство этого божества.

Следующая мифологема, отраженная в фразеологии, – *блудница*. Представлена она в фразеологизме *Вавилонская блудница на звере багряном*. Славяне представляли эту мифологему «в виде огоньков», появляющихся на болотистой местности. Как существо с враждебной человеку природой, *блудницу* описывает Б. А. Успенский: «Говорят, что *блудницы* являются существами злыми, пытающихся причинить вред людям. Они заводят людей в болота и топят их там или всю ночь водят вокруг болота, а утром человек приходит домой очень измученный» [5, с. 68].

Еще одна интересная мифологема – *полудница*. По древним легендами, это женщина в белой одежде с серпом в руках, которая следила за тем, чтобы в полдень крестьяне не работали в поле. Если же кто нарушал этот закон, то должен был в течение часа без перерыва в форме монолога говорить на одну тему. Иначе человека ждала неминуемая смерть. Именно этим фольклорным сюжетом, очевидно, и мотивирован фразеологизм *полудница во ржи* в значении «очень настойчиво кого-то о чем-то расспрашивать» [9, с. 50]. В работе В. И. Даля «Русский народ: поверья, суеверия и предрассудки» мы находим такое определение данной мифологемы: «полудница является людям, которые работают на поле в полдень или просто находятся в это время в поле. Она появляется летом... в солнечную жаркую погоду. Славяне представляют ее как старую женщину в белой одежде с серпом в руке» [7, с. 73]. Появляющаяся в полдень и летнее время суток полудница – это наделенное почти универсальной силой божество: это и смерть, и время, и распорядительница жизни.

Следующий интересный мифологический персонаж славянской фразеологии – *бобак*. Бобак представлялся как злой дух черного цвета: *темный бобак* – «абсолютно черный и очень страшный, особенно его боялись дети: говорят, что где-то бобак – «очень бояться чего-то или кого-то без особой на то причины» [9, с. 192]. Этими же характеристиками обладал и *бабай*, которым часто пугали детишек, чтобы те вели себя хорошо и не баловались. Этими словами обозначалось нечто таинственное, но вполне определенного облика. В своей работе «Русское народное чернокнижие» И. П. Сахаров описывает *бабая* следующим образом: «Это черный, страшный кривобокий старик, часто немой, безрукий или хромой, повсюду таскающий с собой котомку или небольшой мешок, в который он и забирает с собой непослушных детей. Он бродит по улице с палкой. Встреча с ним опасна, особенно для детей» [2, с. 61]. Иногда это существо никак не описывают и дети могут его представить в очень страшном сне. Слово *бабай* родственно с тюркским «баба» в значении старик, дедушка. Возможно, он страшен нам именно потому, что в древней памяти наших предков это слово сохранилось как напоминание о монголо-татарском иге.

На фразеологию славян повлияли также языковые единицы с компонентами-названиями персонажей и со-

бытий из классических древнегреческих мифов и легенд. Так, в славянской фразеологии находим выражение *Авгиевы конюшни* со значением «с большими усилиями навести порядок в очень загрязненном месте» [9, с. 44]. Из древнегреческих мифов известно, что конюшни царя Авгия, сына бога солнца Гелиоса, содержали многочисленное количество скота и их не чистили в течение тридцати лет, пока Геракл не вычистил их за один день, направив в них течение реки.

Не обошло стороной славянские народы понимание фразеологизма *нить Ариадны*. Это выражение пришло из мифа об афинском герое Тезее. Ариадна, дочь критского царя Миноса, помогла Тезею, прибывшему из Афин, сражаться с ужасным Минотавром. С помощью клубка ниток, который дала Тезею Ариадна, он сумел после победы над чудовищем выбраться из лабиринта – жилища Минотавра. Переносное значение выражения «нить Ариадны»: «средство выйти из затруднения, руководящее начало, путеводная нить» [8, с. 39].

Не менее интересное происхождение у фразеологизма *Сизифов труд*, который также вошел в разговорную речь славянских народов. Так называют любую бесцельную, бесконечную работу. Из мифов следует, что «коринфский царь Сизиф, рассказывали греки, был великим хитрецом. Он все время обманывал богов и издевался над ними, рассказал людям их тайны. Зевс послал к нему Смерть, но он и Смерть заковал в цепи, и люди стали бессмертными» [9, с. 261]. Победив в конце концов Сизифа, боги назначили ему суровую кару. Он был обречен все время катить в гору огромный камень. Едва камень достигал вершины, он срывался и падал к подножию холма. Дело надо было начинать снова и снова. Наказание Сизифа было страшно не столько трудностями, сколько бессмысленностью его работы. Понятно, что с этого рассказа и возник навеки запоминающийся образ бесконечного труда.

Таким образом, одинаковые фраземы у разных народов часто вызывают однотипные ассоциации. Мифологическая фразеология демонстрирует семантически значимый характер сюжетов устойчивых оборотов и пре-

вращает картину мира в ту, которая задана глубинными общенациональными архетипами. Проанализированные устойчивые выражения – культурно значимые, так как мотивированы представлениями общими для культуры славян. Они ориентированы на все группы социума, которые выполняют функцию воспроизведения языка культуры. Рассматривая этнолингвистический статус мифологического компонента в составе фразеологизмов славянских языков, можно определить происхождение этих образов. Место устойчивых выражений в языковой картине мира славянина обусловлено этнолингвистическим статусом и мифологическим компонентом.

1. Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М.: Наука, 1994. 241 с.

2. Сахаров И. П. Русское народное чернокнижие. СПб.: Наука, 1997. 310 с.

3. Афанасьев А. Н. Поэтическое воззрение славян на природу. М.: Современный писатель, 1995. 375 с.

4. Телия В. Н. Первоочередные задачи и методологические проблемы исследования фразеологического состава языка в контексте культуры // Фразеология в контексте культуры. М.: Наука, 1999. 408 с.

5. Успенский Б. А. Филологические разыскания в области славянских древностей (Реликты язычества в восточнославянском культе Николая Мирликийского). М.: МГУ, 1998. 245 с.

6. Булатов М. А. Крылатые слова. М.: Детгиз, 1958. 284 с.

7. Даль В. И. Русский народ: поверья, суеверия и предрассудки. М.: Эксмо, 2005. 253 с.

8. Шанский Н. М. Краткий этимологический словарь русской фразеологии. М.: Энциклопедия, 2001. 142 с.

9. Мирончиков Л. Т. Словарь славянской мифологии и происхождение славянской мифологии и этноса. М.: Харвест, 2004. 392 с.

© Панасюк О. Г., 2015

АКТУАЛЬНОСТЬ ИЗУЧЕНИЯ ОНОМАСТИКИ В ШКОЛЕ

RELEVANCE OF STUDYING ONOMASTICS AT SCHOOL

В статье освещен новый подход к изучению лексикологии в школе, в частности одного из ее разделов – ономастики; обозначена ее связь с историей, географией, этнографией, социологией. Предложены упражнения и задания, которые будут способствовать изучению теоретических понятий ономастики.

Ключевые слова: ономастика, лексикология, ученики, имена собственные, семантика.

The article reveals a new approach to studying lexicology at school, in particular such its section as onomastics and its interrelation with history, geography, ethnography and sociology. The exercises and tasks, which promote understanding of theoretical notions of onomastics, are proposed in the article.

Keywords: onomastics, lexicology, pupils, proper names, semantics.

Постановка проблемы. На сегодняшний день существует целый ряд исследований российских языковедов, в которых рассматриваются проблемы изучения ономастики в школе [1, с. 166]. Их решение будет способствовать также обстоятельному изучению таких разделов, как «Лексикология», «Словообразование», «Орфография».

Цель исследования. Показать важность изучения в школе ономастики как структурного компонента лексикологии в целом, определить межпредметные связи, которые реализуются при освоении ономастики, охарактеризовать особенности преподавания ономастики в школе.

Анализ последних исследований и публикаций. В России ономастическими исследованиями занимались Н. Алефиренко, В. Бондалетов, М. Горбаневский, Л. Дмитриева, А. Суперанская и др. К сожалению, проблеме изучения ономастики в школе посвящены только работы российских ученых.

Основной материал. Мы живем в окружении слов – названий предметов, процессов, качеств, явлений. Но есть слова, занимающие особое место в системе языка, предназначенные для обозначения конкретных предметов и явлений и выделяющие их из ряда подобных, однотипных, – это имена собственные, или онимы. Мы применяем их в речи практически каждый день. К ним относятся как имена реально существующих людей, клички животных, названия городов и рек, так и наименование предметов и субъектов, созданных фантазией человека (имена героев литературных произведений, богов и демонов и т. д.). Очень часто человек задается вопросами, откуда происходит то или иное название, фамилия, имя, почему город, река, страна так называются.

Разнообразие имен, их активное распространение в нашей жизни и сложность этого аспекта языка привели к возникновению особой области языкознания – ономастики (в переводе с греческого – искусство давать имена). В свою очередь, появление этой науки привело к тому, что возросла необходимость в ее изучении.

По мнению В. Бондалетова, ономастический материал составляет значительную часть лексики любого высоко-

развитого языка и заслуживает того, чтобы его изучали так, как изучают другие общественные и естественные науки. Особенно необходима подготовка по ономастике учителю, которому предстоит нести ономастические знания в школу [2, с. 17].

А. В. Суперанская в своей работе «Общая теория имени собственного» утверждает, что собственные имена встречаются во всех стилях речи. Без них трудно представить себе изложение, рецензию, письмо. Поэтому учащиеся должны постоянно расширять запас таких слов, изучать их особенности, иметь представление о сходстве имен собственных и различия между их разрядами [3, с. 262].

Развивая идеи А. В. Суперанской, Т. М. Майорова в статье «Ономастика в лингвокраеведческой работе» рассказывает о необходимости собрания ономастического материала, об организации такой работы в школе и вузе. Исследователь отмечает, что «ономастическая перепись поможет выявить взаимодействие, взаимовлияние, взаимосвязь собственных имен» [4, с. 44].

Изучение разделов ономастики (антропонимики, топонимики, теонимики, космонимики, эргонимики, хрононимики, поетонимики) начинается с 9-го класса. Практически со всеми разделами школьники знакомятся не только на уроках русского языка, но и географии, истории, литературы. Особенно богаты ономастическим материалом, требующим осмысления, усвоения, запоминания, правильного использования, написания и произношения, такие предметы, как литература, русский язык, география, астрономия, история, обществознание. Не случайно именно по этим специальностям в ряде педагогических институтов и университетов страны введены дисциплины ономастического цикла. Историки и географы слушают курсы по топонимике, филологи – по антропонимике, топонимике, ономастике художественной литературы и фольклора, будущим преподавателям астрономии читаются циклы лекций по космонимике.

Изучение ономастики в школе, по нашему мнению, должно базироваться на решении целого ряда лингводидактических задач в едином семантическом пространстве, которое определяется грамматическими, орфографически-

ми, лексическими языковедческими задачами. Таким пространством может быть и онимия, или имена собственные. Они тесно связаны с культурой, историей страны и, кроме всего прочего, имеют специфические черты морфемного строения, словоизменения, словообразования и орфографии. Имена собственные позволяют познакомить ребенка-школьника с языковой картиной мира. Вместе с тем учитель в ходе работы может способствовать запоминанию учащимися лингвистической терминологии.

Особое значение имеют имена собственные для изучения лексического состава языка, поскольку в них содержатся названия многих понятий, предметов, которые давно вышли из активного использования. По нашему мнению, такую работу педагог-словесник может начинать уже с пятого класса, постепенно совершенствуя ее.

При изучении вопросов ономастики реализуется принцип персонализации, т. е. максимального привлечения на уроках языка личности ребенка, его биографического и речевого опыта. Такие уроки развивают наблюдательность, любознательность школьников, интерес к своей родословной, к истории родного края. Учитель может еще в начале учебного года дать ученикам задания, направленные на исследование ономастического материала. Например, школьникам можно предложить с помощью взрослых написать творческую работу «Почему меня так называли?» или «Словарь нашей семьи».

Изучению исторических корней семьи способствуют задания по созданию необычных словарей: «Топонимический словарь нашей семьи», «Словарь самых популярных имен нашей школы», «Словарь моего города (села, улицы, района...)» или «Словарь зоонимов», в который могут войти клички домашних любимцев или клички животных в целом. Таким образом школьники не только овладевают ономастической терминологией, но и знакомятся с теми собственными названиями, которые их окружают.

Задания по ономастике также способствуют усвоению теоретических положений таких разделов языкознания, как «Морфемика» и «Словообразование», совершенствованию орфографических умений и навыков. С этой целью учащимся можно предложить следующие задачи: выполнить морфемный или словообразовательный анализ слов – собственных названий; образовать производные прилагательные от имен существительных и др. Не менее интересными будут и упражнения в образовании отчеств от имен.

На антропонимах легко показать различия «развернутой» и «сжатой» формы именования человека (по фамилии, имени, отчеству), официальной (*Кристина, Олег*) и неофициальной (*Серезжа, Кристиночка*), формы имени, а также тончайшие стилистические различия, вносимые в имена многочисленными суффиксами (Павел, Павлик, Павлуша) [5].

Обращение к топонимам позволит учителю остановиться на таких аспектах, как правописание сложных географических названий и их склонение, создание прилагательных от географических названий. Большой познавательный и воспитательный интерес представляют символические и мемориальные названия городов.

При изучении онимов целесообразно выполнять упражнения, актуализирующие диффузность границ между

именами собственными и нарицательными. Приведем несколько вариантов таких заданий.

Упражнение 1. Определить и объяснить, на основе какого способа словообразования возникли выделенные в словосочетаниях слова, охарактеризовать способ словообразования, его проявление. К выделенным и анализируемым производным словам подобрать словосочетания с образующими словами. Привести три аналогичных примера.

Кафе «Галина», парикмахерская «Юлия», ателье «Ласточка», фестиваль юных исполнителей «Молодость», кинотеатр «Киевская Русь», журнал «Киев», отель «Москва», санаторий «Крым», площадь Льва Толстого, станция метро «Площадь Льва Толстого», проезд «Гагарина».

Упражнение 2. Ввести словосочетания и слова в предложения таким образом, чтобы они были как именами нарицательными, так и собственными, объяснить правописание.

Малая медведица, старая мельница, обширные луга, белый колодец, колокол, ромашка, вереск, здоровье.

Учащиеся охотно выполняют задания по интересной ономастике, которые способствуют не только усвоению языковедческого материала, но и позволяют расширить общий кругозор школьников, закрепить знания по географии, развить эрудицию. Например: Назовите:

- 1) город львов;
- 2) нежный город;
- 3) город, в котором есть притяжательное прилагательное, возникшее от мужского имени;
- 4) страну, название которой переводится как «ледяная земля»;
- 5) остров «ядовитый»;
- 6) цветные моря;
- 7) имя полуострова, которым называют задние ряды в классе?

Ответы: 1. Львов, 2. Нежин, 3. Николаев, 4. Исландия, 5. Змеиный, 6. Камчатка.

Выводы. Как видим, ономастика находится в тесной связи с рядом дисциплин, которые изучают в общеобразовательных школах. Ее освоение способствует всестороннему развитию личности школьника.

1. Алефиренко Н. Ф. О природе ономастической семантики // Ономастика Поволжья: тез. докл. VIII междунар. конф. Волгоград, 8–11 сент. 1998 г. / Отв. ред. В. И. Супрун. Волгоград: Перемена, 1998. С. 165–168.

2. Бондалетов В. Д. Русская ономастика. М.: Просвещение, 2000. 312 с.

3. Суперанская А. В. Общая теория имени собственного. М.: Наука, 1973. 366 с.

4. Майорова Т. М. Ономастика в лингвокраеведческой работе // Русский язык в школе. 2000. № 4. С. 43–46.

5. Вербич С. О. Современная ономастическая лексика: функциональный аспект // Вестник НАН Украины. Киев, 2008. № 5. С. 54–60.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРАХ

Бакулина Светлана Дмитриевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат культурологии, доцент. svbakulina@yandex.ru

Бельская Юлия Владимировна, Новосибирский государственный технический университет, кандидат экономических наук, доцент. belskaya73@mail.ru.

Викторов Дмитрий Валерьевич, Южно-Уральский государственный университет (Челябинск), кандидат педагогических наук, доцент. viktorovdv@yandex.ru

Войнаровская Юлия Владимировна, Самарский государственный экономический университет, кандидат исторических наук, доцент. torhova@list.ru

Войнаровский Олег Викторович, Военный учебно-научный центр ВВС «Военно-воздушная академия» (г. Сызрань, Самарская область), кандидат исторических наук. oleg.voinarovskiy.78@mail.ru

Галецкая Инна Ивановна, Львовский национальный университет им. Ивана Франка (г. Львов, Украина), кандидат психологических наук, доцент. innahaletska@ukr.net

Гейко Наталья Романовна, Костанайский филиал Челябинского государственного университета, старший преподаватель. charmsmile2009@mail.ru

Гопко Владимир Васильевич, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент. go.vladi@yandex.ru

Дронсейка Регина Пранасовна, Восточно-Казахстанский государственный технический университет им. Д. Серикбаева (г. Усть-Каменогорск, Республика Казахстан), кандидат филологических наук. rdronseika@inbox.ru

Жукова Олеся Николаевна, Омский государственный педагогический университет, аспирант. olesya_zhukova@mail.ru

Избушева Анастасия Михайловна, Омский государственный университет им. Ф. М. Достоевского, аспирант. diyanie@yandex.ru

Кордас Ольга Михайловна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент. elga78@mail.ru

Кошелев Виталий Андреевич, Новосибирский государственный технический университет, аспирант. vkoshelev@list.ru

Кротт Иван Иванович, Омский государственный педагогический университет, кандидат исторических наук, доцент. ivkrott@mail.ru

Кузмичева Ирина Владимировна, Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, магистрант. irakzm@yandex.ru.

Лаздина Татьяна Ивановна, Омский государственный педагогический университет, кандидат педагогических наук, доцент. tlazdina@yandex.ru

Мартишина Наталья Ивановна, Сибирский государственный университет путей сообщения (г. Новосибирск), доктор философских наук, профессор. nmartishina@yandex.ru.

Матвеева Светлана Ивановна, Централизованная библиотечная система г. Кунгура, директор. biblio-kungur@mail.ru

Морозова Майя Андреевна, Новосибирский государственный технический университет, кафедра иностранных языков технических факультетов, старший преподаватель. majamorozova@mail.ru

Мухтаров Талгат Сабитович, Омский государственный педагогический университет, соискатель. t_mukhtarov@mail.ru

Навойчик Евгения Юрьевна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент. disagree194@yandex.ru

Николаева Юлия Александровна, Омский государственный педагогический университет, студент. elga78@mail.ru.

Панасюк Ольга Геннадьевна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», магистрант. tire.ollli@mail.ru

Подкатнова Ирина Владимировна, Московский государственный областной социально-гуманитарный институт (г. Коломна, Моск. обл., аспирант) a_avril@mail.ru.

Раубо Ксения Витальевна, Новосибирский государственный технический университет, аспирант. ksraubo@gmail.com

Сафонова Людмила Анатольевна, Мордовский государственный педагогический институт им. М. Е. Евсевьева (Саранск), кандидат педагогических наук, доцент. safonova.lan@yandex.ru

Свотина Кристина Викторовна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет имени В. И. Вернадского», магистрант. svotina@mail.ru.

Сулейманов Александр Альбертович, Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера Сибирского отделения РАН (Якутск), кандидат исторических наук. alexas1306@gmail.com

Таранова Юлия Владимировна, Санкт-Петербургский государственный университет, кандидат политических наук. taranovajv@gmail.com

Троян Светлана Владимировна, Омский государственный педагогический университет, аспирант. sveta-fajyz@mail.ru

Устинова Татьяна Викторовна, Омский государственный педагогический университет, кандидат филологических наук, доцент. utanja@mail.ru

Филатова Александра Федоровна, Омский государственный педагогический университет, доктор психологических наук, доцент. filatovaaf@mail.ru

Черкасов Дмитрий Николаевич, Белорусский государственный экономический университет (г. Минск, Республика Беларусь), кандидат исторических наук, доцент. dmcminsk@gmail.com

Шалацкая Татьяна Петровна, Евпаторийский институт социальных наук (филиал) Федерального государственного автономного образовательного учреждения высшего образования «Крымский федеральный университет им. В. И. Вернадского», старший преподаватель. e-mail: shalatskaya@mail.ru

Шубина Марина Петровна, Омский государственный педагогический университет, кандидат философских наук, доцент. Smara_dom@mail.ru.

Щукин Денис Васильевич, Елецкий государственный университет имени И. А. Бунина, кандидат исторических наук, доцент. dionysios@yandex.ru

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционно-издательский совет ОмГПУ объявляет о наборе статей в очередной номер журнала «Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования».

Для публикации в журнале принимаются статьи, отражающие широкий спектр проблем современных гуманитарных наук: исторических, филологических, философских, культурологических, педагогических.

Помимо статей, могут быть опубликованы аналитические обзоры, рецензии, материалы научных дискуссий и т. п. Также редакционная коллегия будет благодарна за материалы для рубрики «Страницы памяти», посвященной ученым-гуманитариям, которые прославили университет.

Статьи, оформленные в соответствии с требованиями, необходимо до 18 мая 2015 года выслать по электронному адресу vestnik.omgpu@yandex.ru в строке «Тема» указать «Заявка на публикацию».

Журнал является рецензируемым, редакционная коллегия оставляет за собой право вернуть присланные материалы на доработку или отказать в публикации.

Журнал имеет международный индекс периодического издания – ISSN 2309-9380 – и включен в систему РИНЦ.

Архив номеров доступен на сайте ОмГПУ (<http://www.omgpu.ru/science/vestnik/index.htm>); размещение материалов в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (<http://www.elibrary.ru>) осуществляется с соблюдением правил портала. Предоставление рукописи означает согласие автора на размещение статьи в указанных интернет-источниках.

Публикация бесплатная, иногородним авторам журнал будет выслан наложенным платежом.

Требования к публикации

1. Рекомендуемый объем статьи 6–8 страниц. Основной текст: шрифт Times New Roman, кегль 14, интервал одинарный, поля по 2 см с каждой стороны, абзацный отступ 1 см, выравнивание по ширине.

2. Ссылки на литературу оформляются следующим образом: [1, с. 238], где первая цифра – номер источника в библиографическом списке. Библиографические примечания оформляются в соответствии с ГОСТ Р 7.0.5 2008: шрифт Times New Roman, кегль 12, интервал одинарный; источники размещаются в порядке ссылок по тексту; наличие библиографического перечня обязательно.

Требования ГОСТ Р 7.0.5 2008 см.: <http://www.protect.gost.ru/v.aspx?control=8&baseC=-1&page=0&month=-1&year=-1&search=&RegNum=1&DocOnPageCount=15&id=165614&pageK=466BEF73-A91A-4347-AD85-14FA584A6CCC>

3. Каждая статья должна быть снабжена:

индексом УДК (см., например: <http://www.udc.biblio.uspu.ru>; для проверки можно воспользоваться автоматической расшифровкой индекса на <http://www.scs.viniti.ru/udc/Default.aspx>);

переводом названия и имени автора на английский язык;

аннотацией на русском и английском языках (около 100 слов; Times New Roman, кегль 12, интервал одинарный);

ключевыми словами (5–8) на русском и английском языках (Times New Roman, кегль 12, интервал одинарный).

4. К статьям аспирантов должна быть приложена рецензия научного руководителя с указанием актуальности и научной новизны проводимого исследования.

5. Статьи магистрантов (единственный автор – магистрант) принимаются на конкурсной основе (не более 5 статей в одном номере) и размещаются в особом разделе «Слово молодым». Объем предоставляемых материалов – 4–5 страниц. К статьям должна быть приложена рекомендация научного руководителя; сведения о руководителе указываются в постраничной сноске.

6. Редакция оставляет за собой право на сокращение и редактирование статей.

Примечание: В описании источника обязательно должно быть указано издательство; общее количество страниц, если следует ссылка на книгу, или указание на количество страниц статьи, размещенной в сборнике.

Сведения об авторе (авторах)
(в присланном файле размещаются после текста статьи)

Фамилия, имя, отчество (полностью)	
Наименование организации – места работы, учебы (для магистрантов, аспирантов)	
Структурное подразделение, должность	
Ученая степень, ученое звание	
Сведения о научном руководителе (для магистрантов): ФИО, ученая степень, ученое звание, место работы, должность	
Контактный телефон, E-mail	
Почтовый адрес	
Согласие на размещение электронной версии статьи на сайте ОмГПУ и в научной электронной библиотеке eLIBRARY.RU (наличие ответа «согласен/согласна» – обязательное условие публикации)	

ВЕСТНИК
ОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
ПЕДАГОГИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА.
ГУМАНИТАРНЫЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

Научный журнал

2015. № 2(6)

Редактор *Г. Н. Орлов*
Технический редактор *Л. Л. Штаненко*

Подписано в печать 28.04.2015. Формат 60×84/8.
Бумага офсетная. Печать офсетная.
Печ. л. 17,0. Уч.-изд. л. 21,0
Тираж 100 экз. Заказ Ш-50

Издательство ОмГПУ.
Отпечатано в типографии ОмГПУ,
Омск, наб. Тухачевского, 14, тел./факс: (3812) 23-57-93